

ЛОРЕН
ВАЙСБЕРГЕР

ИГРА
НА
ВЫЛЕТ

от автора
ДЬЯВОЛ
НОСИТ
PRADA

Annotation

Когда-то Лорен Вайсбергер разнесла в щепки мир высокой моды, глянца и гламура – теперь она грозит развенчать иллюзии большого спорта!

Как далеко можно зайти, чтобы завоевать вершину спортивного олимпа?

Любимица Америки, молодая теннисистка Чарли Сильвер, продала душу дьяволу, став подопечной легендарного тренера Тодда Фелтнера, скандально известного своим тщеславием и невыносимым характером. Тодд загорелся идеей превратить тихую и скромную девушку в королеву глянца, навязывая ей образ селебрити. Теперь с ней работают лучшие модельеры и стилисты, она – своя в мире закрытых VIP-вечеринок, благотворительных приемов и тусовок на шикарных яхтах с голливудскими звездами.

Еще один турнир Большого шлема. Еще одно интервью. Еще одна фотосессия. Звезда Чарли сияет все ярче... а сама она все чаще задает себе вопрос: не слишком ли высокую цену приходится платить за успех в мире, одержимом деньгами и славой? Готова ли она получить все, но потерять себя?

- [Лорен Вайсбергер](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7. Америке нравятся преобразования](#)
  - [Глава 8. Бить, как девчонка](#)
  - [Глава 9. Принцессы-воины не носят шлепанцы](#)
  - [Глава 10. Поцелуи на красной дорожке](#)
  - [Глава 11. Сверкающая](#)
  - [Глава 12. Новая горячая пара](#)
  - [Глава 13. Королева тенниса](#)
  - [Глава 14. Великий план](#)
  - [Глава 15. На следующее утро](#)

- [Глава 16. Кто лучше в постели?](#)
  - [Глава 17. Как по-французски «катастрофа»?](#)
  - [Глава 18. Линдси Лохан от тенниса](#)
  - [Глава 19. На яхте Боно](#)
  - [Глава 20. Конец](#)
  - [Глава 21. Момент истины](#)
  - [Глава 22. Унижаться, просить, умолять и подкупать](#)
  - [Глава 23. Подача Шарлотты Сильвер](#)
  - [Выражение признательности](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
-

Лорен Вайсбергер

Игра на вылет

*Сидни, Эмме, Сейди и Джеку.
Я так вас всех люблю!*

Lauren Weisberger
THE SINGLES GAME

Печатается с разрешения литературных агентств International Creative Management, Inc., c/o Curtis Brown UK и The Van Lear Agency LLC.

© Lauren Weisberger, 2016

Школа перевода В. Баканова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1

Не все клубника со сливками

Уимблдон.

Июнь 2015 года

Не каждый день зрелая особа с тугим пучком на затылке и в фиолетовом костюме из полиэстера приказывает тебе задрать юбку. Резким, деловитым тоном и с британским акцентом.

Бросив взгляд на Марси, своего тренера, Чарли приподняла края плиссированной белой юбочки.

– Выше, пожалуйста.

– Уверяю вас, мэм, там все как полагается, – проговорила Чарли со всей вежливостью, на какую была способна.

Женщина не ответила, лишь прищурилась и окинула ее жестким взглядом.

– Полностью, Чарли, – строго сказала Марси, едва сдерживая улыбку.

Чарли подняла юбку, открыв верхний край белых лайковых шорт.

– Нижнего белья нет, но шорты – двойного слоя. Даже если я сильно вспотею, ничего не будет просвечивать.

– Хорошо, спасибо. – Женщина сделала пометку в блокноте. – Теперь топ, пожалуйста.

В голову пришло не меньше дюжины шуток – это как поход к гинекологу, только в спортивной форме; на первом свидании она не каждому показывает нижнее белье и так далее, – однако Чарли сдержалась. Уимблдонские работники приветливы и вежливы, но никто не заподозрил бы у них наличия чувства юмора.

Она задрала топ так высоко, что он закрыл часть лица.

– Лиф из того же материала. Совершенно непрозрачный, даже если промокнет.

– Да, вижу, – буркнула женщина. – Только вот лента цветная по низу.

– Резинка? Она светло-серая. Вряд ли это можно считать цветом. – Марси ответила спокойно, но Чарли заметила едва уловимую нотку раздражения.

– Мне нужно ее измерить.

Из маленькой поясной сумки, надетой поверх костюма, женщина

достала обычную желтую измерительную ленту и тщательно обернула ее вокруг грудной клетки Чарли.

– Закончили? – спросила Марси. Ее раздражение было теперь вполне очевидно.

– Почти. Мисс, ваша кепка, напульсники и носки – приемлемы. Есть только одна проблема, – сказала женщина, поджав губы. – Обувь.

– А что с обувью? – спросила Чарли.

«Найк» буквально лез из кожи вон, чтобы сделать ей кроссовки, полностью удовлетворяющие строгим требованиям Уимблдона. Ее обычный веселый и яркий костюм полностью сменился на белый. Не кремовый, не молочный, не слоновой кости, а чисто-белый. Кожа кроссовок была белой. Шнурки были белые-белые-белые.

– Подошва целиком розовая. Это нарушение.

– Нарушение? – с недоумением переспросила Марси. – Бока, задник, верх и шнурки чисто белые, строго по правилам. Логотип «Найк» даже меньше, чем требуется. Какие проблемы могут быть с подошвой?

– Боюсь, такие крупные цветочные пятна не допускаются даже на подошвах. Ограничение – полоса в сантиметр.

Чарли в панике обернулась к Марси. Та успокаивающе подняла руку.

– Что вы предлагаете, мэм? Через десять минут девочке выходить на Центральный корт. И вы говорите, она не может идти в кроссовках?

– Разумеется, она *может* идти в кроссовках. Однако, согласно правилам, она не может идти в *этих* кроссовках.

– Спасибо за пояснение, – фыркнула Марси. – Мы что-нибудь придумаем.

Она схватила Чарли за руку и потащила ее к одной из разминочных комнат в конце раздевалки.

Видя беспокойство тренера, Чарли чувствовала себя как при турбулентности в самолете – когда смотришь на стюардесс, желая убедиться, что все в порядке, и до тошноты боишься увидеть на их лицах панику. Марси тренировала Чарли с пятнадцати лет, когда отец решил, что научил ее всему, что умел. Он выбрал Марси в первую очередь за ее тренерское чутье, но также и потому, что она была женщиной. Мать Чарли умерла от рака груди несколько лет назад.

– Жди здесь. Сделай растяжку, съешь свой банан, ни о чем не думай – сосредоточься на том, как порвешь Аттертон в пух и прах. Я скоро вернусь.

Слишком нервничая, чтобы сидеть, Чарли мерила шагами разминочную и пыталась потянуть икроножные мышцы. Могли они уже остыть?

Карин Гейгер, посеянная четвертой, девушка с крупной квадратной фигурой, из-за которой получила не очень красивое, но любовное прозвище Немка-великанша, сунула голову в комнату.

– Ты на Центральном, да? – спросила она.

Чарли кивнула.

– Там просто сумасшедший дом, – прогудела Карин с сильным немецким акцентом. – В Королевской ложе сидят принц Уильям и принц Гарри. С Камиллой, что весьма необычно, потому что, говорят, они друг друга недолюбливают. А принца Чарлза и принцессы Кейт нет.

– Правда? – спросила Чарли, хотя она уже это знала. Как будто первая в ее карьере игра на Центральном корте Уимблдона не была достаточным стрессом, так она еще должна была играть с единственной посеянной британской одиночкой. Элис Аттертон в международном рейтинге стояла пятьдесят третьей, но она была молода, и ее считали следующей Великой Британской Надеждой; вся страна будет болеть за то, чтобы она разгромила Чарли.

– Ага. Еще Дэвид Бекхэм. Но его не так уж удивительно видеть – он всегда и везде. И один из «Битлз»... который из них еще жив? Не помню. Да, и вроде бы Наталья сказала, что видела...

– Карин, извини, мне надо сделать растяжку. Удачи тебе сегодня. – Чарли не любила быть грубой, особенно с кем-то из редких приятных девушек в турне, но не могла разговаривать больше ни секунды.

– Да, конечно. И тебе удачи.

Едва исчезла Карин, как в дверях появилась Марси – с большой холщовой сумкой, полной белых кроссовок.

– Быстро, – сказала она, вытаскивая первую пару. – Десятка, по счастью, узкие. Меряй.

Чарли села на пол. Черная коса больно ударила ее по щеке. Она натянула левый кроссовок.

– Это «Адидас», Марси, – сказала она.

– Мне плевать, как «Найк» воспримет, что ты играешь в «Адидас». В следующий раз пусть делают кроссовки как положено – ни им, ни нам не придется волноваться. А сейчас наденешь то, что подойдет по размеру.

Чарли встала и сделала осторожный шаг.

– Надень второй, – сказала Марси.

– Нет, велики. С пятки соскальзывает.

– Следующий! – отрывисто бросила Марси, кидая ей еще один «Адидас».

На этот раз Чарли примерила правый и сразу покачала головой.

– В пальцах тесновато. Мизинец сильно жмет. Может, примотаем мизинец и попробуем...

– Ни за что. Вот. – Марси, расшнуровав пару «Кей-Свисс», надевала их Чарли на ногу. – Должны подойти.

Левый наделся легко и вроде был по размеру. Чарли надела второй и зашнуровала. Кроссовки выглядели громоздкими и некрасивыми, зато оказались по ноге.

– В самый раз, – сообщила Чарли, хотя ощущение было такое, будто на ногах цементные колодки. Она попрыгала, коротко пробежалась и сделала выпад влево. – Тяжеленные, как пара кирпичей.

Когда Марси полезла в сумку за последней парой, из потолочных динамиков прозвучало объявление:

– Внимание, игроки! Элис Аттертон и Шарлотта Сильвер, пожалуйста, подойдите к администратору турнира для выхода на корт. Ваш матч начнется через три минуты.

Марси опустилась на корточки и надавила пальцами на мыски кроссовок.

– Тут определенно свободно. Не слишком? Подойдут?

Чарли еще пару раз подпрыгнула. Да, тяжелые, но это определенно лучший вариант из трех. Надо бы, наверное, попробовать последнюю пару, однако она взглянула на открытую дверь как раз вовремя, чтобы увидеть Элис в чисто-белом наряде, идущую мимо разминочной комнаты в сторону корта. Пора.

– Подойдут, – ответила Чарли с большей уверенностью, чем испытывала на самом деле. Выхода нет, невольно подумалось ей.

– Вот и молодец. – На лице Марси мгновенно отразилось облегчение. – Идем.

Марси перекинула через плечо лямку огромной теннисной сумки Чарли и поспешила к двери.

– Помни: подкручивай как можно сильнее. Она плохо справляется с высокими мячами. Пользуйся преимуществом своего роста, бей высокие мячи под левую руку. Тебе потребуется не столько сила, сколько последовательность, точность и разумность. Силу побереги на потом, хорошо?

Чарли кивнула. Они только подходили к турнирному столу, а она уже чувствовала, как напряжены икроножные мышцы. Ей кажется, или правый кроссовок немного натирает в пятке? Да, натирает. Наверняка понадобится пластырь.

– Наверное, стоит попробовать те последние...

– Шарлотта? – Другая женщина в таком же фиолетовом полиэстеровом костюме с юбкой взяла Чарли за локоть и провела ее к последним десяти ступенькам до турнирного стола.

– Пожалуйста, поставьте подпись здесь и здесь... спасибо. Мистер Пул, обе участницы готовы, проводите их на Центральный корт.

Глаза Чарли и ее соперницы встретились на долю секунды. Они вежливо кивнули друг другу. В первый и единственный раз, когда они играли вместе – два года назад, в первом круге «Индиан-Уэллса» – Чарли выиграла со счетом 6:2, 6:2.

Чарли, Марси, Элис и тренер Элис проследовали за мистером Пулом по туннелю, ведущему к самому знаменитому теннисному корту в мире. На стенах по обе стороны висели огромные глянцевые черно-белые фотографии теннисных легенд, вышедших победителями с Центрального корта: Серена Уильямс, Пит Сампрас, Роджер Федерер, Мария Шарапова, Энди Мюррей – сжимающие в руке кубок, целующие его, с высоко поднятой в руке ракеткой, с воздетым в воздух кулаком. Ликование на лицах. Победители. Элис тоже смотрела на фотографии, пока они шли к двери, которая вела на Центральный корт.

Марси с силой сжала предплечье Чарли, и та вернулась в реальность. Она забрала у тренера теннисную сумку и перекинула лямку через плечо, словно сумка ничего не весила, хотя внутри лежали шесть ракеток, рулон намотки, две бутылки «Эвиан», бутылка «Гаторейд», два сменных костюма (точно таких же, как на ней), запасные носки, напульсники, эластичный бинт для плеч и коленей, пластыри, айпод, наушники, два козырька, капли для глаз, банан, упаковка «Эмерджент-С» и в маленьком боковом кармашке на молнии – ламинированная фотография матери, которая сопровождала Чарли на каждой тренировке и каждом соревновании. Марси и тренер Элис пошли на свои места на трибуне.

Хотя обе соперницы вышли на корт одновременно, Элис, домашнего фаворита, болельщики приветствовали громче. Но не имело большого значения, кого они приветствуют: пульс Чарли участился так же, как на любом матче, большом или маленьком. Только на этот раз она чувствовала трепет в груди и возбуждение. Центральный корт Уимблдона. Она позволила себе быстрый взгляд на трибуны, охватив все взглядом за секунду. Толпы хорошо одетых людей вежливо им аплодировали. «Пиммс». Клубника со сливками. Костюмы пастельных оттенков. Она выступала в Уимблдоне уже целых пять раз, но это – Центральный корт.

Слова «Центральный корт» повторялись в ее мыслях снова и снова, пока Чарли пыталась заставить себя сосредоточиться. Обычно, дойдя до

своего стула, она выполняла одни и те же действия: определенным образом ставила сумку, аккуратно расставляла бутылки с водой, надевала напульсники, поправляла козырек. Это помогало собраться. Сегодня она вела себя как обычно, но почему-то продолжала замечать все то, что должно было уйти на задний план: зрителей, камеры, людей, судью на вышке – и больше всего то, как носок соскользнул в кроссовок, чего никогда не случалось прежде с ее собственной обувью. Чарли имела достаточно опыта, чтобы знать: ничего из этого не является особенно добрым знаком. Неспособность контролировать свои мысли перед началом игры редко приводит к чему-то хорошему. Однако отключиться от внешнего мира не получалось.

Разминка прошла как в тумане. Чарли бездумно посылала укороченные удары и свечки, била сопернице то под левую, то под правую руку.

Девушки отступили на задние линии, чтобы сделать несколько подач. Элис выглядела спокойной и уверенной; ее стройные ноги легко передвигались по корту, узкий мальчишеский корпус без видимых усилий сгибался и разгибался, доставая мяч. Чарли напряглась. Хотя новые кроссовки были нужного размера, у нее уже болели своды стоп, а правую пятку саднило. Снова и снова она приказывала себе вернуться в настоящее, к естественному драйву, который чувствовала всякий раз, когда била по мячу именно так, как задумывала, и он летел точно туда, куда она его посылала. А затем внезапно начался матч. Она проиграла жребий на монете, и ее противница готовилась к подаче, отбивая мяч о корт. Жребий ведь проводили, так? Кажется, да. Почему она не помнит?.. Шух! Мяч пулей просвистел мимо ее правого плеча. Она даже не успела сделать замах. Очко. Первое очко матча в пользу соперницы. Трибуны взревели настолько громко, насколько им позволял британский этикет.

За четыре минуты и тридцать секунд Элис выиграла первый гейм. Чарли взяла лишь одно очко – и то благодаря тому, что Элис сделала двойную ошибку. «Сосредоточься! – кричала она себе. – Матч закончится, не успеешь и оглянуться! Хочешь вылететь из Центрального уимблдонского корта, даже не сделав попытки? Только лузеры так поступают! Лузеры! Лузеры! Лузеры!»

Мысленные крики сработали. Теперь Чарли держала свою подачу и давила соперницу. Она повела в счете 2:1 и начала успокаиваться. Уровень адреналина, который доводил ее до тошноты в начале матча, снизился до спасительно умеренного состояния: Чарли перестала чувствовать сползающие носки, не отвлекалась на лица известных людей в Королевской

ложе и не слышала мягких аплодисментов и негромких одобрительных возгласов невероятно благовоспитанной английской публики. Ничего не существовало, кроме ее ракетки и мяча, ничего не имело значения. Она сосредоточилась на мяче и сопернице.

Чарли выиграла первый сет со счетом 6:3. Впрочем, радоваться рано. До окончания матча еще далеко.

Во время смены сторон она выпила немного воды – маленькими размеренными глоточками. Даже это потребовало умственной дисциплины, ведь организм жаждал огромных холодных глотков. Восстановив запас жидкости и съев кусочек банана, Чарли покопалась в сумке и достала запасные носки. Хотя не было никаких оснований надеяться, что они не сползут, Чарли решила попробовать. Ноги выглядели жутко: опухшие, красные, оба мизинца в крови, кожа на пятках свисает рыхлыми водянистыми лохмотьями. На лодыжках – пунцовые синяки от ударов о жесткие края кроссовок. Ступни болели, как будто по ним проехал автобус.

Новые носки показались колючими, как наждак, и ей потребовалась каждая капля силы воли, чтобы засунуть истерзанные ступни в кроссовки. Боль стреляла от пальцев и пяток, от лодыжек и ступней, даже от косточек под подушечками, которые до этого момента вообще не болели. Чарли пришлось заставить себя туго затянуть шнурки, пока она это делала, судья на вышке назвал тайм. Девяносто секунд отдыха закончились, но она не могла, как обычно, со всех ног бежать на заднюю линию и шла, прихрамывая. «Когда будет возможность, надо принять немного адвила, – думала Чарли, принимая два мяча от подающего их мальчика. – Черт, почему мне не сделали правильную обувь?»

И – бац! – одна эта мысль распахнула ворота для гнева, хуже того: для отвлекающих внутренних разговоров. Какого черта никто не предвидел, что ее обувь сочтут неподходящей? О чем думали спонсоры в «Найк»? Как будто раньше они не одевали теннисистов, выступающих на Уимблдонском турнире! Чарли подкинула мяч в воздух для подачи. Потом второй. Двойная ошибка.

После смены сторон ее первая подача в гейме была слабее обычного, а потом, когда Элис ударила с лета и отправила мяч далеко в аут, Чарли даже не успела шевельнуться. «Теннисисты суеверны. Мы надеваем на матч одно и то же белье. В день матча всегда едим те же завтраки, обеды и ужины. Мы носим амулеты и талисманы, молимся и читаем мантры и каких только безумств не делаем, чтобы уговорить того, кто, может быть, слушает нас наверху: пожалуйста, только в этот разок, пусть мы выиграем это единственное очко – сет, матч, турнир – мы будем так благодарны!...»

Следующая подача Чарли была мощной и точной, но снова она оказалась не готова к приему. Добежала – однако не смогла подойти к мячу правильно, чтобы перебить через сетку. 0:40. Как же получилось, что она надела чужую обувь во время первого матча на Центральном корте? На самое крупное, ответственное соревнование в ее карьере? Она часами выбирала и примеряла подходящие новые кроссовки, когда приходило время для смены обуви, и вдруг – вот просто возьми и надень эту случайную пару.

Гнев охватил ее, и все чувство она передала в мяч, который ушел на полтора фута в аут – и она проиграла первый гейм второго сета.

Чарли посмотрела на трибуну, туда, где сидели Марси, Джейк и отец. Поймав ее взгляд, мистер Сильвер машинально улыбнулся, но Чарли даже с такого расстояния видела беспокойство на его лице. Следующие несколько геймов закончились в один миг, и Чарли сумела выиграть лишь один. Внезапно оказалось, что Элис ведет со счетом 5:2, и что-то в голове Чарли щелкнуло: соберись.

О, боже. Она близка к проигрышу во втором сете на Центральном корте Уимблдона – игроку, стоящему в рейтинге тридцатью строчками ниже. Играть третий сет сейчас будет адски тяжело. Бесконечно вежливые британские болельщики – по своим меркам, конечно – сходили с ума: гремели аплодисменты, порой даже слышался свист. «Забудь о волдырях, забудь о тяжелых, как кирпичи, кроссовках, забудь о бушующем гневе на людей из своей команды, которые не должны были допустить, чтобы такое случилось. Сейчас ничего не имеет значения. Бей сильнее, бей умнее, бей последовательно, – думала она, крепко сжимая и разжимая руку на ракетке, как часто делала, чтобы расслабиться. – Сжать, отпустить. Сжать, отпустить. Забудь о ерунде и выиграй следующее очко».

Чарли выиграла следующий гейм, потом еще один. Снова она успокоилась, заставила себя думать только об ударе по мячу. Когда она сравняла счет до 5:5, Чарли уже знала, что выиграет матч. Она глубоко дышала, размеренно, призывая огромные запасы душевных сил, чтобы отключить боль, которая теперь шла от ступней вверх по ногам. Мышцы начало сводить судорогой. Она способна с этим справиться, такое бывало тысячу раз прежде. Фокус. Удар. Перевести дыхание. Удар. Перевести дыхание. В момент счет стал 6:5 во втором сете, и Чарли требовался только один гейм, чтобы выиграть матч. Победа была уже близко, она это чувствовала.

Первая подача Элис была сильно закручена, но слабая по скорости, и Чарли прыгнула за мячом. Очко! Следующая подача была намного сложнее

– резаная, – и Чарли ударила точно по линии. Они обменивались сильными глубокими ударами до следующую гейма, пока Элис не отправила мяч укороченным прямо под сетку. Чарли метнулась к нему, едва уловив его взглядом в полете. Быстро, как только ее могли нести ноги, она бежала к сетке, вытянув ракетку вперед. Она успеет, она знала, что успеет. Она почти добежала, мяч был в паре сантиметров от обода ракетки, оставалось только подрезать его и отправить обратно через сетку, когда правая ступня, к которой словно привязали гирю, скользнула вперед. Если бы на ней были ее собственные легкие, правильно подобранные кроссовки, она, возможно, смогла бы остановить скольжение, однако тяжелые колодки пролетели по траве корта, как по льду, и потянули за собой Чарли. Выпустив ракетку, она неуклюже взмахнула руками, пытаясь смягчить падение, а затем... хруст. Она услышала его прежде, чем почувствовала. Наверное, услышали все вокруг. Жуткий звук прозвучал так громко, что его, должно быть, слышал весь стадион, но даже если они его пропустили, их внимание привлек крик Чарли.

Она сильно ударилась о землю – как ребенок, упавший с верхней койки двухъярусной кровати. Каждый миллиметр ее тела болел. Она не могла понять, откуда именно возник тот ужасный звук. По другую сторону сетки стояла Элис и смотрела на Чарли, тщательно придав своему лицу сочувственное выражение. Отталкиваясь ладонями от ровно постриженной травы, Чарли попыталась подняться и сесть, но ее запястье сложилось, как бумага. Судья на вышке закрыл рукой микрофон и наклонился вперед, чтобы спросить Чарли, нужен ли ей медицинский тайм-аут.

– Нет, я в порядке, – прошептала Чарли. – Просто дайте пару секунд, чтобы собраться.

Она знала, что должна встать и вернуться на позицию. Медицинский тайм-аут восприняли бы как обман: если игрок не истекает кровью, размазывая ее по всему корту, зрители обычно считают, что он должен преодолевать боль. «Терпи», – сказала себе Чарли, делая новое усилие, чтобы подняться. На этот раз она почувствовала боль, которая выстрелила из левой ладони, через запястье и в плечо. Еще два очка, чтобы выровнять счет. «Терпи. Встань и выиграй матч!»

Зрители начали ей аплодировать, сначала несмело, затем со все большим энтузиазмом. Она не была фаворитом, но британцы уважают настоящих спортсменов. Чарли подняла правую руку в знак благодарности и подалась вперед по траве, чтобы взять ракетку. От усилия закружилась голова, и еще больше боли – от ступни, или лодыжки, или голени, невозможно было сказать – стрельнуло вверх по ноге. «Чертовы

кроссовки!» – мысленно закричала она. Паника начинала усиливаться. Может, у нее серьезная травма? Может, ей придется уйти из спорта? «Боже мой, что это был за ужасный звук и как долго придется восстанавливаться? До Открытого чемпионата США всего восемь недель...»

Голос судьи на вышке прервал мысли, и звук собственного имени вернул ее в настоящее.

– Я предоставляю мисс Сильвер трехминутный медицинский тайм-аут. Пожалуйста, установите таймер.

– Я не просила медицинский тайм-аут! – проворчала Чарли, хотя ее явно не могли услышать. – Я в порядке.

К ней быстро приближался турнирный врач. Не желая дожидаться его помощи, Чарли подтянула ноги под себя и собрала остаток сил, чтобы встать. Это ей удалось, и теперь она могла оглянуться по сторонам и увидеть едва заметную улыбку Элис и судью на вышке, внимательно следящего за часами на экране. В первом ряду Королевской ложи Дэвид Бекхэм проверял сотовый телефон; ее травма не представляла для него никакого интереса. Правее, в зоне, отведенной команде Чарли, обеспокоенная Марси так сильно нагнулась к корту со своего места, что казалось, сейчас упадет. На лицах отца и Джейка – одинаковое выражение тревоги. Зрители в ожидании возобновления матча весело болтали, потягивая «Пиммс». Врач стоял теперь рядом с Чарли, и как только он коснулся своей прохладной сильной рукой ее запястья, мир внезапно погрузился во тьму.

Глава 2

Любовный департамент

Топанга-Каньон.

Июль 2015 года

Первое, что подумала Чарли, проснувшись после операции на ахилловом сухожилии: «Все кончено. Финиш. Хочешь или нет, придется уйти из спорта». После такой травмы не возвращаются. По правой ступне словно проехал автомобиль, после чего ее собрали заново при помощи кухонного ножа и скрепили ржавой проволокой и резиновым клеем. Боль была неопишуемой, тошнота – мучительной. Ее дважды вырвало в послеоперационной палате и один раз – в больничной койке.

– Это из-за анестезии, – сказала дородная медсестра, проверяя датчики и экраны приборов рядом с койкой Чарли. – Скоро вы почувствуете себя намного лучше.

– А нельзя ей поставить капельницу с морфием? – спросил Джейк, сидевший в кресле у окна. – Чтобы она стонала потише.

Медсестра не ответила – обещала Чарли вернуться попозже с обедом и ушла.

– Она меня любит, – сказал Джейк.

– Несомненно. – Чарли почувствовала волну тошноты и схватила металлический лоток в форме почки.

– Может, мне... ну... поддержать твои волосы?

Чарли откашлялась.

– Нет, все в порядке. Прошло.

Должно быть, потом она заснула, потому что, когда она открыла глаза, небо в крошечном окне палаты потемнело, а Джейк жевал гамбургер из «Ин-энд-Аут».

– О, привет. Нормальная еда закончилась. У меня есть еще один гамбургер, если сможешь его переварить.

Джейк обмакнул в соус два кусочка картошки фри и сунул их в рот.

Чарли с удивлением почувствовала, что голодна, и кивнула. Джейк распаковал гамбургер, картошку фри и кока-колу, положил на поднос рядом с ее кроватью. Сунул в газировку соломинку, вскрыл несколько пакетиков кетчупа и поставил поднос на кровать.

– Единственная светлая сторона порванного ахиллова сухожилия и проигрыша в первом круге Уимблдона на Центральном корте, – сказала Чарли.

Она поднесла гамбургер ко рту правой рукой, поскольку левая была в гипсе от большого пальца до локтя. Вкус показался ей восхитительным. Начиная с «Кровавой Мэри» в самолете, когда она летела из Лондона домой в Калифорнию, чтобы лечь на операцию в университетской больнице Лос-Анджелеса, единственным утешением Чарли была еда.

– Может, оно того стоило? – промычал Джейк с набитым ртом. – Кстати, я на днях смотрел передачу об основателях «Ин-энд-Аут». Ты знаешь, что это семейный бизнес и они не намерены продавать его или давать франшизу на свою марку?

– Потрясающе.

– Нет, правда, интересно. Наверняка ты не замечала, что они печатают цитаты из Библии на стаканчиках и обертках сэндвичей.

– Не замечала.

Чарли увидела на дне стакана кока-колы надпись: «Иоанн 3:16», но не имела понятия, что это значит.

– Отец просил тебе передать, что придет, как только освободится. Сегодня в клубе большой прием, какой-то благотворительный вечер. Мне пришлось тысячу раз пообещать, что я не оставлю тебя ни на секунду.

Чарли раздраженно хмыкнула.

– Значит, со мной круглосуточно будут няньки?

– Да. Он убежден, что ты проснешься, думая, что твоя карьера закончилась, и бросишься с ближайшего моста. Или, может, ляжешь на рельсы. Мостов-то поблизости нет...

– Я думаю, он будет счастлив, если я уйду из спорта. Сколько миллионов раз он говорил, что игра в теннис – не лучший способ прожить жизнь?

– Много миллионов раз. Но он знает, что ты этого хочешь, Чарли. Он достаточно хороший отец, чтобы поддерживать своих детей в том, чем они хотят заниматься, даже если сам не одобряет этого занятия. В твоем случае – профессиональный теннис, в моем – свидания с мужчинами. Уверен, ни то, ни другое не приводит его в восторг.

Доедали гамбургеры в уютной тишине. Чарли пыталась представить, чем сейчас занят отец. Уже более двадцати лет он преподавал в клубе «Гольф и ракетка» в Бирчвуде. Когда Чарли было три года, они переехали в Топанга-Каньон из Северной Калифорнии, где мистер Сильвер работал тренером по теннису в элитной школе-интернате, потому что бирчвудский

клуб обещал более ответственную должность и более высокую зарплату. Несколько лет спустя его повысили до главного инструктора, и теперь он вел обе программы – и теннис, и гольф, хотя мало что знал о гольфе.

Большую часть времени мистер Сильвер занимался инвентаризацией, наймом работников и улаживал мелкие конфликты с членами клуба, и Чарли знала, что он скучает по настоящей тренерской работе. Иногда он преподавал, чаще старожилам и маленьким детям, но в шестьдесят один год он не мог угнаться за молодыми профессионалами, которые двигались быстрее и сильнее били по мячу. На более молодых инструкторов спрос был выше, и мистер Сильвер чаще всего сидел в магазине клуба, или в главном офисе, или даже у станка для натяжки струн теннисных ракеток. Если сегодняшнее благотворительное мероприятие было таким же, как всегда, отец будет играть в гольф с детьми, пока их родители угощаются канапе в зале, выходящем окнами на девятую лунку. Хотя отец никогда не жаловался, Чарли становилось тоскливо, когда она думала о том, как он развлекает восьмилетних детишек, пока его коллеги пьют и танцуют.

– Как думаешь, почему папа до сих пор этим занимается? – спросила Чарли, отодвигая поднос. – Сколько уже? Четверть века?

Джейк приподнял бровь.

– Потому что не учился в колледже. Потому что гордый и не возьмет от нас с тобой ни цента. Потому что на пике формы больше интересовался женщинами, чем карьерой, пока не встретил маму, а к тому времени, как родился я, было слишком поздно возвращаться в школу. Да ты и сама все это знаешь.

– Знаю. Но почему он хотя бы не переедет? С тех пор как умерла мама, нас здесь ничего не держит. Почему бы не попробовать где-нибудь еще? В Аризоне или Флориде? Или даже в Мексике? Не сказать, чтобы он вел в Лос-Анджелесе такую уж веселую жизнь, по которой будет скучать.

Джейк опустил взгляд на свой телефон и неловко кашлянул.

– Не знаю, в каких городах выстраиваются в очередь, чтобы нанять на работу шестидесятилетнего профи, имеющего скромный опыт в турнирах сорокалетней давности. Тот, кто – неловко говорить, но будем называть вещи своими именами – спит с каждой женщиной, которой понадобится помощь с ее ударом слева. Учитывая все обстоятельства, в Бирчвуде относятся к нему очень хорошо.

– Меня чуть не стошнило.

Джейк закатил глаза.

– Он взрослый человек, Чарли.

– Как думаешь, он счастлив? Ему нравится его жизнь?

Отец работал практически круглые сутки, чтобы дать им все, что было у их богатых одноклассников: летний лагерь, уроки музыки, ежегодные походы в национальные парки. И, конечно, уроки тенниса. Он начинал учить их сам, когда им было четыре года. Джейк вскоре потерял интерес, и мистер Сильвер никогда его не заставлял. Но Чарли любила свою маленькую розовую ракетку, любила бег и упражнения на выносливость, любила трубку, которой подбирала мячи. Ей нравилось наполнять маленькие бумажные конусы ледяной водой из кулера и счищать глину с кроссовок напольной щеткой, нравилось, как пахнут новые теннисные мячи, когда впервые открываешь банку. А больше всего ей нравилось безраздельное внимание отца. Его лицо озарялось всякий раз, когда она выбегала на корт с туго заплетенной косичкой и в фиолетовом полосатом костюме, и он полностью сосредотачивал на ней все внимание. Ей принадлежал тот взгляд, который обычно предназначался какой-нибудь женщине из бесконечной череды разведенек среднего возраста, затянутых в слишком узкие и слишком короткие платья, в густом облаке духов, которые висели на его руке и неискренне хвалили комнату Чарли, или ее косу, или ночную рубашку, прежде чем уйти с ее отцом в ресторан.

Иногда женщины были моложе, не имели детей и сюсюкали с Чарли и Джейком, будто с животными в зоопарке, или приносили им не слишком продуманные, не по возрасту подарки: пушистую коалу для Чарли, когда ей было пятнадцать, или термочехол для пивных бутылок семнадцатилетнему Джейку.

Были женщины, с которыми мистер Сильвер знакомился в клубе; женщины, с которыми он знакомился в «Рыбной хижине» на Малибу-Бич; женщины, которые проезжали через Лос-Анджелес, следуя из Нью-Йорка на Гавайи или из Сан-Франциско в Сан-Диего. Мистер Сильвер не ждал от детей большего, чем вежливого «здравствуйте» за утренним тостом, но ему, казалось, не приходило в голову, что постоянное присутствие разовых партнерш на семейном завтраке – не самый здоровый пример. Некоторые из них задерживались – у Чарли остались яркие воспоминания об очень доброй, чрезвычайно худой женщине по имени Ингрид, которая вроде бы искренне интересовалась обоими детьми, – но в основном они быстро исчезали.

Зато на теннисном корте мистер Сильвер был полностью сосредоточен на Чарли. Это были единственные часы, когда он не работал, не рыбачил, не встречался с очередной дамой. Когда они выходили на корт в Бирчвуде – часто поздно вечером, когда платные члены клуба были дома со своими семьями, – внимание мистера Сильвера фокусировалось узким лучом

света, который согревал Чарли, едва она в него попадала. Это единственное, что не изменилось после смерти матери: очевидное удовольствие, которое отец получал, обучая Чарли любимой игре.

Он вкладывал в работу всю душу с первого момента, когда дочка топала за ним по корту, как утенок за уткой, пока он показывал заднюю линию, коридоры, линию подачи и забеги, до того дня, когда Чарли в тринадцать лет по-честному выиграла у него гейм. Мистер Сильвер на радостях кричал так громко, что пришел охранник, чтобы узнать, не случилось ли чего. Они продолжали регулярно заниматься, даже когда умерла мать Чарли. Женщины, которые составляли ему компанию в последующие годы, тем более не могли им помешать. Отец научил Чарли всему, что она знала – удары, работа ног, стратегия и, конечно, спортивное поведение. И только когда в возрасте пятнадцати лет она выиграла «Оранж Боул», детско-юношеский турнир Большого шлема, мистер Сильвер заявил, что ей нужен тренер более высокого уровня.

Джейк потянулся в кресле рядом с ней и громко вздохнул.

– Доволен ли он своей жизнью? – Брат потер подбородок. – Наверное. На работе у него дела так себе, зато в любовном департаменте все отлично.

– В любовном департаменте? – Чарли протянула руку за голову, чтобы поправить подушку. – Мерзко звучит.

– Да ладно тебе! Двадцать четыре года – достаточный возраст, чтобы признать, что наш отец бабник. Бывают вещи похуже.

– Например?

– Когда мать такая.

Чарли не могла не улыбнуться.

– Точно.

Пиликнул телефон. Она так быстро повернулась, чтобы схватить его с тумбочки, что ступня чуть-чуть сдвинулась, и ногу прострелила боль.

«Играешь в Нью-Хэйвене?» – спрашивал Марко в сообщении.

Она снова улыбнулась, несмотря на боль и мысль о том, что нет, она не играет ни в «Коннектикут Оупен», ни в Открытом чемпионате США, ни в каком-либо из азиатских турниров. Хорошо, если будет готова к Австралии в следующем году.

Привет! Только что после операции. Буду восстанавливаться. Скрести пальцы, чтобы мне удалось сыграть в Австралии в январе...

Бедняжка! Сочувствую. Ты в порядке?

– У тебя есть парень, о котором ты мне не рассказывала? – спросил Джейк. В его глазах мгновенно зажегся интерес.

«Спасибо! Удачи в Цинциннати. Скучаю!» – набрала она и пожалела в тот же момент, как нажала «Отправить». Скучаю? Она даже не осознавала, что затаила дыхание, дожидаясь ответа от Марко, пока Джейк снова не заговорил.

– Эй, Чарли!.. Seriously, полегче с телефоном, ты его сейчас раздавишь.

Она ослабила хватку. Ответа пока не было.

– Хочешь, что-нибудь посмотрим? Я взял кабель, можем подключить мой айпад к здешнему телевизору и посмотреть «Плавание с акулами».

Телефон снова пикинул. В сообщении было всего одно слово, но самое важное:

Целую.

Чарли отложила телефон и, не в силах стереть улыбку с лица, сказала:

– Здорово! Давай посмотрим.

* * *

– Давай, Чарли. Еще разок! Ты ведь не такая размазня, что не осилишь еще один подход? – закричала Рамона.

Никто в реабилитационном тренажерном зале и бровью не повел.

Чарли лежала на скамье тренажера для жима ногами и не могла заставить себя толкнуть вес поврежденной ногой, как того требовала Рамона. Она прижимала сломанное запястье к груди и помогала себе здоровой ногой. Рамона оттолкнула ее левую ногу.

– Толкай! – скомандовала она. – Ахиллово зажило, но ты не укрепишь его, если не будешь тренировать!

– Я стараюсь, клянусь, я стараюсь, – выдохнула Чарли сквозь зубы.

Рамона хлопнула крупной мужской рукой по своему бедру, мощному, как ствол дерева.

– Значит, старайся лучше!

Чарли улыбнулась, преодолевая боль, сделала еще три жима, чтобы доказать, что она не размазня, и без сил рухнула на синий коврик.

– Молодец. На самом деле ты неплохо сегодня поработала. Завтра, здесь же, в это же время, – бросила Рамона через плечо, уже направляясь к

следующему клиенту, игроку «Лейкерс», который восстанавливался после травмы плеча.

– Жду не дождусь, – пробормотала Чарли, с трудом вставая.

– Отлично, – сказала Марси, идя за Чарли в раздевалку. – Огромное улучшение для пяти недель.

– Ты думаешь? У меня такое чувство, что восстановление займет вечность.

Чарли стянула мокрые от пота шорты и футболку и вытерла полотенцем подмышки.

Марси проводила ее до горячей ванны и села рядом на скамейку. Чарли осторожно опустила в воду, от которой шел пар.

– Ты делаешь все правильно и точно по графику. Вернуться в спорт через шесть месяцев после разрыва ахиллова сухожилия и перелома запястья – непростая задача. Даже пять, если учесть, что один месяц потребуется для тренировки перед Австралией. Большинство обычных людей не смогли бы восстановиться так быстро, что уж говорить о профессиональных спортсменах, которым нужно конкурировать на самом высоком уровне. Здесь главное терпение.

Чарли откинула голову и закрыла глаза. Она сгибала и разгибала ноги, чтобы растянуть ахиллово сухожилие в горячей воде. Хотя это все еще причиняло дискомфорт, стреляющая боль, которую она долго испытывала после операции, к счастью, прошла.

– Даже не верится, что смогу ходить не прихрамывая. Как я буду прыгать, разворачивать корпус и делать выпады?

Густые светлые волосы Марси были так туго перехвачены резинкой, что ее хвостик не шевельнулся, когда она поставила локти на колени, подалась вперед и в упор посмотрела на Чарли.

– А ты не думала о том, что это может занять больше времени? Что, возможно, ты не успеешь подготовиться к Австралии?

Чарли открыла глаза и посмотрела на Марси.

– Честно? Нет. Доктор Коэн сказал, что восстановиться за шесть месяцев полностью – реально, и именно это я планирую сделать.

– Я понимаю, Чарли, и уважаю тебя за это. И все же было бы не лишним обсудить запасной план, если по какой-либо причине так не получится.

– Что тут обсуждать? Я буду работать до седьмого пота и, надеюсь, выступлю на австралийском чемпионате в январе. Если не выйдет – например, сохранится риск усугубить травму, – подожду немного дольше. Каков наихудший сценарий? Начать с соревнований в Дохе в феврале?

Марси молчала. Чарли делала маленькие круги в воде правой рукой, стараясь не намочить гипс на левой. Она каждый день благодарила свою счастливую звезду за то, что повредила не игровую руку; все врачи заверяли, что это не повлияет на удар слева.

– Почему ты так нервничаешь?

– Ничего, просто... – Марси замолчала, опустив глаза на мокрый кафельный пол.

– Выкладывай. Seriously, мы слишком давно знаем друг друга, чтобы ходить вокруг да около. Что у тебя на уме?

– Понимаешь, моя работа – рассмотреть все варианты, учесть любые возможные препятствия...

Чарли чувствовала нарастающее раздражение, но она глубоко вздохнула и заставила себя говорить ровным тоном:

– И что?

– По-моему, надо обсудить, что будет, если твои травмы окажутся более... неподатливыми.

– То есть если я не смогу полностью восстановиться?

– Я уверена, что сможешь, Чарли. Доктор Коэн – замечательный врач и работал с подобными травмами раньше. Но каждый человек индивидуален, и все усложняется, когда речь идет о профессиональном спортсмене высокого уровня.

– К чему ты ведешь? Боюсь, я догадываюсь – и не могу поверить.

Нельзя сказать, что они никогда не спорили – Чарли и Марси проводили вместе больше трехсот дней в году, – однако, как правило, они спорили о рутинных бытовых вещах: место в самолете, во сколько идти на завтрак, смотреть «Охотники за недвижимостью» или «Братья-риелторы». Сейчас разговор был чреват чем-то более серьезным.

– Я всего лишь предлагаю обсудить варианты, – сказала Марси. – Если ты вдруг окажешься в числе тех спортсменов, которые не в состоянии полностью восстановиться от травмы, думаю, нам надо быть к этому готовыми.

– Понятно.

– Чарли, не обижайся, я в тебя верю, правда. Однако не все нам подвластно.

– Только не в моем случае, – тихо проговорила Чарли.

– Я надеюсь, что ты права, но есть вполне реальная возможность того, что... восстановление может затянуться.

– Что я не вернусь в спорт? Можешь так и сказать.

– Прекрасно, так и скажу. Что не вернешься в спорт. Да, маловероятно

– но мы должны об этом поговорить.

Чарли поднялась из воды и взяла полотенце. Она ничуть не стеснялась своей наготы, даже сейчас, несмотря на их разговор – они с Марси были как сестры. Завернувшись в полотенце, Чарли села на скамейку рядом с ней.

– Я не согласна. Не хочу об этом говорить.

– На мой взгляд...

– Если честно, я расстроена тем, что ты даже рассматриваешь такую возможность.

Марси замялась.

– Это не имеет ничего общего с моим мнением о тебе, или твоей игре, или твоей способности все преодолеть. Просто статистика, Чарли. Некоторые возвращаются после подобных травм, некоторые нет.

– Какова альтернатива? – спросила Чарли, смахивая со лба ручеек пота. – Предлагаешь сдаться?

– Конечно же, нет. Будем работать до конца. Надеюсь, все у нас будет хорошо.

– Хорошо? Это наша большая цель? Что все будет хорошо? – Чарли осознавала, что ее голос звучит сварливо, но ничего не могла с собой поделать. Раздражение, накатившее минуту назад, быстро переходило в откровенную злость.

– Чарли. – Голос Марси был таким же тихим и сдержанным, как и она. И какой была Чарли – до страшного падения на Уимблдоне, которое сломало ей не только лодыжку, но и жизнь.

С четырехлетнего возраста в ее жизни не было такого долгого периода, как последние несколько недель, чтобы она не брала в руки ракетку. Она часто задумывалась, каково это: сделать перерыв, уйти из тенниса, жить обычной жизнью. Теперь она знала – каково, и ощущение было ужасным. Конечно, есть огромная разница между реабилитацией и лежанием на диване в доме отца или на шезлонге у бассейна в карибском отеле, но Чарли с изумлением понимала, как сильно скучает по игре. Она хотела вернуться. Более чем хотела – отчаянно жаждала и просто не могла слышать, как ее верный друг и тренер рассуждает, что, возможно, в ее будущем нет места теннису.

– Марси, я хочу, чтобы ты ясно поняла: я вернусь после этой травмы. Я войду в первую десятку. Я выиграю турнир Большого шлема. И мне нужно, чтобы ты в это верила. Мне двадцать четыре года. Не старость, конечно, но моложе я не становлюсь. Если я когда-нибудь собираюсь сделать прорыв, то сейчас. Не через два года. Не через три. Я слишком много работала,

чтобы теперь сдать, и я надеюсь, что ты тоже сдаваться не намерена.

– Конечно, я не сдаюсь! Никто не верит в твой потенциал больше, чем я. И все же мы должны честно и рационально обсудить реальное положение дел.

– Ты допускаешь мысль, что я уйду из-за травмы, потому что ты поступила так из-за своей, – вырвалось у Чарли.

Она сразу пожалела об этом. Марси вздрогнула, как будто ее ударили.

– У меня была совершенно другая ситуация.

Теперь настала очередь Чарли молчать. Настолько ли другая? Марси повредила вращательную манжету плеча, причем дважды. В первый раз она выбрала реабилитационный центр вместо хирургического вмешательства, и плечо не успело восстановиться. Когда она порвала мышцу во второй раз, было уже поздно: хирургия не могла поправить ситуацию. Ей следовало, по крайней мере, попытаться – все врачи так считали, – однако в возрасте двадцати семи лет Марси объявила о своем уходе.

– Ну, если ты так говоришь...

– Если я так говорю? Чарли, мои шансы на полное восстановление – так, чтобы я могла снова играть – оценивали в десять процентов. А операция могла принести больше вреда, чем пользы, и реабилитация заняла бы год. Куда я отправилась бы с такими перспективами? Не вверх по рейтинговой таблице, это точно.

Они вышли в раздевалку, и Чарли начала дрожать. Она взяла еще одно полотенце и накинула его на плечи. Затем повернулась и посмотрела Марси прямо в глаза.

– Я хочу, чтобы ты поддерживала меня, чтобы сказала мне, что я вернусь и стану сильнее, чем прежде. А не сомневалась, буду я снова играть или нет, – тихо произнесла она.

– Мы все решим, дорогая, я обещаю, но сейчас мне надо бежать. Уилл ждет в ресторане. У нас сегодня юбилей.

Чарли подняла голову.

– Да? Я даже не знала, что он приехал с тобой.

– Да. Воспользовался длинными выходными. Завтра мы с ним летим обратно во Флориду.

– Поздравь его от меня с юбилеем.

– Все будет отлично, Чарли. Не отлично – великолепно. Ты сейчас делаешь громадную работу по реабилитации. Я вернусь через три недели, чтобы проверить, как ты, а пока займусь подготовкой к Австралии в январе. Хорошо?

– Хорошо, – сказала Чарли, хотя от этого разговора испытывала тошноту.

Они наклонились друг к другу, и Чарли поцеловала Марси в щеку.

– Желаю вам хорошо повеселиться.

– Спасибо. Я еще поговорю с тобой завтра.

Чарли проводила ее взглядом до двери.

Она быстро приняла душ, затем натянула белые джинсы и топ на бретельках. Убедившись, что в раздевалке больше никого нет, набрала номер Джейка.

Когда он ответил, Чарли услышала на заднем плане гул голосов.

– Где ты?

– Догадайся с первого раза.

– Опять гоняешься за тем инструктором? Как его? Какое-то смешное имя... Герман?

– Нельсон. И если бы ты взяла у него хотя бы один урок, ты бы в него влюбилась.

– Терпеть не могу велотренажеры. Я чуть не умерла, когда ты затащил меня на занятие в свой клуб.

– Ты профессиональная спортсменка, Чарли. А в классе была куча бизнесменов с Уолл-стрит, которые слишком много пьют, и мамаш, которые слишком мало едят. Ты отлично справилась.

– Я не это имела в виду, ты знаешь... Послушай, у тебя есть минутка?

Джейк отвлекся, приветствуя кого-то, а затем с кем-то прощаясь, и она представила, как он с полотенцем вокруг шеи выходит на оживленную нью-йоркскую улицу.

– Все, я твой. Что случилось?

– Помнишь, ты говорил, что Тодд Фелтнер уходит на покой? Когда это было? Два месяца назад?

– Да, примерно так. Объявил прямо перед Уимблдоном, что сделал все, что хотел, поэтому берет тайм-аут, чтобы продумать следующий шаг. А что?

– А то, что я хочу быть его следующим шагом. – Чарли сама удивилась своей уверенности.

– Чего-чего?

– Я хочу нанять Тодда Фелтнера и хочу, чтобы ты мне в этом помог.

Последовало молчание.

– Чарли? Не объяснишь, что происходит? – В голосе Джейка звучала нотка беспокойства, если не паники. Он был не только ее братом, он был ее менеджером, а в жизни профессионального теннисиста нет решения

важнее, чем выбор тренера.

– Слушай, мне надо встретиться с папой, так что нет времени все объяснять. В общем, у меня давно были сомнения по поводу Марси. И сегодня они подтвердились. Знаешь, что она мне сказала?

– Нет. Что?

– Она спросила, каков мой запасной план на случай, если ахиллово не заживет и я не смогу больше играть.

– Почему она так спросила? Доктор Коэн уверен, что все прекрасно заживет. Она знает что-то, чего не знаю я?

– Нет, просто обсуждала варианты. Довольно настойчиво. Тебе не надо объяснять, что это делает с моим настроением, не так ли?

Джейк промолчал.

– Я поддержала ее, когда она сказала, что не хочет больше проводить так много времени в поездках, поскольку лечится от бесплодия. Когда мой тренер не присутствует на некоторых небольших турнирах – это не так просто для меня, и не лучше для моей карьеры, но я понимаю, почему ей сейчас нужно больше свободного времени. Я старалась не винить ее за ситуацию на Уимблдоне, хотя мы оба знаем: она должна была заранее убедиться, что моя обувь подходит по всем параметрам. То, что мне пришлось надеть чужие кроссовки, – безумие. И вот результат.

– Угу, – промычал Джейк.

Чарли чувствовала, что он слушает очень внимательно.

– Но с ее сомнениями я мириться не могу. У меня сломано запястье, разорвано ахиллово, и я вынуждена покинуть спорт на шесть месяцев. Мне и так трудно, не описать, что я переживаю. А мой собственный тренер выражает сомнение в том, что я когда-нибудь восстановлюсь, чтобы снова играть! Настойчиво предлагает обсудить запасные варианты! Мне нельзя такого допускать.

– Понимаю, – сказал Джейк. – Правда, очень хорошо понимаю.

– Такие сомнения – яд. Теперь, глядя на нее, я буду знать: она думает, что мне не выйти снова на корт. Может, и есть шанс, что я никогда не буду играть на элитном уровне. Однако ни мне, ни моему тренеру нельзя акцентировать на этом внимания. Я люблю Марси, ты знаешь, как я ее люблю. Все эти годы она была мне как мать. Но мне почти двадцать пять лет, Джейк. Не старуха, конечно, и все же у меня мало времени, если я действительно хочу чего-то достичь. А я хочу. Годы жертв и напряженной работы не должны пропасть зря. Я хочу выиграть Шлем, и мне с каждым днем становится все яснее, что с Марси этого не добиться.

– Пожалуй, ты права, – тихо произнес Джейк. – Но Фелтнер? Ты

действительно готова идти по этому пути?

– Я знаю, что он ужасен. Я слышала все эти истории. Но он, без сомнения, лучший. А я хочу лучшего.

– Он никогда раньше не тренировал женщин.

– Может, он еще не встретил правильную женщину! Ты сам говорил мне, что он скучает без дела. Чем он занимается? Целыми днями загорает на Палм-Бич?.. Устроишь мне с ним телефонный разговор? Мне нужно пять минут.

– Конечно, я постараюсь, но, на мой взгляд, вряд ли он согласится. И потом, иметь Тодда Фелтнера в качестве тренера не такое уж удовольствие, Чарли. Я поддерживаю тебя на все сто процентов – если ты хочешь его, я сделаю все, что смогу, но, пожалуйста, не обманывай себя, думая, что он сказочный единорог, который домчит тебя к вершине рейтинга. Он настоящий живодер.

Чарли улыбнулась.

– Свяжи нас, хорошо? Я всем сердцем люблю Марси, однако мне нужно делать то, что лучше для моей карьеры. Пусть он станет *моим* живодером.

Глава 3

Не самые интересные сплетни

*Бирчвудский клуб «Гольф и ракетка».
Август 2015 года*

Чарли закрутила в пучок мокрые волосы и дохромала до своего джипа. До Бирчвуда ехать не меньше пятнадцати минут; выходит, уже опоздала. Она быстро наговорила на его голосовую почту извинения, сказала, что едет, и завела машину. И тут зазвонил телефон. Подумав, что перезванивает Джейк, Чарли, не глядя на номер, включила спикер кнопкой на рулевом колесе. В динамиках машины загремел незнакомый мужской голос.

– Шарлотта? Шарлотта Сильвер?

– Да. Будьте добры, кто спрашивает?

Говорю как девятилетка, подумала она. Отвечать на телефон этой фразой Чарли научила ее мать.

– Тодд Фелтнер.

Чарли ошеломленно молчала. Она попросила Джейка связать ее с Тоддом всего минуту назад и полагала, что это случится не раньше чем через несколько дней, а то и недель.

– Здравствуйте, мистер Фелтнер. Большое спасибо за звонок. Джейк сказал, что вы могли бы, вероятно...

– Я слышал, ты только что после операции?

Чарли была в восторге, что он позвонил, и старалась не думать о том, как грубо он разговаривает спустя всего десять секунд после приветствия.

– Да. Я смогу играть не раньше чем через несколько месяцев, но готовлюсь изо всех сил. Я только что вышла из реабилитационной клиники.

– Зачем?

Чарли даже посмотрела на свой телефон, лежащий рядом на пассажирском сиденье, как будто он мог как-то объяснить странный вопрос Тодда.

– Зачем? Что вы имеете в виду?

– Зачем ты убиваешься в реабилитационном центре? Может, я путаю, но твой брат говорил, что ты порвала ахиллово. У меня был игрок в две тысячи шестом году с точно такой же травмой, и он от нее не оправился. И он еще сломал запястье – как и ты, насколько я понял?

Ну и хам! Если бы это был кто-нибудь другой, Чарли спокойно сказала бы, что это не его дело, и положила трубку. Но Тодд все-таки являлся живой легендой: его ученики выиграли больше турниров Большого шлема, чем ученики любого другого тренера, его воспитанники занимали первые места в рейтинге, он возвращал игроков на корт после травм, наркомании, нервных срывов, даже химиотерапии – и они играли еще лучше, чем прежде. Если в мужском теннисе есть знаменитость, волшебник и гуру в одном лице, то это Тодд Фелтнер.

Чарли кашлянула.

– Да, у меня действительно был несложный перелом запястья. К счастью, запястье левое. Врачи говорят, что рука восстановится полностью, и это не повлияет на мой удар слева. Гипс скоро снимут.

– У тебя прекрасный удар слева одной рукой, – заявил Тодд. – Чистый и мощный. Он так же хорош, как твой удар справа. Редкость для женщины. Редкость для любого теннисиста.

– Спасибо, – сказала Чарли, надуваясь от гордости. – Очень приятно услышать такое от вас.

– Поэтому жаль, если тебе придется отказаться от спорта. Не совсем, конечно, но ты не будешь играть в престижных турнирах. Ты можешь полностью вылечить свои кости и сухожилия у самых лучших ортопедов, но психологически это тебя доконает. Я видел такое тысячу раз.

– Не понимаю, – проговорила Чарли, тщательно выбирая слова. – Вы тренировали Надаля после ужасной травмы колена, и он выиграл Открытый чемпионат США. Всего через год!

– Ты сравниваешь себя с Рафаэлем Надалем?

Чарли почувствовала, что краснеет.

– Нет. Конечно, нет. Однако кому, как не вам, знать, что игроки часто оправляются от травм, возвращаются в теннис и играют еще лучше. Я знаю, это будет сложно, но возможно. И я готова работать.

Чарли проверила зеркала и выехала на шоссе. Ее пульс участился. Кем он себя возомнил? Звонит сказать ей, что она обречена на провал? Но вдруг это правда? Если и Марси, и Тодд Фелтнер уверены, что она не вернется в большой спорт, не обманывает ли она сама себя, думая, что у нее получится?

– Дружеский совет: защити себя от разочарований и подумай о раннем уходе. Уйдешь изящно, на пике карьеры. На каком месте ты была в статистике до травмы? Двадцать два? Двадцать пять? Это чертовски здорово, это лучше, чем большинство игроков смеет даже мечтать. Уйди достойно сейчас, залечи свои травмы, и сможешь играть

непрофессионально до конца жизни. Черт, ты даже можешь завести семью, если уйдешь сейчас. Это удастся не многим теннисисткам.

Чарли стиснула руль вспотевшей рукой, мгновенно забыв обо всех званиях и достижениях Тодда Фелтнера, и, стараясь говорить как можно спокойнее и ровнее, ответила:

– Послушайте, мистер Фелтнер. Не знаю, почему вы говорите это, но позвольте мне кое-что прояснить. Я вернусь. Я попаду в первую десятку. И выиграю Большой шлем. Я даже думаю, что смогу стать номером один. Потому что я боец, я не тот большой ребенок, которого вы когда-то тренировали, мистер Фелтнер. Я не для того каждый день после школы работала по шесть часов и выполняла домашние задания при свете бардачка автомобиля, когда ехала домой после турниров, чтобы теперь сдаться. Я не ходила в кино, не ездила на экскурсии, пропустила выпускной и не болталась в торговом центре, не высыпалась, не напивалась, не целовалась с парнями на вечеринках. И не для того мой отец вкалывал день и ночь, обучая теннису богатых дамочек и избалованных детишек, чтобы я спасовала перед первой же трудной задачей. И, конечно, не для того я бросила колледж после первого курса – лучшего года в моей жизни, – чтобы теперь уйти из спорта. Я невероятно уважаю все то, чего вы достигли в своей профессии, и я мечтала о таком тренере, но теперь очень прошу: держите свое мнение при себе. Мне жаль, что я впустую потратила ваше время, мистер Фелтнер. Я ошибалась, вы мне явно не подходите.

– Шарлотта? Не вешай трубку. – Тон Тодда был твердым, но она слышала и примирительные нотки.

– Я сказала все, что хотела.

– А я нет. Считай, ты меня убедила.

– Простите?

– Я согласен тренировать тебя. Я сомневался, что в тебе хватит огня, однако теперь вижу, что хватит. Я твой.

Чарли ошеломленно молчала.

– И зови меня Тодд, черт побери. Помочь тебе могу только я. Ты это знаешь, и я это знаю. Надо встретиться, чтобы обсудить детали. Я лечу через Лос-Анджелес на следующей неделе по пути на Гавайи и попрошу секретаря назначить встречу. Правильный настрой, Сильвер. Мы с тобой надерем всем задницы!

Телефон отключился. Чарли была настолько потрясена, что ей пришлось притормозить, чтобы не столкнуться с едущим впереди автомобилем. Примерно милую она тащила, как старушка, – в крайнем правом ряду, прежде чем велела телефону набрать Джейка.

– Ты не поверишь, с кем я только что говорила! – выпалила она.

Судя по шуму, Джейк шел от своего спортклуба к метро, где сядет в поезд до Гарлема. Потом он переоденется, побреется и помчится в офис.

– Хм, дай подумать. Вряд ли с Фелтнером... Хотя я звонил ему четыре минуты назад, и он сказал, что сразу же тебя наберет.

– И ты меня не предупредил?!

– Когда Тодд Фелтнер сразу соглашается кому-то позвонить, я не буду просить его подождать, пока мы с тобой поахаем. Десять минут назад ты казалась чертовски уверенной в своем выборе. Как прошел разговор?

– Он согласился меня тренировать! – Чарли сама едва верила словам, которые она произнесла.

– Он... что?

– Согласился. Тодд Фелтнер сказал, что я его убедила, что во мне есть огонь. Не помню точно. Сначала повел себя как придурок, а потом я выдала ему все, что думала – вежливо, конечно, – и он сказал, что согласен.

– О, боже мой!

– Почему ты удивлен? Мне немного обидно.

– Чарли, ты уверена, что этого хочешь? Я понимаю, чем он привлекает, действительно понимаю, но этот парень – не шутка.

Честно признаться, Чарли неприятно поразили грубые манеры Тодда. Он был полной противоположностью Марси, чья сдержанность успокаивала Чарли в течение десяти лет. Но она была готова к переменам. Нет, даже больше, – перемены ей были необходимы.

– Да, он груб в общении, и, конечно, я еще подумаю, однако я верю, что это одна из тех возможностей, которые могут по-настоящему изменить мою жизнь. Пожалуй, единственная возможность. Взгляни на картину в целом. Мне надо сделать шаг от хорошей спортсменки к великой. От победителя к чемпиону. Тебе важно, чтобы я стала чемпионом? Нет. Папе? Конечно, нет. Я знаю, вы оба будете по-прежнему любить меня, если завтра я решу бросить теннис и стану парикмахером. Но мне – важно, Джейк. Не могу даже объяснить, насколько это для меня важно. Надо быть сумасшедшей, чтобы упустить подобный шанс.

– Тодд, конечно, лучший, – тихо произнес Джейк.

– Он лучше, чем лучший. Ненавижу констатировать очевидное – и презираю неуважительное отношение к женщинам в спорте, – но мне лестно думать, что он возьмет меня, когда есть десятки великолепных мужчин-теннисистов, каждый из которых наймет его в пять секунд.

Это была печальная правда: спортсмены-мужчины получают больше призовых денег, привлекают больше зрителей на стадионы, заключают

более выгодные спонсорские контракты, и поэтому все хотят работать с ними.

– Что дальше? – спросил Джейк. – О чем вы договорились?

– Он приедет в Лос-Анджелес. Мы встретимся. Ты ведь тоже приедешь, да? Я не могу без тебя.

– Конечно, – без колебаний ответил Джейк. – Я куплю билет, как только ты скажешь.

Чарли повела джип на съезд с магистрали и притормозила у знака остановки. До клуба оставалось меньше мили, когда она вдруг вспомнила, с кем сейчас встречается.

– Папе пока ничего не говори, хорошо? Мы оба знаем, как он это воспримет.

– Заметано. Мне надо бежать, детка. Позвони, когда закончите с папой. И... Чарли, я понимаю. Наверное, ты права.

– Спасибо. Держи за меня пальцы скрещенными, хорошо?

Она нажала «отбой» и как раз подъехала к парковке клуба.

– Привет, Чарли! – крикнул менеджер клуба со своего места, где он надзирал за парковщиками. – Как нога?

Она вышла из машины и помахала ему рукой.

– Лучше. Отец там?

– Да, сказал, что будет ждать тебя за твоим столиком.

Чарли похромала к ресторану. Метрдотель проводил ее в дальний правый угол зала, к лучшему столику, стоящему у окна с захватывающим видом на девятую лунку. Перед тем как Чарли перешла в профессионалы, ни она, ни ее отец никогда не садились за этот стол – отец даже редко ел в гостевом зале. Теперь с ними обращались как с особами королевской крови.

– Прости, я опоздала, – сказала она, осторожно опускаясь на стул. Таблетка еще не подействовала, и послеоперационная боль, усиленная мышечной болью от занятий, давала о себе знать.

Отец наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку.

– Ничего. Не так уж плохо посидеть здесь, глядя в окно, особенно в такой солнечный день. Как прошли занятия?

Мистер Сильвер сохранил густую шевелюру даже в шестьдесят один год. Волосы начинали седеть у висков, и он отпускал много каламбуров насчет «серебра», однако Чарли считала, что он по-прежнему красив. У него был густой загар, но каким-то образом ему удалось избежать того, чтобы кожа выглядела дубленой, что случалось со многими мужчинами, проводившими столько времени на солнце. Его глаза все еще были яркого

зеленого или синего цвета, в зависимости от цвета рубашки. Правда, он прибавил несколько лишних фунтов – и начал носить эксцентричные наряды, типа шорт до колен с коричневыми кожаными ремнями, – однако подтянутая фигура и высокий рост компенсировали многое, и ни одну из его подруг, судя по всему, не отпугивал ни лишний вес, ни недостаток вкуса в одежде.

Чарли поправила пояс белых джинсов, которые за последние пару месяцев стали заметно туже.

– Рамона – зверь. Но она мне нравится.

– Она лучшая в своем деле, все так говорят. – Мистер Сильвер кашлянул. – Чарли, есть кое-что...

– Я говорила с Тоддом Фелтнером. Он хочет стать моим тренером! – выпалила она, не успев даже положить салфетку на колени. Чарли не собиралась рассказывать о своем разговоре с Тоддом, но домашняя обстановка клуба, где она практически выросла, в сочетании с теплым объятием и добрыми глазами отца, открыли шлюзы. Она пожалела об этом в ту же минуту, как сказала.

– Прости? – Он посмотрел на нее встревоженно. – Тодд Фелтнер, мужской тренер?

– Больше не мужской тренер. Он хочет тренировать меня, свою первую и единственную спортсменку-женщину. Он думает, что у меня есть все, что нужно для победы.

– Конечно, есть, и без придурков знаю! – Отец глубоко вздохнул и, казалось, сделал усилие, чтобы успокоиться. – Прости, я просто удивился.

Чарли потянулась через стол и коснулась его руки.

– Да, Тодд имеет не лучшую репутацию, но как тренер... он лучший.

Мистер Сильвер сделал глоток воды.

– Тебе известно, сколько штрафов он выплатил американской теннисной ассоциации за несдержанное поведение? Ты помнишь, что он сделал с Эверсолом? Есть видео, если тебе нужно освежить память. Он оскорбляет своих игроков. Неужели ты хочешь работать с таким человеком?

– Я ищу не друга, – сдержанно ответила Чарли.

– Насколько я помню, у тебя есть тренер.

– Есть, и ты знаешь, как я люблю Марси.

Отец отнял руку, мягко, но демонстративно.

– С ней ты перешла из юниоров в профи. Она знающий тренер. Она вежлива. И она не ведет себя, как урод. Теннисный мир полон грязи, а Марси одна из самых искренних и честных людей, которых я когда-либо

встречал. Лично для меня это много значит.

Чарли начинала злиться.

– Для меня это тоже много значит, папа. Разумеется.

Они оба улыбнулись юному официанту, который принес им одинаковые салаты с курицей-гриль, без помидоров и с заправкой в отдельной плошке. Чарли знала, что если бы отец обедал с кем-то другим, он заказал бы сэндвич со стейком и картошку фри, и оценила его поддержку.

– Понимает ли он твою игру? Твои сильные и слабые стороны, твой характер? Есть ли у него налаженные отношения с организаторами турниров, администрацией теннисных турне? Разве это он долгие годы помогал тебе оттачивать технику? Учил стратегии на корте? Защищал тебя от прессы, с которой лучше работать другим? Может Тодд Фелтнер спланировать оптимально поездку и тренировочный график так, чтобы это не повлияло на твою результативность?

Чарли заставила себя сделать глубокий вдох. Отец играл профессионально менее трех лет почти сорок лет назад. Почему он так жестко с ней говорит?

– Мне удивительно слышать, что ты решила уволить Марси и нанять Фелтнера.

– Я хочу побеждать, – наконец сказала Чарли. – Нужно многое изменить. Мне было пятнадцать, когда ты пригласил ее работать со мной.

– Ты тогда выиграла «Оранж Боул». В пятнадцать лет!.. Ты далеко превзошла мои тренерские способности.

– Разумеется, на тот момент она была отличным выбором. Но давай по-честному: ты нанял ее не потому, что она считалась лучшей из всех доступных тренеров. А потому что знал, что она не станет за твоей спиной оказывать на меня давление, чтобы я перешла в профессионалы.

– Чарли, это все дела давние. Марси идеально подходила для тебя в самом уязвимом возрасте...

– Я согласна, папа, она замечательная. Ей было всего двадцать восемь лет, и она только что ушла из большого спорта из-за травмы плеча. Скорее, старшая сестра, чем какой-то пугающий сорокалетний громила, который заставил бы меня возненавидеть игру. Я ценю это, клянусь. Я думаю, она была отличным выбором.

– Но?..

– Я играла все турниры, путешествовала по разным местам. Моя игра постоянно улучшалась под руководством Марси, но я начинаю думать, что это происходило недостаточно быстро. Мне почти двадцать пять! Знаешь,

как много теннисисток выиграли свои первые главные титулы в двадцать пять или позже? Десять. Десять! И это еще не принимая во внимание тот факт, что я восстанавливаюсь после серьезной травмы, и в прессе говорят, что мне никогда больше не выиграть престижного турнира. Даже Марси так считает.

– Ты добралась до четвертьфиналов Австралии и Франции. Дважды. Ты дошла до полуфинала в Индиан-Уэллсе и Сингапуре. Думаю, тебе есть чем гордиться.

– Я не о гордости говорю, ты ведь понимаешь. Я хочу выиграть Шлем. Я тренировалась всю свою жизнь, и теперь, кажется, у меня есть возможность работать с человеком, который сумеет привести меня к цели.

– Я просто не знаю, что...

– При прочих равных, если твоя цель – выиграть Открытый чемпионат США в течение следующих двух лет, кого бы ты нанял? Марси Беренсон или Тодда Фелтнера? Не принимая во внимание их стиль тренерства, насколько они приятные люди и все остальное.

Он молчал.

– Вот, – тихо произнесла Чарли.

– Вовсе не обязательно, что он правильный выбор для тебя, – сказал мистер Сильвер, делая глоток пива.

Чарли подняла на него взгляд.

– Похоже, Тодд – неправильный выбор для тебя.

Он посмотрел ей в глаза. Они помолчали.

– Папа, дело не только в победе, я понимаю. С каждым годом в женском теннисе все большее значение имеет атлетизм. Пятнадцать лет назад, если ты занималась в тренажерном зале по часу в день, можно было ожидать, что ты продержишься на корте дольше, чем большинство твоих соперниц. Сейчас все иначе. Женщины тренируются в зале столько же, сколько и на корте, а Марси не вполне за этим поспевает. Я уже говорила тебе: она отказывается работать в прежнем режиме.

– Она хочет ребенка, Чарли. Я уверен, ты это понимаешь.

– Конечно, я понимаю! Она все еще мне друг, папа. Я провела с ней вместе больше времени, чем с кем-либо другим. Я была одной из подружек невесты, когда она выходила за Уилла! Естественно, сейчас она не хочет так много разъезжать. Больше сорока недель в год, просто ад, а ведь они проходят процедуры ин-витро. Я понимаю, правда. И надеюсь, что ей удастся забеременеть. Но что потом? Думаешь, она станет летать каждые три дня то в Дубай, то в Шанхай, то в Мельбурн? А когда она по очень понятным причинам не захочет так много путешествовать... что делать

мне?

Отец кивнул.

– Да, нанимая женщину-тренера, ты рискуешь. Но мне нравится думать, что мы не отступим от наших друзей, когда...

– Я не понимаю, почему ты так со мной, – прошептала Чарли.

– Мы просто беседуем, Чарли.

– Это не похоже на беседу, папа. Ты меня осуждаешь. Мы даже не обсудили то, что произошло на Уимблдоне. В конце концов, именно она была ответственна за обувь. Она стала менее внимательной в последнее время. И ты бы слышал наш утренний разговор о моем будущем.

Официант, местный ученик средней школы, которому, по словам отца, светила теннисная стипендия в школе Первого дивизиона, забрал тарелки и поставил перед ними маленькие чашки с ягодами.

– Похоже, ты уже приняла решение. Я с ним не согласен, но я поддержу тебя в любом случае, – произнес мистер Сильвер, подкладывая к ягодам взбитые сливки.

Поддержишь, пока я с тобой соглашаюсь, подумала она. И хотя Чарли сомневалась, что Тодд был правильным выбором, ей самой все стало гораздо яснее, когда она изложила отцу доводы, нравятся они ему или нет.

– Да. Я решила, – сказала Чарли.

– Хорошо. Мы друг друга поняли, и каждый остался при своем мнении.

Те же самые слова мистер Сильвер сказал более пяти лет назад, когда летом перед вторым годом в колледже Чарли решила перейти в профессионалы. Чарли понимала, что не сможет одновременно учиться в колледже и соревноваться на высших уровнях женского тенниса. Хотя это, конечно, понимал и мистер Сильвер, его неодобрение граничило с возмущением.

Чарли хотела напомнить, что у них уже был похожий разговор, но ее спас Говард Пинтер, владелец клуба. Толстый и лысый Говард шепелявил и всегда носил подтяжки, до предела натянутые на огромном животе. Он любил и отца, и дочь и не упускал случая с ними поболтать – особенно теперь, когда Чарли стала знаменитостью.

– Питер! Чарли! Почему я не в курсе, что вы сегодня здесь обедаете?

– Привет, Говард. – Отец поднялся. – Рад тебя видеть.

Они пожали друг другу руки.

Чарли тоже хотела встать, но Говард мягко удержал ее за плечо.

– Сиди, пожалуйста, дорогая. Как вам обед? Твой друг присоединится к вам позже?

Сначала Чарли подумала, что Говард спрашивает ее, потом заметила, с каким выражением посмотрел на него отец. Оно говорило: «Заткнись». Никогда в жизни она не видела, чтобы отец так смотрел на кого-то... Что это в его глазах? Паника?

Так или иначе, Говард его понял.

– Прости, я все путаю. С возрастом становлюсь ужасно рассеянным, хорошо еще, одеваться не забываю... Было время, когда я помнил имя каждого сотрудника, а теперь радуюсь, если собственных детей узнаю. – Он фальшиво рассмеялся.

Гнев на лице отца промелькнул и исчез.

– Вот, посвящаю Чарли в сплетни нашего клуба, – сказал он с улыбкой. Говард с удивительной живостью сел рядом.

– О! И мне расскажи, и мне! Никто не рассказывает мне ничего занимательного. Думаешь, интересно слушать споры из-за графика посещения корта или об уходе за гольф-полем? Конечно, нет! Я хочу знать, кто с кем обнимается в раздевалке!

Все рассмеялись, и Чарли с облегчением заметила, что отец, похоже, расслабился. Они втроем несколько минут поболтали, и Чарли посвятила Говарда в пикантные, но совершенно безобидные теннисные сплетни: Наталья встречается со знаменитым квотербеком, миллиардер из Саудовской Аравии предложил семизначный гонорар каждому из тройки лучших теннисистов за один матч с ним в его поместье в Джидде, теннисистка, занимающая пятую строчку рейтинга, недавно пропустила тест на допинг... Говард хлопал в ладоши и радостно смеялся. Это даже не особо интересные сплетни, думала Чарли. Любопытно, как бы он отреагировал на новости о Тодде Фелтнере. Или на известие о том, что она спит с самым красивым теннисистом в турне.

– Извините, вынужден вас оставить, – произнес Говард, глядя на мистера Сильвера. Повисла неловкая секунда молчания. Говард кашлянул и отодвинул свой стул. – Долг зовет. Пока я тут сижу, какая-нибудь скучающая домохозяйка наверняка ругает одного из моих сотрудников. Чарли, рад был тебя видеть. Приходи к нам почаще! – Он наклонился и поцеловал ее в щеку. Чарли заставила себя не вытирать мокрую щеку.

– Спасибо, что подошли к нам, мистер Пинтер, – улыбнулась она. – И не проболтайте о секретах турне, хорошо?

Он засмеялся, тряся животом, как Санта-Клаус, и засеменил к двери. Чарли повернулась к отцу:

– О чем он говорил? У тебя новости? Кто этот твой «новый друг»?

– Ерунда. Говард организовал для меня переезд в один из гостевых

коттеджей в дальнем конце участка, возле бассейна.

– Ты про коттеджи, построенные в начале прошлого века? Там хотя бы есть отопление? С какой стати тебе туда переезжать? В них, наверное, последние десять лет никто и не жил!

– Я сэкономлю массу времени. Не придется ездить туда и обратно из Топанги каждый день. Пробки...

– А как же наш дом? Мама так его любила! – Чарли не хотела поднимать тему матери, но она никогда и подумать не могла, что отец однажды продаст дом ее детства.

– Я знаю, что она его любила, дорогая. Но пойми, все меняется. У меня не хватает времени и сил заботиться о таком громадном...

– То есть ты лучше будешь жить здесь? Ты и так проводишь здесь слишком много времени! – Она чувствовала нарастающую панику. – Дело в деньгах, правда?

Отец встретил ее взгляд.

– Дело не в деньгах. И это совершенно не твоя проблема, ясно?

– А в чем тогда дело? Я не понимаю, почему ты не позволяешь мне помочь!

– Я все еще твой отец, – сказал он резко. Затем добавил мягче: – Я отлично представляю, сколько денег тебе нужно инвестировать в свою карьеру. Немалая зарплата тренера, поездки для вас обоих и Джейка, а уж насколько больше, чем Марси, запросит Тодд Фелтнер...

– Я просто не понимаю, зачем тебе переезжать.

Он поднял руку.

– Достаточно. Так будет лучше для меня – сэкономлю деньги на содержание дома и время на проезд.

Чарли заставила себя улыбнуться, несмотря на неприятный холодок в животе.

– Ладно. Каждый остался при своем мнении.

Глава 4

Двадцать третья лучшая девчонка

Лос-Анджелес.

Август 2015 года

Щит с надписью «Продается собственником» торчал прямо под окном Чарли. С тех пор, как отец объявил о своем намерении переехать в Бирчвуд, прошло две недели, а она до сих пор не могла с этим смириться. Их коттедж с тремя спальнями стоял в стороне от бульвара Топанга-Каньон и давно нуждался в покраске (не говоря уже о новых дверях и окнах). Но хотя дому ее детства не хватало внешнего лоска, это с лихвой восполняли памятные события: воскресные барбекю на лесистом заднем дворе, поездки на велосипеде с Джейком в парк Топанга и остановки по пути, чтобы выпить кока-колы в магазинчике у заправки, где теперь торговали органическими продуктами, помощь матери с горшками бальзамина...

Ее семья была не из тех, кто часто устраивает вечеринки и приглашает толпы гостей, но Чарли провела здесь счастливое детство. Она почти ничего не изменила в своей комнате – вплоть до постеров с Джастином Тимберлейком – и до сих пор считала это место своим домом. Зачем платить арендную плату где-то еще, если одиннадцать из двенадцати месяцев она проводит в поездках? Ее огорчала затея отца продать часть их общей истории и поселиться в гостевом домике. В собственности Бирчвуда.

Чарли смотрела на айпаде документальный фильм о сложном жизненном пути Тодда Фелтнера. Рос он на Лонг-Айленде и играл первые одиночные матчи за школу «Грейт-Нек-Норт», а потом за университет штата Мичиган. Работая в программе подготовки «Морган Стэнли», во время отпуска во Флориде Тодд открыл тринадцатилетнего теннисного вундеркинда, который подрабатывал, подавая клюшки на поле для гольфа. Что-то в этом мальчике, Адриане Эверсоле, так вдохновило Тодда, что он бросил офисную работу, переехал в Тампу и приступил к изучению всего, что нужно, чтобы тренировать талантливую парня и сделать его номером один всего через восемь лет. В фильме было множество сцен, где Тодд кричал, нещадно ругая Адриана – а позже и других игроков, которых привел к вершине. Во время одного особенно пугающего полуфинала чемпионата США служба безопасности силой удалила Тодда с трибун

после того, как он обругал Адриана так громко и грязно, что телевизионные камеры не смогли даже показать это в прямом эфире. Пару минут спустя – другая сцена: Адриан поднимает чемпионский кубок высоко над головой, потом целует его под ликование болельщиков. Чарли смотрела едва дыша, ощущая вес этого кубка, слыша восторженный рев толпы, чувствуя запах пота и песчаный аромат воздуха Квинса в тот момент, как ее объявляют победительницей. Несмотря на пугающие выходки Тодда, она знала: он тот, кто ей нужен.

Тут же зазвонил телефон, и молодой женский голос произнес:

– Шарлотта Сильвер? С вами хочет поговорить Тодд Фелтнер.

Чарли почувствовала, что ее пульс участился, и поставила айпад на паузу.

– Шарлотта? Это Тодд Фелтнер. Заколебался писать сообщения, поэтому звоню. Я прилетаю в Лонг-Бич в пятницу днем. В восемь мой рейс на Гавайи, и далеко ехать не хочется. Может, встретимся в центре, в фойе отеля «Стандарт»? Я продемонстрирую тебе свои достоинства, ты огласишь список вопросов, и мы все решим. В два часа?

Чарли сделала глубокий вдох, вспомнила пиетет Джейка и собственный восторг, когда Тодд ей впервые позвонил, и ответила:

– Договорились. В два часа, мистер Фелтнер.

– Вот и отлично! – сказал он, каким-то образом сумев произнести это саркастично. – Зови меня Тодд. «Мистер Фелтнер» напоминает мне об отце, и твое счастье, что ты не имела удовольствия с ним встречаться.

– Хорошо, Тодд.

Прежде чем Чарли успела ощутить неловкость, Фелтнер объявил, что его помощница подтвердит информацию по электронной почте, и повесил трубку.

Она написала Джейку: «Все на мази», указала время и место и выключила телефон.

Когда Чарли, одетая в джинсовый костюм, вошла в фойе отеля «Стандарт», до встречи оставалось пятнадцать минут. Есть время, чтобы заказать стакан газированной воды и просмотреть свои записи. Чарли аккуратно напечатала девятнадцать вопросов – некоторые рабочие моменты, о которых она хотела узнать его мнение – на листе светло-голубой бумаги. Но когда она подошла к администратору ресторана, Тодд окликнул ее из-за столика возле конца барной стойки:

– Сильвер! Я тут. – Он не встал, когда она подошла. – Садись. Ничего, если я буду звать тебя Сильвер?

– Вообще-то, я предпочитаю, чтобы меня звали Чарли... Ты рано.

– Тодд Фелтнер, правило номер один: если не придешь рано, то опоздаешь. – И он загоготал.

Чарли не могла решить, что ей не понравилось больше: дурацкое правило или то, что он говорит о себе в третьем лице.

При росте в метр шестьдесят его сила в бытность теннисистом шла исключительно от мускулистых плеч и широких мощных бедер. Теперь, когда он был уже не молод, мощная мускулистая фигура превратилась в грушу: плечи сдулись, выросли огромный живот и зад.

– Что будешь? – спросил Тодд, подталкивая к ней меню.

Возле столика возникла девушка в кожаных брюках и коротких сапожках на шпильке. Чарли взглянула на телефон и увидела, что Джейка не будет еще тринадцать минут, а может, и больше.

– Э-э... пока просто чашку кофе, пожалуйста. – Она собиралась здесь пообедать, но хотела дожидаться Джейка.

– Без кофеина, – рявкнул Тодд.

И официантка, и Чарли повернулись к нему с удивлением: он сам хочет кофе без кофеина или требует такой для Чарли?

– Для нее, – пояснил он.

Чарли заставила себя улыбнуться.

– Спасибо, я предпочитаю обычный. – Она повернулась к официантке: – С обычным содержанием кофеина, пожалуйста.

Тодд захохотал.

– Ладно, пока наслаждайся. Будешь работать со мной – распрощаешься с кофеином, как и со всем остальным, что хоть немного приятно. Но к этому мы еще вернемся.

Если бы вместо Тодда здесь была Марси, они бы уже ели картошку фри и хихикали над последними сплетнями о знаменитостях. Чарли лихорадочно подыскивала тему для легкой болтовни, чтобы заполнить время, когда перед ними вдруг возник Джейк.

– Надеюсь, я ничего не пропустил? – сказал он, наклоняясь и целуя Чарли в щеку. Тодд не встал, но Джейк обошел вокруг стола и хлопнул его по спине. – Рад тебя видеть. Спасибо, что нашел время.

Чарли всегда немного удивляло то, как профессионально держится ее старший брат. Белоснежная рубашка подчеркивала красивый загар, и весь его облик – модный темно-синий костюм, рубашка без галстука, дорогие часы и туфли – ясно диктовал: успешный голливудский агент. Никто никогда не догадался бы, что он живет в доме без лифта, в однокомнатной квартире в Гарлеме, и что единственным клиентом в спортивном агентстве,

в котором он работал, была его собственная сестра.

Они еще даже не заказали еду, когда Тодд ударил кулаком по столу.

– Мы все – занятые люди, так что давайте сразу к делу. Сильвер... э-э... Шарлотта – ты чертовски хороший игрок с большим потенциалом. И пока – все. В турне ты уже почти пять лет, а Шлема у тебя нет, и в рейтинговой таблице ты никогда не поднималась выше двадцать третьего места. Плюс недавняя операция. Наверняка многие советуют тебе бросить спорт.

– При всем уважении, мистер Фелтнер, быть двадцать третьей лучшей теннисисткой в мире не так уж и плохо, – встрял Джейк.

Чарли ответила ему благодарной улыбкой, но очередной звук удара кулаком по столу так ее испугал, что она чуть не вылила на себя кофе.

– Неправильный ответ! – гаркнул Тодд. – Об этом ли ты мечтала, когда тебе было тринадцать, когда ты выигрывала все турниры, в которых участвовала, выказывая невероятное упорство и решимость и пробивая себе путь сквозь соперниц, как хренова газонокосилка? Стать двадцать третьей лучшей? Не думаю. И надеюсь, что нет, потому что это не чемпионский настрой. Думаешь, Штеффи Граф молилась попасть в двадцатку? Или Эверт, Навратилова, Шарапова или одна из сестер Уильямс когда-нибудь говорили своим тренерам, или папам, или своему отражению в зеркале: «Ох, надеюсь, я смогу когда-нибудь стать двадцать третьей лучшей среди девчонок?» – Последнюю фразу он произнес с насмешкой, имитируя пронзительный женский голос.

У Чарли вспыхнули щеки. Тодд Фелтнер прав. Она всегда мечтала о большем. Она не хотела после долгой напряженной работы остаться в истории тенниса всего лишь сноской внизу страницы.

– Да, я поняла, – тихо сказала Чарли.

– Если я вернусь в дело и стану тренировать женщину, я сделаю это только для той, кто обладает бешеной волей к победе. Ты такая, Шарлотта Сильвер? Ты готова сражаться до крови? Или тебе достаточно прыгать по корту в маленькой белой юбочке, с жеманными косичками, и улыбаться широко и ослепительно, чтобы все тебя обожали?

Тодд откинул магнитную крышку своего айпада, развернул его экраном к Чарли и начал перелистывать ее фотографии за много лет. Везде с косичкой. Везде с улыбкой. Всегда на втором месте.

– Сейчас мы сидим здесь лишь по одной причине: я думаю, что под образом милой девочки скрывается теннисистка, которая очень, очень хочет попасть в Высшую лигу. В первую десятку. А лично я здесь сижу потому, что у тебя лучший гребаный удар слева одной рукой, какой я когда-

либо видел у бабы... э-э... женщины. У тебя есть инстинктивное понимание своего места на корте – поверь мне, этому нельзя научить, – и, по крайней мере, из того, что я могу видеть на записях, в тебе есть психологическая стойкость, чтобы подняться, когда ты в самом низу. Вот, Шарлотта Сильвер, почему мы здесь.

Чарли теперь боялась случайно улыбнуться. Тодд Фелтнер точно перечислил ее сильные стороны. Он провел отличную подготовительную работу. Впечатление от фотографий, на которых она выглядела дружелюбной веселой дилетанткой, было убийственным.

– Если мы работаем вместе, в первую очередь ты должна забыть все девичьи сантименты. Вот прямо сейчас я вижу, что у тебя глаза на мокром месте. Если мы каждую секунду будем беспокоиться о твоих чувствах, то мы никуда не доберемся. Во-первых, я высказываю тебе все напрямик, и ты высказываешься напрямик. Без всяких вокруг да около, договорились? Во-вторых, нам нужна капитальная смена имиджа. Мы примем меры, чтобы все забыли о девчушке с косичками; заменим ее свирепой, безжалостной соперницей, которую другие игроки будут бояться и уважать. Мы найдем консультанта по имиджу, и пусть он выберет специалистов по связям с общественностью, парикмахеров и советников по социальным сетям, которые всему тебя научат. Я буду отвечать за твой график тренировок и поездок и гарантирую тебе, что ничего из этой ерунды не мешает самому важному, а именно, игре. Имидж – не последнее дело, но, в конечном счете, если ты не побеждаешь, никого не волнует твой внешний вид.

Чарли кивнула. Да, он груб, но говорит правильные вещи.

– Сразу же найдем на полный день спарринг-партнера.

Чарли открыла рот, чтобы возразить, однако Тодд остановил ее, подняв руку.

– Знаю, ты хочешь сказать, что он не нужен и вполне достаточно тренироваться с другими девочками для разминки и практики. И сразу отвечу, что ты ошибаешься. Страшно ошибаешься. И не надо мне «я всего лишь номер двадцать три и не заслуживаю личного спарринг-партнера». Я много раз видел, как взлетают результаты теннисистов, когда у них есть достойный партнер для ежедневных тренировок. Это не обсуждается.

– Хорошо. – Чарли часто думала об этом, но не могла решиться на такие траты. Она не побеждала в достаточном количестве соревнований, чтобы нанять спарринг-партнера на полный рабочий день, да еще оплачивать его поездки с ней по всему миру.

– Я не буду против услуг физиотерапевтов и тренеров, которых предоставляют турне, если увижу, что твоя физическая форма улучшается и

ты придерживаешься разработанных ими программ. Кроме того, диетолог. Не навсегда, только пока ты не сбросишь пять килограммов с нижней части тела и не нарастишь мышцы плеч. Не стану врать: удовольствие не из дешевых. Однако если ты будешь выигрывать чаще и если мы все будем делать свою работу правильно, денежные расходы окупятся. Поняла меня?

Чарли изо всех сил старалась не акцентировать внимание на его замечании о пяти килограммах. Он прав, конечно; просто неприятно такое услышать.

– Твой брат будет курировать деловую сторону, подыщет в дополнение к «Найк» хороший спонсорский контракт, условия которого мы будем обсуждать, когда ты ворвешься в первую десятку. А откуда? Давай просто скажем: путь выложен золотом.

Тодд скрестил руки на груди и самодовольно улыбнулся. Джейк, сидя рядом с ним, кивал. За все годы, что Марси была ее тренером, у них никогда не случалось подобного разговора. Они работали исключительно над техникой: совершенствовали резанные удары, удары с лета, работали над крученной подачей, отрабатывали подход к мячу. Вне корта они с Марси обычно смеялись в столовой для теннисистов, читали в самолетах журналы или смотрели телевизор в гостиничном номере.

Марси никогда даже не упоминала об имидже, за исключением разговоров о важности спортивного поведения. Чарли сама следила за своим питанием, которое включало в себя много свежих фруктов и овощей и, особенно перед матчами, – много белка и сложных углеводов. Марси регулярно советовалась с тренерами турнира, чтобы спланировать хорошие тренировки, однако не стояла над Чарли с блокнотом и секундомером, контролируя выполнение каждого пункта. В первую очередь они были тренер и ученик, но они были также и подруги, наперсницы друг для друга, а иногда, когда Чарли уставала от поездки или была слишком подавлена одиночеством, – как мать и дочь.

– Ты прав, я не мечтала быть двадцать третьей. И ты верно проанализировал мои сильные стороны на корте. Я хочу победить, мистер Фелтнер. Тодд. Я хочу вернуться, став сильнее и лучше, чем прежде. Ты правда думаешь, что сможешь привести меня к победе?

Тодд посмотрел ей в глаза.

– Я вернул на корт Надаля после жуткой травмы колена. Я привел Адриана Эверсола к победе в четырех турнирах Шлема. Я вывел Джилберто на первое место в рейтинге, а он до встречи со мной был размазней. Я умею делать победителей. – Тодд посмотрел на часы. – Черт, мне пора бежать. Значит, обдумай все и дай знать до конца недели. Вместе

мы сможем вершить великие дела, Сильвер... Ха-ха, шутка! Чарли.

Джейк рассмеялся. Чарли заставила себя улыбнуться.

– И вот еще что. Я стану с тобой работать, только если ты будешь свободна от других обязательств. Даже не звони мне, пока не порвешь все связи со своей дамой-тренером. Ясно?

Тодд открыл бумажник, но Джейк замахал рукой.

– Прошу тебя, позволь оплатить. Большое спасибо, что нашел время с нами встретиться. Мы все обсудим и позвоним.

Тодд помахал им обоим на прощание, то ли не заметив, то ли проигнорировав руку Джейка, протянутую к нему через стол.

– В тебе, малышка, есть то, что нужно для победы, и я знаю, как заставить тебя раскрыть потенциал. Считаю, я теперь в твоём углу. Ну, счастливо.

– Потрясающе! – выдохнул Джейк, глядя вслед Тодду с восхищением, как будто их стол только что покинул Майкл Джексон.

– Я не успела задать ему свои вопросы, – пробормотала Чарли.

– Думаю, он в основном на все ответил, разве нет? Должен сказать, разница между Тоддом Фелтнером и Марси Беренсон огромная. Они словно из разных вселенных.

Чарли не могла с ним не согласиться.

– Я хочу с ним работать, – сказала она. – Да, как человек он мне неприятен, но мне нравится его план, его пыл и настрой. Кроме того, я полностью осознаю, что это одна из тех ситуаций, когда ты на развилке. Грех не воспользоваться шансом. Живые легенды не входят в твою жизнь каждый день.

Джейк поднял обе руки, показывая, что больше не спорит, и как раз в этот момент стильная официантка подала еду.

– У вас есть шампанское? – спросил Джейк.

Девушка посмотрела на него, как на чокнутого.

– Конечно.

Он, казалось, не заметил ее тона.

– Отлично, мы возьмем два бокала. – Джейк посмотрел на сестру и ухмыльнулся. – Похоже, нам есть что отпраздновать.

Чарли только закончила накрывать на стол для двоих, когда услышала телефонный звонок. Звонил стационарный телефон.

– Привет, пап, – сказала она в древнюю трубку.

– Как ты догадалась, что это я?

– А кто еще будет сюда звонить? – ответила она и тут же спохватилась,

что это прозвучало довольно бестактно. – Я имею в виду, что твои подружки, скорее всего, звонят тебе на мобильный.

– Шарлотта, извини, что не позвонил раньше... Я не приду сегодня домой к ужину.

Она подождала, но отец ничего не объяснил.

– Красотка?

– Кое-какие дела.

За уютным семейным ужином Чарли хотела спокойно поговорить о работе с Тоддом. Она собиралась нанять его независимо от того, согласен отец или нет, но было бы намного приятнее знать, что отец ее поддерживает.

– Я готовлю ужин...

– Спасибо, дорогая, поешь сама. Я приду очень поздно. Или завтра.

– Завтра? – удивилась Чарли.

Отец никогда, никогда не ходил на свидания, если она была дома, не говоря уже о том, чтобы заночевать в доме случайной женщины. Она сделала мысленную заметку: спросить Джейка, не появился ли у отца кто-то особенный.

– Мне надо бежать, – сказал он. – Люблю тебя. – И повесил трубку.

Чарли извлекла из холодильника замороженный чесночный хлеб и стала читать на пакете инструкцию по разморозке. Когда она ставила батон в удивительно навороченную мини-печь на отцовской кухне, зазвонил мобильник.

Это была Марси. Придя домой после встречи с Тоддом, Чарли написала Марси письмо, спрашивая, когда к ней можно приехать. Марси жила в Сент-Питерсберге, штат Флорида; Чарли не была в ее доме целую вечность. Офисы теннисной ассоциации WTA находились там же, и Чарли планировала заодно и их оповестить о смене тренера. Разговор с Марси будет тяжелым, но не по телефону же его вести.

Чарли заставила себя взять трубку.

– Привет, Марси! – весело сказала она. Они с Марси общались ежедневно, но чаще всего – сообщениями или по электронной почте.

– Привет, Чарли. Как ты?

– М-м... неплохо. Рамона, как всегда, сегодня была само очарование. Надо признать, она знает, что делает. Мое запястье разработалось, и нога с каждым днем становится все лучше. Боли больше нет, теперь просто надо наращивать силы.

Марси навещала ее за время реабилитации дважды – поскольку у нее шли процедуры ЭКО, а играть Чарли пока не могла, не было нужды

мотаться туда-сюда чаще.

– Рада слышать.

– Да, она замечательная.

Неловкая пауза.

– Чарли, я надеюсь, ты не против, если я выскажусь прямо. Мы знаем друг друга достаточно давно и можем быть честными, не так ли?

– Конечно, – с трудом выдавила она.

– Зачем ты едешь ко мне в Сент-Питерсберг на этой неделе?

Голос Марси был спокойным, в нем звучал обычный интерес, но Чарли показалось, что она слышит нотку подозрительности.

– Я чувствую себя лучше и не прочь немного развеяться. Я хотела увидеть тебя и Уилла, забежать в офис WTA и, возможно, выбить...

– Ты сказала, что будешь честной со мной.

Марси права, она заслуживала честности, но Чарли не хотелось сообщать такое по телефону.

– Чарли, полагаю, разговор для тебя трудный, и я не намерена его еще больше усложнять. А возможно, я ошибаюсь. Так что я задам тебе простой вопрос и буду очень признательна, если ты честно ответишь – да или нет.

– Хорошо...

– Ты хочешь приехать, чтобы меня уволить?

Молчание Чарли стало подтверждением.

– Так я и думала, – произнесла Марси.

Слово «уволить» прозвучало так резко, жестоко и безжалостно, что Чарли захотелось его оспорить, однако нельзя было отрицать, что суть оно выражало верно. По ее щекам потекли слезы.

– Прости меня, Марси. Я хотела поговорить лицом к лицу, – выдавила она, ненавидя себя за то, что не сумела сделать все правильно.

– Я знаю, Чарли. И ценю это. Но мы с тобой никогда раньше не придерживались строгих формальностей, поэтому и сейчас не стоит начинать. Незачем тащиться через всю страну, чтобы подтвердить мои подозрения.

– Ты подозревала? – Рыдания все же вырвались, и Чарли зажала рот ладонью.

– Да. Я знаю, ты не была довольна тем, что я не хотела так часто ездить, как в прошлом году. Ты прекрасно знаешь, мы с Уиллом пытаемся завести ребенка, и наверняка уже думаешь о том, как это на тебя повлияет.

– Нет, Марси, дело не...

– Не надо извиняться. Речь идет о твоей карьере, и я прекрасно понимаю твое беспокойство. По-моему, в том, что произошло на

Уимблдоне, ты винишь меня. Мы обе знаем, что это было случайностью, но я действительно сыграла определенную роль в том фиаско.

– Марси, пожалуйста, послушай...

Ее тренер продолжала спокойно и четко:

– Мне только хотелось бы, чтобы мы говорили о таких вещах более откровенно. Сперва объясниться, а потом уже искать в другом месте... – Секундное молчание. – Мой свекор сейчас в Лос-Анджелесе по делам. Большой теннисный фанат, он видел тебя с Тоддом в ресторане «Стандарта». Нетрудно догадаться, зачем вы встречались.

Чарли будто ударили.

– Прости, Марс. Просто все так совпало. Я возвращаюсь...

– У него плохая репутация.

– Знаю. Я его еще не наняла – хотела сначала поговорить с тобой.

– Да, ты планировала приехать сюда и все такое. Я... я надеюсь, ты понимаешь, на что подписываешься.

Чарли не находила слов.

– Послушай, в первую очередь мы друзья. Для меня было честью и тренировать тебя, и быть твоей подругой.

– Марси... – Чарли не могла больше скрыть, что плачет.

– Ты достойна самого лучшего, Чарли. Ты всегда упорно трудилась. И хотя я хотела бы, чтобы все это закончилось по-другому, я буду болеть за тебя с трибун. Теперь, когда зажило ахиллово сухожилие, под руководством Тодда Фелтнера, можно представить, как далеко ты пойдешь...

Чарли не могла говорить.

– Пора бежать, – срывающимся голосом добавила Марси. – Мы не прощаемся. Нам еще много с чем надо разобраться в ближайшие недели. Свяжи меня с помощником Тодда, и я прослежу, чтобы передача дел прошла гладко. Кстати, помнишь мое жуткое шифоновое платье, которое ты одалживала для банкета? Не надейся присвоить себе эту мерзкую вещь.

Они обе рассмеялись, но радости в их голосах не было.

– Марси, прости. Мне нравилось работать с тобой. Я не планировала... я даже не думала, просто... Прости.

– Я знаю. Я тоже. Поговорим еще.

И Марси нажала отбой.

Несколько секунд Чарли смотрела на телефон. Она редко чувствовала себя одинокой. Было странно чувствовать, что из ее жизни, полной движения и перемен, исчезла одна из немногих констант. «Готова или нет, – подумала она в тот же момент, как до ее обоняния донесся запах горелого, и в кухне сработал датчик дыма, – вперед!»

Глава 5

Смежные комнаты

Мельбурн.

Январь 2016 года

Чарли разбудил вибрирующий мобильник, и она потянулась к нему из-под толстого пухового одеяла, под которым пряталась от кондиционера. Кто сказал, что только американцы любят врубать кондиционер на максимум? Австралийцы от них, похоже, не отстают.

– Алло? – Голос звучал хрипло, как будто она выкурила пачку сигарет.

– Шарлотта? Какого хрена ты еще спишь? – пробасил Тодд на всю комнату, потому что Чарли случайно включила громкую связь. – Уже семь, а я тут стою один на корте!

В его голосе звенела ярость, и еще не привыкшая Чарли каждый раз пугалась. Как будто она вечно делает что-то не то.

Она отодвинула телефон подальше, чтобы взглянуть на экран.

– Всего семь, Тодд. Наша тренировка – в восемь, – пробормотала она, уже опуская ноги на пол.

Чарли взглянула на правую ногу и выдохнула с облегчением: нога выглядела совершенно нормально. Конечно, она и должна выглядеть нормально – и ахиллово сухожилие, и запястье полностью зажили месяцы назад, но проверять их состояние стало привычкой.

– Вытаскивай зад из кровати! Ты смотрела записи, которые я оставил для тебя вчера вечером? Я заказал белковый омлет в твой номер, через десять минут принесут. А здесь ты должна быть через полчаса. Думаешь, Наталья валяется в постели и смотрит телик? Игроки первой десятки не валяют дурака. И помни: если не придешь рано, то опоздаешь.

Не дожидаясь ответа, Тодд бросил трубку.

Не придешь рано, опоздаешь. Чарли прикусила губу. С другой стороны кровати что-то зашуршало. Чарли вспомнила про Марко, только когда он заговорил:

– Ты сказала ему, что не ленишься, а просто утомилась от секса?

– Нет, этого я ему не сказала, – ответила она, шлепнув его по груди.

– Всегда надо говорить правду, – назидательно произнес Марко и приподнялся, опираясь на локти. – Что ты меня так разглядываешь?

Думаешь... как вы там говорите... «красив, как Адонис»? Да, у меня постоянно такая проблема с женщинами.

Чарли рассмеялась, хотя понимала, что Марко не шутит: он чертовски великолепен. Это знал он, это знала она, это знало все женское население планеты – по крайней мере, та его часть, которая последние пять лет следила за мужскими теннисными матчами и видела, как Марко меняет футболки между сетами. Десять секунд полуобнаженной натуры принесли Марко Вальехо звание самого Сексуального Мужчины по версии журнала «Пипл». Его совершенное тело красовалось на рекламных щитах по всему миру; он демонстрировал нижнее белье, кроссовки, часы и одеколон и регулярно появлялся на красных дорожках с актрисами, певицами и моделями. Последние три года его рейтинг не опускался ниже четвертой строчки. После недавней победы в чемпионате США – в легких трех сетах в финале – он стал фаворитом на победу в Австралии. Он заработал миллионы призовых, получал десятки миллионов по спонсорским контрактам и владел домами и квартирами в разных городах по всему миру. Все единодушно признавали Марко Вальехо одним из величайших игроков Открытой эры. И сейчас он лежал в постели Чарли.

В дверь постучали. Чарли огляделась в поисках одежды или хотя бы халата, но в итоге выдернула простыню из-под одеяла и завернулась в нее.

– Прямо как в кино, – пробормотала она, открывая дверь.

Официант, парень лет девятнадцати, увидев Чарли, явно голую под простыней, покраснел от шеи до корней волос. Он бросил взгляд в сторону кровати, на смятые простыни и разбросанные подушки, но Марко был слишком опытным, чтобы попасться. Сотни ночей, проведенных в гостиничных номерах с разными женщинами, многому его научили, и теперь Чарли задавалась вопросом, как он умудрился незаметно прошмыгнуть в ванную.

– Доброе утро, мисс Сильвер. Здесь для вас омлет из яичных белков с грибами, луком и шпинатом. Фрукты вместо картофеля. Большой американо без кофеина, с обезжиренным молоком. Холодная вода. Могу я еще что-нибудь для вас сделать?

– Без кофеина? – вздохнула Чарли, уже знакомая с антикофеиновым правилом Тодда.

– Так было написано в заказе. Желаете обычный? – спросил официант, глядя в сторону.

– Нет, нет, все в порядке, – сказала Чарли, хотя думала прямо противоположное.

Контракт с Тоддом был подписан в августе прошлого года. Пять

месяцев реабилитации, тренировок и физподготовки сделали в точности то, что он обещал: Чарли чувствовала себя сильной, уверенной, готовой к Открытому чемпионату Австралии. Да, Марси не заставила бы ее отказаться от кофе. Марси не заставила бы ее сесть на диету. Однако требования Тодда принесли свои плоды: живот Чарли стал как никогда плоским, мышцы ног были в тонусе, и заметно повысилась выносливость.

Чарли подписала чек и, вручив все еще красному официанту чаевые, закрыла дверь.

– Берег чист. Можешь выходить! – крикнула она Марко.

Он вышел из ванной, приглаживая мокрые волнистые волосы. Из одежды – одно полотенце вокруг бедер.

– У меня тренировка на корте в восемь. А у тебя?

– То же самое, – ответила Чарли. – Извини, завтрак мне заказал Тодд, здесь для тебя ничего нет. Хочешь, я позвоню и попрошу принести овсяные хлопья?

– Нет, я через двадцать минут встречаюсь с тренером в столовой для теннисистов, поем там.

Марко ту же затянул полотенце вокруг талии. При росте в метр девяносто пять и девяносто килограммах чистой мышечной массы его гладкая оливковая кожа смотрелась божественно.

Чарли посмотрела на часы.

– Повезло, что в шесть утра не появился допинг-контроль. Однажды нас с тобой застукают...

На все триста шестьдесят пять дней в году, независимо от того, в какой точке мира она находилась и что там делала, Чарли должна была предоставить адрес, по которому ее можно найти в течение одного конкретного часа из двадцати четырех. Она могла выбрать любое время суток и как угодно часто менять указанный час, но тогда планирование дня становилось слишком запутанным, поэтому многие теннисисты указывали промежуток от шести до семи утра – достаточно рано, чтобы они наверняка были дома (или в гостинице), но не настолько рано, чтобы их будили среди ночи. Проверяющие приходили иногда часто – восемь или десять раз в год, – а иногда не показывались несколько лет подряд. Спортсмены не знали, когда их ждать.

– Если попадемся на сексе, а не на стероидах, то я не против. – Марко поцеловал ее в губы и схватил ключ от своего номера. – Пока, красавица. Хорошей игры.

– Тебе тоже, – сказала она, хотя обычно они не обсуждали свои матчи. – Удачи.

Он открыл дверь, соединяющую их комнаты.

– Очень удобно, – ухмыльнулся Марко. – Пожалуй, теперь всегда буду требовать смежный номер.

Он вышел и запер дверь с другой стороны.

Чарли опустила веки. Перед глазами мелькнула сцена из предыдущей ночи: половина девятого, она только что переоделась в ночную рубашку и заказала мятный чай в номер. Она все еще пребывала в приподнятом настроении после победы в первом круге и праздничного ужина с отцом и Джейком – они прилетели в Мельбурн, чтобы посмотреть ее матч. Отбой был в десять, подъем – в семь, что оставляло ей девять часов на сон. Девять часов было идеально, восемь – приемлемо, семь создавало трудности, шесть, как она знала по опыту, грозило катастрофой. За долгие годы Чарли превратилась в машину для сна. С мятным чаем, аппаратом белого шума, маской для глаз и берушами она могла заснуть где угодно: в комнате отдыха для игроков, в самолете, в автомобиле, в гостиничном номере или на съемной квартире. Немного мелатонина при резкой смене часовых поясов – и все в порядке. На совершенствование сна ушли годы тонкой настройки организма, но это имело решающее значение для игры.

Только что началась серия «Скандала». Чарли залезла под одеяло с чашкой и журналом «Ю-эс уикли». Лучше смотреть, как Оливия с Фитцем целую неделю повторяют: «Я люблю тебя, но не могу быть с тобой», чем еще хоть одну минуту думать о теннисе. В ушах до сих пор звенели критические слова Тодда, сказанные после первого матча: «Кончай осторожничать! Ты большая девочка, тащи свой зад к сетке и бей по гребаному мячу! Пока не вложишь реальных усилий в отработку хорошей второй подачи, ничего не добьешься!» Но она заставляла себя сосредоточиться на экране – наряды Оливии, харизма Фитца, – а во время рекламы разглядывала в журнале фотографии последних приключений Анджелины и Брэда. И вдруг в соседней комнате включили музыку.

Чарли быстро набрала номер ресепшена.

– Алло? Добрый вечер. Я знаю, что еще нет девяти, но разве я не на этаже, где живут только спортсмены?

– Да, мисс Сильвер. Так и есть. – Мужчина на телефоне отвечал любезно, но он явно устал иметь дело с теннисистами.

– В соседнем номере, который ближе к лифту, включили музыку. Очень громко. Такие, знаете, тяжелые басы. Можете позвонить и попросить сделать потише? А еще лучше – выключить.

– Конечно, мисс Сильвер. Я напомню обитателю комнаты о правиле двадцатичасовой тишины на этаже теннисистов.

– Спасибо.

Чарли положила трубку и прислушалась. Стены были довольно тонкие, и она услышала, как звук приглушили всего на минуту, чтобы ответить на телефонный звонок, а уже через секунду включили даже громче, чем раньше. Да еще и Энрике Иглесиас!

Отбросив одеяло, Чарли вышла в коридор и решительно постучала в соседнюю дверь. Наверняка там окажется какой-нибудь подросток, который прошел в турнир по вайлдкарте^[1] и понятия не имеет о заведенных порядках. Она уже открыла рот для грозного монолога, когда дверь распахнулась. Перед ней стоял Марко.

– Шарлотта Сильвер! – пропел он со своим жутко сексуальным акцентом. – Смотрите, кто пришел в гости!

На нем не было ничего, кроме трусов и кожаного браслета с металлической застежкой. Из комнаты доносился непонятный запах. Травка? Свечи? Благовония? Танцевальная музыка гремела в динамиках айпода на тумбочке. Великолепное тело Марко блестело от пота.

Она почувствовала, что краснеет.

– Марко? Привет. Прости, что... помешала. Я не знала, что это ты. То есть я не знала, что ты в этом номере, и я никогда, никогда не постучала бы, если бы знала, что ты...

Не каждый день врываешься в номер к человеку, с которым у тебя раньше был секс, в тот момент, когда он занимается сексом с кем-то другим. Каковы в подобном случае правила этикета? Вряд ли этикет диктовал, что она должна стоять тут как вкопанная и жаловаться на шум.

Марко запрокинул голову и рассмеялся. Чарли заметила, как напряглись мускулы его пресса.

– Чарли, Чарли... Заходи, – сказал он, кивая в сторону комнаты.

Секс втроем? Она старалась легко относиться к сексу с Марко (в голове всегда звучал голос Пайпер, ее лучшей подруги: «Будь проще! Живешь только раз. Двадцать первый век на дворе, никто не заморачивается!»), но секс втроем – это слишком.

– Извини, мне надо спать. Просто хотела попросить сделать музыку потише, но не беспокойся, у меня есть беруши.

Чарли повернулась к своей двери и сразу поняла две вещи: во-первых, она забыла взять ключ, во-вторых, на ней нет нижнего белья, а ночная рубашка едва прикрывает попу.

– Ну, теперь зайти придется, – с улыбкой сказал Марко. – Можешь позвонить на ресепшен от меня.

Оказалось, что Марко не прятал в своей комнате моделей, а лишь

делал под музыку отжимания.

– Ну и потанцевал немного, признаю, – сказал он с самой обаятельной и хитрой улыбкой, какую Чарли когда-либо видела.

Пока ждали посыльного с ключом, Марко угостил ее водой из минибара и жестом предложил сесть на кровать, но она не могла этого сделать, не открыв его взору свою наготу. Поэтому оба стояли, болтая о расписании тренировок на корте и прочей ерунде. Когда раздался стук в дверь, Марко пожелал ей спокойной ночи, и она слегка обиделась, что он не попытался ее соблазнить. Ведь они неплохо провели время в Лондоне незадолго до Уимблдона, правда? Конечно, это было полгода назад, однако потом, пока она восстанавливалась после травмы, он регулярно писал ей сообщения. Наверное, нашел другую, подумала Чарли, изо всех сил пытаюсь убедить себя, что ей все равно. Она современная женщина и может спокойно провести с мужчиной ночь, не ставя свою самооценку в зависимость от того, перезвонит он потом или нет.

И все же, придя к себе, Чарли на всякий случай надела кружевные стринги и, в надежде, что Марко не заметит, привела себя в порядок: прополоскала рот мятной жидкостью, нанесла ароматизированный блеск для губ и душистый увлажняющий крем, слегка пригладила щеткой волосы и чуть-чуть прошла по линии бикини с пинцетом – не так просто обеспечить безупречный уход этой области, когда больше сорока пяти недель в году проводишь в дороге. Вернувшись под одеяло и сделав вид, что смотрит сериал, Чарли почувствовала себя жалкой и отвергнутой. Тут раздался стук в дверь, соединяющую их комнаты. Конечно, она открыла.

Хотя она не выспалась и знала, что в конечном итоге будет изнемогать от усталости, сейчас она чувствовала себя потрясающе.

Чарли быстро поела и выпила безвкусный кофе. С ресепшена сообщили, что прибыл автомобиль, который отвезет ее в Мельбурн-Парк. Она быстро натянула шорты из спандекса, спортивный бюстгальтер и футболку, сунула ноги в резиновые шлепанцы. Сумка, разумеется, была собрана с вечера, там находилось все, что понадобится в течение дня.

Чарли расположилась на заднем сиденье «Лексуса» и вытянула ноги. Да, секс был хорош. Ну ладно, великолепен. Секс с Марко всегда хорош, в том-то и беда. Они знали друг друга уже много лет, познакомились еще юниорами, когда обоим было по шестнадцать, но переспали впервые только в начале этого года, когда Чарли проиграла в одной восьмой финала Индиан-Уэллса, а Марко выбыл в полуфинале. Так совпало, что у обоих выдался свободный вечер, и они поселились, совершенно отдельно, в отеле «Паркер Меридиан» в Палм-Спрингс – чтобы немного отдохнуть до

следующего турнира. Чарли читала журнал в спа-салоне, ожидая массажа, и услышала, как кто-то окликнул ее по имени. Неохотно, с раздражением, она подняла взгляд. Вот уж совсем ни к чему, чтобы ее узнал какой-нибудь теннисный фанат, желающий обсудить ее менее чем звездное выступление. Или, еще хуже, – кто-нибудь из знакомых, с которым придется вести беседу и расспрашивать о жизни, а потом, не дай бог, еще и обедать вместе, болтая о пустяках. Поэтому она потеряла дар речи, когда подняла голову и увидела в кресле у противоположной стены Марко Вальехо, одетого в халат, который был ему настолько мал, что едва сходились края.

– Привет, красавица, – сказал он с улыбкой, буквально растопившей ее сердце.

Чарли каким-то образом удалось остаться внешне невозмутимой. Да, они знакомы целую вечность, но никогда не общались один на один. И, уж конечно, не в полуголом виде.

– Привет, – произнесла она, молясь, чтобы голос не выдал ее смятения. – Ты на горячие камни или ароматерапию?

После массажа они отправились в ресторан. За ужином было много флирта и веселья, а затем, по предложению Марко, они взяли бутылку шампанского и перешли к пустынному открытому бассейну. Прошло три месяца, а может, и больше, с тех пор, как Чарли в последний раз выпила хотя бы бокал, но она не колебалась, когда Марко ей наливал. Затем второй и третий бокал – и не успела она опомниться, как они оказались обнаженными в глубокой части бассейна, вися у бортика и глядя в ночное небо. Она словно попала в чужое тело – беззаботная девушка из романа или кино, которая смеялась, подмигивала и уверенно поводила плечами. Голову кружило шампанское – она так редко его пила, – и свечение звезд, и ощущение свободы, и то, как обволакивала теплая вода, когда она ложилась на поверхность, и как ее соски твердели в холодном воздухе. Казалось, каждый нейрон работал в усиленном режиме.

Они плавали, пока оба не начали дрожать, после чего прыгнули в горячее джакузи, где допивали шампанское, передавая друг другу бутылку. Они не подумали заранее взять полотенца, поэтому, схватив одежду, нагишом бежали до бунгало Марко, хихикая, как подростки. Не то чтобы в подростковом возрасте кто-то из них имел возможность делать что-нибудь такое же безумное и беспечное. Чарли взяла себе халат из ванной. К тому времени, как она вернулась, Марко зажег две свечи у кровати и обернул вокруг бедер какой-то саронг. Он направил пульт дистанционного управления на газовый камин, и поддельные поленья охватил ревущий огонь.

– Так, что у нас тут есть? – сказал Марко, открывая мини-бар.

На свет явились две мини-бутылки «Абсолюта» и банка тоника.

– Ты серьезно? – наигранно удивилась Чарли. – Тоник? Ты знаешь, сколько в нем сахара?

Оба смеялись до тех пор, пока Марко не смешал коктейли.

Такое бездумное употребление алкоголя было немыслимым: до этой ночи ни один из них не выпивал больше одной порции раз в несколько месяцев.

Марко сел на пол перед камином и жестом пригласил Чарли присоединиться.

– Жаль, это не медвежья шкура, – вздохнула Чарли, поглаживая ковровое покрытие.

Марко мягко, но уверенно толкнул ее, укладывая на спину, лег сверху и прижался грудью к ее груди.

– Забудь...

В двадцать четыре года у Чарли еще не было секса на одну ночь. На юниорских турнирах она целовалась с другими теннисистами, однако девственности лишилась только на первом курсе в Лос-Анджелесе, с Брайаном. С тех пор она ходила пару раз на свидания, но ничего серьезного не возникало, – возможно, потому, что она никогда не задерживалась в одном городе больше чем на несколько ночей. Или, по крайней мере, так она себе говорила. Если честно, Чарли удивлялась, почему мужчины, начав рьяно за ней ухаживать, сразу исчезали, получив реальное представление о негламурной стороне ее жизни. Или плотный график поездок служил лишь оправданием того, что за шесть лет у нее не было ни одного настоящего парня? Да и удастся ли вообще встретить когда-нибудь человека, которого будет интересовать она сама, а не то, как она выглядит без теннисной юбки и как она выступила на предыдущем турнире? А больше всего она хотела бы знать, возможно ли иметь нормальные отношения, пока теннис для нее стоит на первом месте.

Однако той ночью Чарли не думала ни о чем. Той ночью она была весела, свободна и занималась любовью с самым знаменитым теннисистом в мире. Или, по крайней мере, с самым красивым. Они катались по полу, обхватив друг друга руками, целуясь, смеясь и снова целуясь. Когда Марко жестом фокусника достал откуда-то презерватив и приподнял бровь, Чарли, не раздумывая, кивнула.

– Мисс Сильвер? – Голос водителя прервал ее сладкие грезы.

– М-м?

– Мы приехали. Вас устроит вход, ближайший к раздевалке?

– Да, отлично, спасибо.

Показав удостоверение на шнурке по крайней мере полдюжине охранников, Чарли попыталась сосредоточить внимание на предстоящей тренировке. Первый матч прошел легче, чем она ожидала, – легче, чем имела право ожидать, – но было бы глупо надеяться, что ей снова так повезет. В эти дни любая теннисистка способна выиграть у любой другой, даже та, у кого ниже рейтинг, или несеянная. А для Чарли турнирная сетка стала сложнее, когда после происшествия на Уимблдоне она резко опустилась в таблице. Травма выбила ее из всего летнего сезона на харде и осеннего сезона в Азии; отсюда и тридцать шестая позиция в таблице. Она так близко подошла к возможности оказаться в восьмерке сеянных на турнире Большого шлема, а потом бац! Все насмарку из-за дурацкой обуви.

– Простите, не могли бы вы поставить автограф на моей кепке?

Чарли подняла голову и увидела девочку лет двенадцати или тринадцати, стоящую у двери женской раздевалки. На груди у нее висело удостоверение на шнурке, где написано: «Гость спортсмена», и Чарли сразу поняла, что это дочь какого-нибудь тренера. Ни у кого из мужчин-теннисистов не могло быть ребенка такого возраста, а из теннисисток почти ни у кого не было детей. Девочка говорила с легким акцентом (Австралия? Южная Африка?) и выглядела взволнованной.

– Ты мне? – спросила Чарли и даже огляделась по сторонам. Дети иногда просили у нее автограф после матча, но это были, как правило, ярые фанаты тенниса, которые собирали подписи у всех игроков подряд, не важно, кто они и как сыграли.

– Вы ведь Шарлотта Сильвер?

Чарли кивнула.

– Мне очень нравится ваша косичка! – воскликнула девочка и тут же смутилась. – Я вас видела вчера по телевизору. Вы так зажигали!

По настоянию Тодда, Чарли согласилась выступить на MTV, чтобы «поднять свою популярность среди подростков». Стилист одел ее в кожаные брюки, шелковый топ с глубоким вырезом и тысячедолларовые сандалии от «Валентино». Она танцевала, пела под фонограмму, смеялась вместе с юными ведущими и, да, могла признать без ложной скромности, «зажигала». Вечер получился приятный; а потом она с радостью переоделась в обычное теннисное платье и заплела волосы в косичку с розовой лентой.

– Вы здорово выступили. Вот. – Девочка вручила ей нестираемый маркер и светло-голубую кепку, на которой стразами было выложено: «Australian Open».

Чарли написала на боку кепки свое имя.

– Держи, дорогая.

Девочка просияла.

– Спасибо огромное! Мой папа тренирует Раджа Гупту, но он далеко не так крут, как вы.

Чарли рассмеялась.

– Ну что тут скажешь? Девушки вообще лучше. – Она подняла руку и подставила ладонь. – Дай пять.

Девочка хлопнула по ее ладони.

Когда она вышла из раздевалки, Тодд уже ждал.

– Веселишься? – неодобрительно спросил он, хватая сумку. Всякий раз, когда они шли куда-нибудь вместе, Тодд забирал ее сумку. Вряд ли из рыцарства, скорее из опасения, что Чарли что-нибудь потянет.

– Одна милая девочка узнала меня и попросила подписать кепку.

– Привыкай, – сказал Тодд, быстро шагая по коридору под стадионом, ведущему на тренировочный корт. – С новым имиджем ты скоро станешь Бейонсе женского тенниса.

Как будто в подтверждение этой декларации, несколько мальчиков-подростков, мимо которых они проходили, вдруг замолчали и уставились на Чарли.

– Видела? – Тодд не удержался от довольной ухмылки. – И все же... ты только поэтому светишься, как медный чайник?

Чарли ощутила укол тревоги. Неужели пронюхал про Марко? Но они никогда не флиртовали на людях. И не общались на вечеринках для теннисистов, только вежливо кивали друг другу в комнате отдыха или в столовой для игроков. Чарли рассказывала о нем лишь Пайпер, а та была далека от профессиональных теннисных кругов. Подруга благополучно обосновалась в сказочном бунгало возле пляжа Венис-Бич со своим бойфрендом-врачом, и ее фирма по дизайну интерьера начинала обретать популярность. Пайпер с восторгом выслушала все пикантные подробности, но точно не стала бы никому их передавать.

После той случайной ночи в Палм-Спрингс Чарли и Марко больше не устраивали подобных загулов. Оба вели себя осторожно и хранили свои редкие свидания в тайне: ни один из них не хотел привлекать внимания прессы или, того хуже, коллег-теннисистов. К тому же, их нельзя было назвать парой. Они встречались изредка, от случая к случаю.

Тодд придержал дверь, и Чарли прошла к местам возле кресла линейного судьи. Она скинула шлепанцы, натянула носки и начала методично зашнуровывать кроссовки.

– Какая еще может быть причина? – спросила она, стараясь говорить равнодушно.

– Ну, не знаю. Может быть, горячая встреча с известным испанцем?

От удивления Чарли забыла изображать равнодушие.

– Откуда ты знаешь?

– Ну и ну. Выходит, что-то все-таки случилось. Я надеялся...

Его самодовольная улыбка действовала ей на нервы.

– Надеялся? Что это значит?

Чарли хотелось отрезать: «Моя личная жизнь – не твоего ума дело», но она все еще не чувствовала себя с ним достаточно свободно, чтобы высказываться напрямик.

– Начинай растяжку, – велел Тодд, взглянув на часы. – Дэн придет через десять минут, я хочу, чтобы ты была готова.

Чарли прошла на корт и приступила к обычному комплексу упражнений на растяжку бедер, голеностопа и икроножных.

– И все же на что ты надеялся?

Он рассмеялся.

– Не могу представить себе лучшей пары, чем ты и Марко. Блестящие черные волосы, голубые глаза, длинные загорелые ноги... Он чертов король мужского тенниса, и ты можешь стать его королевой. Как Штеффи и Андре, только красивее. Теннисная королевская пара. Представь, как вы будете смотреться на журнальных обложках.

– Разве не ты запретил мне встречаться с мужчинами? Кто говорил, что если я хочу серьезно играть, я не должна заводить отношений?

Чарли едва не рассмеялась, когда Тодд упомянул об этом во время их переговоров: она была даже польщена, что он подумал о возможности каких-то отношений. Очевидно, он не понимал, каков был ее образ жизни последние пять лет.

Она села на пол и легла в «складку» – грудью на бедра. Тодд надавил ей на поясницу и прижал обе ее ладони к полу.

– Кто говорит об отношениях? Я говорю о том, чтобы встречаться. Или назови, как хочешь. Вместе посетить мероприятие, вместе пройтись по красной дорожке. Красочные статьи о том, как идеально вы друг другу подходите.

– Романтично, – сухо обронила Чарли, хотя описание даже фальшивых отношений звучало для нее довольно привлекательно.

– Вы оба слишком много разъезжаете, чтобы поддерживать что-нибудь реальное. Ты сама понимаешь. И я понимаю. И Марко наверняка понимает. Но вы можете улыбаться для камер, держась за руки, и демонстрировать

спортивные фигуры, а что вы будете делать за закрытыми дверями – решайте сами. Лишь бы тренировки не страдали. И никакого секса в ночь перед матчем, ясно?

– Ты хочешь, чтобы я встречалась с Марко, потому что это хорошо для моего имиджа? – недоверчиво переспросила Чарли.

– Я хочу, чтобы ты встречалась с Марко, потому что это отлично для твоего имиджа, – поправил Тодд. – Где этот парень? Уже на две минуты опаздывает!

– Почему именно Марко? Он не единственный симпатичный теннисист из первой десятки.

Тодд жестом велел ей приступить к растяжке верхней части тела.

– Согласен. Зато, безусловно, один из самых известных. И, скажем так, у меня было предчувствие, что вы с ним... как бы выразиться... поладите.

– В каком смысле?

– В том самом. И я оказался прав. Всего-то и надо было попросить в гостинице смежные номера; вы двое, похоже, взяли на себя остальное. Конечно, это не мое дело, однако должен заметить, что сегодня утром ты прямо цветешь.

– Как ты посмел? – возмутилась Чарли.

– Вот так и посмел... Дэн, опаздываешь!

– Простите, – сказал Дэн, взглянув на часы. – Всего на минуту.

Тодд одарил его негодующим взглядом, но, к счастью, избавил от сентенций в духе «Не придешь рано – опоздаешь». Они заняли свои позиции: Дэн и Чарли на противоположных задних линиях, Тодд на краю корта возле сетки.

– Поменяйтесь сторонами! – рявкнул Тодд, едва они начали отбивать мячи о корт.

Чарли вздохнула и перебежала на солнечную сторону. Тодд настаивал, чтобы она всегда тренировалась при худших условиях – солнце, ветер, резкие тени, ведь на матче у нее не будет возможности выбирать.

Чтобы ее разогреть, Дэн подал несколько легких ударов под правую и под левую руку, а уже через пять минут стал бить сильнее и быстрее. Ее всегда поражало, что парень, который на два сантиметра ниже, способен бить по мячу гораздо сильнее, чем она. Чарли до сих пор не привыкла к постоянным тренировкам с личным спарринг-партнером. Марси, как бывшая профессионалка, выступала на тренировке и в качестве тренера, и в качестве спарринг-партнера, и, хотя ей было около сорока, она еще могла заставить Чарли побегать. Двадцатитрехлетний Дэн недавно окончил университет Дьюка. Чарли наняла его по настоянию Тодда и уже замечала

улучшения в своей игре.

Большую часть тренировки они работали над знаменитым бэкхендом Чарли. Тодд считал, что после травмы она боится задействовать левую руку – и был прав. Однажды он накричал на нее, когда она одной рукой отбила резаный: «Ленишься! Твое запястье полностью восстановилось. Если есть проблемы, о которых я не знаю, скажи мне! Если нет, выкладывайся на полную». Так продолжалось три часа: Чарли бегала по задней линии и от задней линии к сетке, делала выпады к мячу, выпрыгивала вверх, подавая подачу; Дэн, словно стенка, возвращал каждый удар. Тодд кричал, пока не охрип и со лба не полился пот: «Это все, на что ты способна? Если так, ты просто безнадежна!»

В долгожданный перерыв Дэн, наливая воду в ее бутылку, сказал:

– Он очень суров с тобой.

Чарли покосилась на Тодда, который перешел на другую сторону корта, чтобы ответить на телефонный звонок.

– И хорошо. Мне это нужно.

Дэн хмыкнул.

– Что? Ты не согласен? Раньше у меня был самый вежливый тренер на свете, и где я теперь? Тодд, может, и не плюшевый мишка, зато дело свое знает.

– Да. Насколько мне известно, у него больше учеников с титулами Большого шлема, чем у любого другого тренера.

Дэн сделал несколько глотков воды, хотя по его виду нельзя было сказать, что ему это так уж нужно – он почти не вспотел.

– Конечно. Он вывел из небытия Адриана Эверсола, и тот выиграл три Шлема за один год. Я – первая женщина, которую Тодд согласился тренировать, – с гордостью добавила Чарли.

– Круто, – рассеянно кивнул Дэн.

Телефон Чарли загудел: пришло сообщение.

Сколько там у тебя времени? Позвони. У меня новости!

Не могу позвонить. Скажи сейчас.

Чарли улыбнулась. Пайпер постоянно влипала в какие-нибудь истории; Чарли мало что доставляло столько удовольствия, как опосредованное участие в рискованной жизни подруги. Они редко виделись, зато всегда общались так, словно разошлись накануне.

Ни за что, развратница. Позвони мне.

Кого это ты назвала р.? Подумаешь, я вчера переспала с М. после того, как мы случайно столкнулись в коридоре...

Класс! Я, наконец, на тебя повлияла?

А кто бы выгнал его из постели???

И то верно. Позвони, когда сможешь.

– Чарли! – рявкнул Тодд. – Делай растяжку! Ждем тебя в машине в двадцать минут двенадцатого. Дэн, идем.

Дэн бросил стакан в мусорное ведро и побежал за Тоддом.

Чарли взглянула на часы – хватит ли времени позвонить Пайпер? – но решила подождать до гостиницы. Она вытерла полотенцем пот со лба и шеи, сделала несколько растягивающих упражнений. Становилось жарче, и Чарли сбрызнула солнцезащитным кремом открытые участки кожи. Ранние морщины на лице неизбежны – одиннадцать месяцев из двенадцати график теннисного турне буквально гонится за солнцем по всему земному шару. Чарли где-то читала, что семьдесят процентов профессиональных спортсменов, которые тренировались и играли на открытом воздухе, к пятидесяти годам получали рак кожи. Марси всегда настаивала на солнцезащитных кремах, кепках и свободной тренировочной одежде из ткани с защитой от ультрафиолета, но теперь, с Тоддом, Чарли меньше обращала на это внимание.

Ей вдруг захотелось сфотографировать свой гигантский флакон крема «Ла Рош-Позе» и отправить снимок Марси с каким-нибудь смешным комментарием. Когда телефон зазвонил снова, она на мгновение подумала, что Марси прочла ее мысли и решила с ней поболтать, но, даже не глядя на экран, Чарли знала: никто не станет дружески болтать с тем, кто его уволил.

– Алло?

Она задержала дыхание, ожидая ответа. Из всех трудностей, возникающих при постоянных переездах с места на место – задержки рейсов, нарушение биоритма, безликие гостиничные номера, невозможность поддержания личных отношений, – одним из самых раздражающих факторов было отсутствие определителя номера. За пределами родной страны определитель номера не работал, поэтому каждый звонок мог стать как приятным, так и неприятным сюрпризом.

– Чарли? Это я. – Голос Джейка звучал так, словно ее брат находился отсюда не за пять, а за миллион миль.

– Привет, я иду в душ. Как дела?

– Просто хотел уточнить – все в силе? Ужинаем вечером все вместе? Дэн придет? Мне надо подтвердить заказ, поэтому я должен знать, сколько нас будет. Кстати, папа хочет сегодня отпраздновать твой день рождения.

– Хм... думаю, будем только мы – ты, я, папа и Тодд. Дэн ясно дал понять, что когда он не работает, у него свои дела. Или, может, ты хочешь пригласить кого-то еще? Раз уж мы празднуем день рождения...

Чарли перекинула чистое полотенце через шею и направилась к выходу с корта. Навстречу ей шла Наталья Иванова, красивая русская, в данный момент занимавшая первое место в мировом теннисном рейтинге. Когда Наталья проходила мимо, ее сумка с ракетками больно ударила Чарли по бедру.

– Извини, – вежливо сказала Чарли.

– Что? Ты мне? – спросил Джейк.

– Нет, не тебе. Столкнулась кое с кем на выходе с корта. Ничего страшного.

Наталья фыркнула.

– Да, ты давай заботься о своих манерах, а я позабочусь о своей победе, – насмешливо сказала она.

Чарли не успела придумать ответ. Наталья отвернулась и последовала за своим тренером и спарринг-партнером, болтая с ними на гламурной смеси французского, русского и английского языков.

– Терпеть ее не могу! – прошипела Чарли в трубку, растирая красные царапины на бедре. – Почему она такая стерва? Я стараюсь быть вежливой, а она всегда так зло со мной говорит.

– Ты о Наталье, я угадал? Хорошо. Преврати свой гнев в желание победить. Хотел бы я увидеть вас двоих в финале. Да и весь мир хотел бы. И, конечно, твои спонсоры.

Чарли так сильно сжала кулаки, что ногти вонзились в ладони. Финал Большого шлема. Против Натальи. За такую возможность она отдала бы все, что угодно. Все долгие годы тренировок на корте и в тренажерном зале, годы пота и жертв – все это будет оправдано, если она получит шанс победить Наталью на глазах у всего мира.

Чарли до сих пор в подробностях помнила их первую встречу. Она выступала в нескольких соревнованиях в западной части США. Ее отец тогда еще не нанял Марси и сам сопровождал Чарли в поездках за пределами родного региона. Наталья в течение многих лет тренировалась в

одной из спортивных академий Флориды, но ее мать (и по совместительству ее менеджер) была не в восторге от тамошнего уровня подготовки, поэтому она перевела Наталью в маленькую престижную академию возле Сакраменто. Впервые Чарли и Наталья играли друг против друга в турнире «до четырнадцати лет», где обе дошли до полуфинала, и Чарли была поражена, увидев, что Наталья откровенно жульничает на ударах по линии. На большинстве юниорских турниров не присутствовали линейные судьи или судьи на вышке, однако юным теннисисткам постоянно внушали понятия о спортивной чести и этике. Наталья тогда выиграла, и следующие два года она побеждала в каждом матче против Чарли. Наконец, при поддержке Марси, на турнире «до шестнадцати лет», который проводился в Боулдере, штат Колорадо, Чарли подала официальную жалобу, и на корте присутствовал наблюдатель. В тот день Чарли ее впервые обыграла, и она до сих пор помнит, с какой ненавистью смотрела Наталья, когда Чарли подняла в воздух турнирный трофей.

Так возникло их непримиримое соперничество – по крайней мере, со стороны Натальи. Сама Чарли не любила конфликты и всегда старалась сглаживать острые углы. Мать внушала ей, что в любой ситуации нужно вести себя достойно, поэтому Чарли держалась от Натальи подальше. К сожалению, Наталья не облегчала ей задачу: при случае говорила Чарли колкости, пыталась увести у нее Марси и кокетничала с каждым парнем, к которому Чарли проявляла хоть малейший интерес. Не только Чарли была ее мишенью – Наталья была злой и мстительной со всеми в турне. Особенно безжалостна она была с привлекательными ровесницами, тем более, если их показатели угрожали ее первому месту в рейтинге.

– Чарли? – окликнул Джейк.

– Ах, да, прости. Мне надо бежать. У меня обед с Тоддом – он хочет поговорить о стратегии, – а потом тренажерный зал с часу до трех. И я еще надеюсь успеть на массаж, прежде чем ехать обратно в отель. Ужинаем в шесть?

– Заметано. Я скажу папе. Он сейчас гуляет по центру Мельбурна, практикует свой акцент Крокодила Данди на ни в чем не повинных владельцах магазинов.

Чарли засмеялась. Наталья бросила на нее гневный взгляд.

– Тихо на корте! – крикнула она.

– Не надо так волноваться, – проговорила Чарли себе под нос. – Я уже ухожу.

Глава 6

Нет больше милой девочки

*Мельбурн.
Январь 2016*

Парень в узком европейском костюме налетел на Чарли, едва она вошла в ресторан.

– Шарлотта! Как я рад вас видеть!

Чарли рылась в памяти, соображая, кто он такой. Муж какой-нибудь теннисистки? Вряд ли: смахивает на гея... хотя в наши дни их не разберешь. Коллега Джейка из «Элит атлет менеджмент»? Приятель Тодда? Человек, с которым она общалась десятков раз и который может обидеться, если она не вспомнит его имя?

– Привет! Я тоже очень рада! – воскликнула она, пожалуй, чересчур восторженно. Только бы не пришлось его кому-нибудь представлять.

– Отличный первый матч! – с не меньшим восторгом откликнулся парень.

– Спасибо, мне определенно повезло. Скрестим пальцы, чтобы завтра все прошло не хуже.

– Да, вы ведь играете завтра днем! Обслужим вас наилучшим образом.

Так, по-видимому, он работает в этом ресторане.

Помощница Тодда зарезервировала столик в «Ботаникал» еще месяц назад. В какой бы город они ни приезжали, Тодд выбирал для ужина самый модный ресторан.

«Это твой имидж!» – неизменно отвечал он, когда Чарли спрашивала, почему нельзя пойти в менее пафосное заведение.

– Ваш отец и брат уже за столиком. Тодд еще не приехал, но он позвонил и сказал, что уже в пути.

Не пришел рано – опоздал, невольно подумала Чарли.

– Вы знакомы с Тоддом?

– Дорогая моя, этот человек приводил сюда каждого своего ученика с тех пор, как мы открылись. Всех лучших теннисистов. Сюда приходят, чтобы отпраздновать победу, и сюда же приходят, чтобы ронять слезы в минералку, когда проигрывают.

– Надо же. Не знала.

Чарли последовала за все еще безымянным метрдотелем по обеденному залу. За большим столом в углу сидела большая компания словацких теннисистов, теннисисток и их тренеров. Чарли старательно отвернулась.

Увидев ее, мистер Сильвер поднялся из-за стола.

– С днем рождения, дорогая, – сказал он, обнимая дочь.

От него всегда пахло одним и тем же лосьоном. А еще теннисом – сочетанием аромата новых теннисных мячей, солнечного света и запаха синтетического покрытия корта, которым каждый, кто проводит свою жизнь на кортах или вблизи них, пропитывается насквозь.

– Спасибо, – пробормотала Чарли. – Но ведь мой день рождения только на следующей неделе.

– Лучше отметить сегодня, пока мы здесь все вместе. Это двойной праздник, ведь позади – первый большой матч.

– Двадцать пять лет. Я уже старая, да?

Чарли села на стул, который отец для нее выдвинул, и подняла взгляд как раз вовремя, чтобы заметить, как Джейк пожимает руку метрдотелю и кладет в его карман маленький листок бумаги.

Когда мэтр, пожелав им приятного вечера, удалился, Чарли повернулась к Джейку:

– Ты дал ему свой номер?

– Не суй нос не в свое дело, – огрызнулся Джейк.

Подошедший официант налил в их бокалы воду из графина. Джейк выпил залпом и попросил еще.

– Разве у вас нет более современного способа? Какие-нибудь лучи, которые посылают с телефона на телефон? Специальное приложение для айфона, где он мог бы заценить твои грудные мышцы, прежде чем согласиться на свидание? – Чарли ткнула брата.

– Ты очаровательна.

– Я просто слышала, что геи, как правило, используют для знакомства самые передовые технологии.

– Ладно, ладно, давайте все успокоимся, – попросил мистер Сильвер.

Отец совсем не был удивлен, когда Джейк на первом курсе колледжа ему открылся. И все же он внезапно замолкал и неловко ерзал при любом открытом обсуждении сексуальной ориентации сына. Что, естественно, бесконечно забавляло Джейка и Чарли.

– Привет, семья Сильвер, – пробасил Тодд.

Дизайнерские джинсы и пиджак не могли скрыть грушевидную фигуру. Иссущенное солнцем лицо и постоянно слезящиеся глаза

прибавляли к сорока четырем годам Тодда верных десять лет. Он часто моргал и облизывал губы, чем только усиливал сходство с рептилией.

Прежде Чарли считала его внешность неприятной, но теперь, когда он стал ее тренером, она увидела в ней нечто успокаивающее. Когда постоянно находишься среди неестественно привлекательных людей, хорошо иметь рядом кого-то, кто не ослепляет великолепием. Кого-то, кто не заигрывает с тобой, будто случайно задевая рукой твою задницу, обходится без сальных шуток и не пожирает глазами других женщин. Да, он организовал для нее гостиничный номер, смежный с Марко, в надежде, что они переспят, но по сравнению с большинством мужчин-тренеров Тодд был просто мечтой.

Отец и Джейк встали, чтобы позвать Тодду руку.

– Здравствуй, мистер Фелтнер, – официально проговорил мистер Сильвер. Отец, не любящий напыщенности, рядом с Тоддом терялся.

– Зовите меня Тодд!.. Питер, Джейк, Шарлотта, рад всех вас видеть. – Тодд сел и тут же жестом подозвал официанта. – Джентльмены, позвольте предложить вам текилу. Здесь шикарный выбор.

Чарли старалась не улыбаться, видя, как отец и брат молча кивнули. Отец обычно пил пиво, а Джейк предпочитал водку, но возражать никто не стал.

– Отлично. Нам по шесть рюмок, пожалуйста, – сообщил Тодд официантке. Отец побледнел, Джейк опустил глаза. – И газированную воду с лимоном для дамы.

С лаймом, подумала Чарли, но тоже промолчала.

Последовала пауза. Потом Джейк, словно очнувшись, сказал:

– Ну, к делу, ребята. В команде Сильвер происходят захватывающие события, так что давайте их обсудим. Тодд, почему бы тебе не начать?

Чарли была довольна, что Джейк взял на себя ведение разговора. Пару лет назад, когда она официально назначила его своим менеджером, пошли толки. Мол, «мамаджеры» годятся для юных звезд кино, а не для профессиональных спортсменов. Десятки агентов обоего пола – знающих, опытных людей – буквально дрались за работу с Чарли, и когда она выбрала двадцатилетнего Джейка, все дружно бросились закатывать глаза и обвинять ее в непрофессионализме. Джейк не сразу всему научился и успел наделать ошибок, но оно того стоило: в команде Чарли появился человек, которому она могла полностью доверять. И теперь, когда у руля стоял Тодд, это казалось особенно важным.

Официантка вернулась с текилой и приняла у них заказ.

Все сделали по глотку. Тодд опрокинул целую рюмку, откашлялся и

заговорил:

– Ну, какие у нас новости... Главная из них: я только что получил официальный отчет по медосмотру Шарлотты. Доктор Коэн подтверждает, что правая нога и левое запястье полностью зажили. На рентгене все идеально.

Джейк и ее отец похлопали. Чарли, не вставая, изобразила книксен.

– Дино, физиотерапевт, которого я настоятельно рекомендовал, – крупный специалист. Если он сумел помочь Федереру восстановиться после той травмы плеча, он сможет помочь нашей Чарли с чем угодно. Хорошо бы он ездил с нами на все Шлемы и обязательные турниры Премьер-серии. Конечно, удовольствие не из дешевых. – Тодд широко развел руки в стороны. – Но решать вам.

– Физиотерапевты, которых предоставляют на турнирах, обычно очень хорошие, – сказала Чарли. – Ты и сам так говорил во время нашей первой встречи в Лос-Анджелесе.

Тодд собрал великолепную команду, однако обходилась она очень дорого. Деньги, конечно, все время поступали – и от выигрышей, и по спонсорским контрактам, – но доходы пока не покрывали расходов. Помимо самого Тодда, Дэна и Джейка, Чарли теперь платила зарплату трем штатным сотрудникам, а также оплачивала их гостиничные номера, питание и билеты.

– Как заплатишь, так и получишь, – сказал Тодд, откидываясь на спинку кресла с таким видом, будто глупость сидящих за столом его утомила.

– Вернемся к обсуждению этого вопроса позже, а пока, если Чарли устраивает помощь турнирного физиотерапевта, наверное, лучше привлекать Дино по мере необходимости, – заявил Джейк. – Что еще нового?

– Ну, как вам всем известно, я разработал для Чарли совершенно новый подход к тренировкам. В значительной степени благодаря основам, которые вы, Питер, заложили, база у нее хорошая. Отличные удары с отскока, уверенная игра на задней линии, твердая подача, а ее игра у сетки – одна из самых сильных среди девочек.

Слово «девочек» Чарли покорило, но она опять промолчала.

– Шарлотта, на мой взгляд, должна сфокусировать всю свою энергию и внимание на моральной составляющей. Без психической жесткости ей победителем не стать. Надо забыть о милой малютке Чарли с очаровательной улыбкой и вечными извинениями. «Ой, простите, ударила слишком далеко от вас. Простите, что встала у вас на пути. Простите, но

была моя очередь тренироваться на корте», – высоким голосом передразнил он. – Хватит этого дерьма! Отныне мы будем работать над ее, так сказать, ментальным преобразованием. Я хочу сделать Чарли агрессивной. Пробивной. Устрашающей. Думаете, мужчины просят у соперников прощения и обнимаются? Нет! И девчонки не должны.

Тодд взял еще одну рюмку, понюхал ее и закинул в рот. Все сидящие за столом смотрели, как он облизывал губы.

Мистер Сильвер покосился на Чарли, но она отвела взгляд. Тодд совершенно прав.

– Я понимаю, – сказала Чарли. – Пожалуй, мне и правда не помешало бы стать более агрессивной.

– Пожалуй?.. Совершенно точно! Все, нет больше милой девочки с розовой лентой и сияющей улыбкой. Это серьезный бизнес с серьезными ставками, и пора вести себя соответственно.

Отец Чарли откашлялся.

– Я уважаю ваше мнение, Тодд, и в определенной степени с вами согласен. Но разумно ли тратить столько сил и энергии на попытки изменить личность Чарли? Может, я старомоден, однако я все еще вижу некоторую ценность в достойном спортивном поведении, особенно в таком виде спорта, как теннис.

Тодд хлопнул ладонью об стол.

– Конечно! Я не намерен превращать ее в стерву. Хотя, поверьте мне, это было бы не так уж плохо. Сегодняшние девчонки – они жесткие! У них крепкие мышцы, как у мужчин, они бьют по мячу сильно, как мужчины, и они готовы на все, чтобы выиграть. Просто взгляните на тех, кто на вершине, – они красивые, и они жесткие. Сильные соперницы, все до одной. Вот о чем я говорю.

Чарли испытала облегчение, когда официантка принесла еду. Она заказала лосося, потому что ела его вечером накануне победы в первом круге. Глупое суеверие, конечно – не лучше, чем гадать на картах таро или стараться не наступать на трещины в тротуаре, – но что поделаешь. Она будет есть на ужин лосося перед каждым матчем, пока не проиграет. И будет так же заплетать косу и перевязывать ее лентой, после ужина пить ровно две кружки мятного чая и выключать свет ровно в десять часов. «Как сюда вписывается секс с Марко?» – спросила себя Чарли. Она спала с ним в ночь после своей победы; следуя логике, надо будет сделать это опять...

– А как насчет физподготовки? – спросил отец, отрезая кусочек бифштекса.

Тодд прожевал, проглотил и опрокинул в глотку еще одну рюмку

текилы.

– В смысле?

– Марси говорила, что несколько лет назад теннисистке достаточно было находиться в разумно приличной форме, однако в последнее время женская игра превратилась больше в соревнование по выносливости и прочности мышц.

– А зачем, вы думаете, я перевел Чарли на новую диету? У нее отличная фигура, но ей нужно сбросить еще пару килограммов. Она станет худой и сильной.

Чарли отпила глоток газированной воды и посмотрела на свою рыбу с гарниром из зелени. В дни матчей была разрешена определенная высокоуглеводная еда – овсянка на воде, цельнозерновые макароны, выбранные диетологом протеиновые батончики, – но в дни тренировок еда была скучной. И почему надо выслушивать, как люди при тебе обсуждают твою фигуру? А самое странное, что после двух официальных матчей в режиме Тодда все это больше не казалось странным.

– Ну, по-моему, она и сейчас выглядит великолепно, – заметил отец, и Чарли почувствовала, что краснеет. – Я имею в виду – с точки зрения выносливости.

Спустя два или три года после того, как умерла мать, Чарли нашла в бардачке отцовской машины две книги: «Воспитание дочери с достоинством и уважением. Руководство для родителей» и «Что должен знать о девочках отец-одиночка». Углы страниц были загнуты, а главы отмечены закладками. Отец даже делал заметки на полях, вроде: «Не всегда комплимент внешнему виду – комплимент внутренним качествам» или «Чаще говорите ей, что она достаточно хороша такая, как есть». Чарли плакала целых полчаса, сидя в одиночестве на водительском кресле потрепанного джипа, которого всегда так стеснялась перед одноклассниками, представляла, как отец бродит по книжному магазину в поисках пособия, которое поможет ему сориентироваться в трудной задаче воспитания двоих маленьких детей, и у нее сжималось горло.

– Разумеется, она великолепно выглядит! – чуть ли не пропел Тодд. – Тем более доверьтесь мне. Я довел вес Адриана с девяноста килограммов до восьмидесяти пяти – и что? В этом году он выиграл «Ролан Гаррос».

– Да, но помимо веса Шарлотты – который, между прочим, я лично считаю идеальным, – как насчет других аспектов физической подготовки? Марси была убеждена, что если уменьшить время на корте в пользу тренажерного зала, это принесет неплохие дивиденды с точки зрения...

– При всем уважении, Питер, я – не Марси. – Тодд отложил вилку и

повернулся, чтобы посмотреть ему в глаза. – Конечно, Шарлотте необходимо быть в хорошей спортивной форме. Но это ни черта не будет значить без всего остального! Да, ее удар слева прекрасен. Но, повторяю, этого недостаточно. Да, она должна закрывать весь корт и не выдохнуться за жаркий трехсетовый матч. Но что потом? Правильный настрой, вот что. Хочет ли она этого добиться? По-настоящему хочет? Хочет так сильно, что уже ощущает победу на вкус? Если да, то пусть покажет. Недостаточно просто выйти на корт; она должна быть готова пройти по трупам соперниц. Как раз для того, чтобы помочь ей в этом, вы меня и наняли.

Чарли бросила на отца благодарный взгляд: он не стал напоминать присутствующим, что сам он Тодда не только не нанимал, но и возражал против его кандидатуры.

– Слюнтяи не побеждают в турнирах Большого шлема. В теннисе все как в жизни: хорошие парни всегда проигрывают. Мне далеко не сразу удалось расшевелить Адриана. И угадайте, что дальше? Он начал выигрывать. Этот фермер был кротким, как ягненок, – все время, везде, где бы ни выступал. А когда он выходил на корт после работы со мной, противники знали и чувствовали: его единственная цель – порвать их в клочья. Нет ничего важнее такого настроя.

– Это правда, – сказала Чарли.

Она сомневалась, что согласна с ним полностью, однако против списка побед его учеников возразить было нечего. А к чему привело настойчивое стремление Марси к честности и хорошим манерам? К двойной травме и падению в рейтинге, вот к чему.

– За новые стратегии и светлое будущее! – провозгласил Джейк, поднимая рюмку.

Он всегда умел разрядить неловкую ситуацию.

Чарли подняла свой бокал с водой, отец по-прежнему держал в руке полную рюмку, и они чокнулись с Джейком и Тоддом.

– За новую, воинственную Шарлотту, которая растопчет соперниц! – подхватил Тодд. – Начни прямо завтра с той плаксивой хорватки.

– И за счастливый двадцать пятый день рождения! Пусть этот год будет для тебя еще лучше, чем прежние, – произнес отец, улыбаясь Чарли.

– У тебя день рождения, детка? Я не знал. Поздравляю. – Тодд опрокинул в себя очередную рюмку.

Да, Тодд – не Марси, но Чарли была уверена, что Тодд Фелтнер – именно то, что ей нужно. В двадцать пять лет, на пике спортивной формы, она пока еще не добиралась до финала Шлема. Это должно произойти сейчас – или никогда.

– Обсудим остальные темы, вроде имиджа, в другой раз, – сказал Тодд, листая что-то в своем телефоне. – Тут уже есть много такого, что следует обмозговать.

– Имиджа? – переспросил мистер Сильвер, вскинув брови.

– Новой Чарли нужен новый, более яркий имидж. Сексуальный и гламурный. Не волнуйтесь, мы не будем создавать образ проститутки. Просто что-то более утонченное, чем «девчушка с косичкой». Трудно принимать соперника всерьез, если он выглядит, словно двенадцатилетний подросток. Особенно с таким потрясающим тел... такой классной фигурой, как у Чарли. Просто грех не воспользоваться этим.

Даже Тодд, видимо, заметил убийственный взгляд мистера Сильвера, потому что поспешил добавить:

– Не беспокойтесь! Основной упор будет на теннисе, мы продолжаем совершенствовать ее технику, физическую форму и психологический настрой. У меня много идей по поводу имиджа – одежда, прическа, пиар и прочая ерунда, – но я прослежу, чтобы Чарли тратила на это лишь необходимый минимум энергии. Я заставлю стилистов выстроиться в очередь на работу с ней. Чарли должна думать только о темпе, точности, уверенности в себе. И победе.

Казалось, весь стол вздохнул с облегчением, когда официантка поставила на стол шоколадный торт с горящей свечкой. Отец и Джейк начали было петь, однако Чарли, чувствуя себя неловко перед Тоддом, жестом их остановила.

Обычно она любила минутку подумать над своим желанием и только потом задуть свечу – крепко зажмурив глаза, чтобы все непременно исполнилось, – но сейчас она чувствовала нетерпение Тодда. Она задула свечу, ничего не загадав, и повернулась к Джейку:

– Нам пора ехать.

Джейк понял, что сестра хочет поскорее уйти.

– Боюсь, у нас не хватит времени для кофе, – объявил Джейк. – Прием для участников турнира уже начался, и Чарли нужно там хотя бы на минутку показаться.

Джейк принял счет, подписал его и сунул корпоративную карту в кошелек.

– Спасибо за ужин, Сильверы. Было познавательно, как всегда, – сказал Тодд, вставая раньше остальных. – Шарлотта, завтра утром в восемь в вестибюле гостиницы. Завтрак пришлю тебе в номер в семь тридцать. Легкая двухчасовая тренировка, потом ранний ланч. Выспись хорошо.

Чарли кивнула, делая мысленную заметку, что к завтраку надо быть

готовой уже в семь, а в вестибюле быть в семь тридцать. Когда Тодд ушел, отец обогнул стол, чтобы обнять ее.

– Поверь, папа, я знаю, что делаю. Тодд тоже знает, – произнесла она.

– Конечно, дорогая. Я тебе доверяю. Мне просто неприятно, что он с тобой так суров. Я всего лишь твой старый папа и, наверное, немного предвзят, но, по-моему, ты прекрасна, какая есть.

– Он приведет меня к большим победам, – заверила Чарли, отчаянно надеясь, что это правда. – Марси не сумела этого сделать.

– Марси привела тебя на двадцать третье место в мировом рейтинге. Я бы сказал, что это неплохо.

– Она была недостаточно жесткой! И в результате я сама была слабовольной. А как я проиграла Уимблдон, потому что она облажалась в выборе одежды!..

– Любой может допустить ошибку, Чарли. Бог свидетель, я наделал их немало, пока вас растил. Нельзя из-за одного промаха увольнять хороших людей, – тихо сказал он, протягивая к ней руку.

Чарли отодвинулась.

– Я не смогу стать лучше как теннисистка, если мой тренер не будет толкать меня вперед каждую минуту каждого дня.

– Тогда, похоже, ты выбрала правильного человека. Я уже не претендую на хорошее знание профессионального тенниса, но здравый смысл мне подсказывает, что турниры выигрывают верные удары, хорошая физическая подготовка и преданность делу. А не наряды или спонсорские контракты. И не самоуверенность, если на то пошло.

– Знаешь, когда пятеро твоих учеников выиграют Большой шлем, тогда я прислушаюсь к твоему мнению. А пока положусь на Тодда.

Отец отпрянул, как пощечины.

– Извини, – прошептала она.

Он помолчал.

– Нет, ты права. Это не мое дело.

– Конечно, твое, папа! Я не должна была так говорить. Никто не сделал для меня больше, чем...

Джейк хлопнул их по плечам, сияя, словно он только что выиграл в лотерею.

– Готова, Чарли? Поехали, заскочим на прием. Папа, я вызвал такси, чтобы тебя отвезли обратно в отель.

– Подожди, пап, мы можем поговорить еще минутку? Я правда не хотела...

– Поехали, поехали. Уже девятый час. Отбой у Чарли в десять, у нас

осталось не так много времени. – Джейк подталкивал их к двери, и Чарли старалась не замечать, что люди в ресторане за ними наблюдают.

Мистер Сильвер наклонился и поцеловал ее в щеку.

– С днем рождения, Чарли. Извини, что полез не в свое дело. Просто беспокоюсь. Ты лучше знаешь, что тебе нужно.

Когда их с Джейком машина отъехала, Чарли обернулась и взглянула на отца через заднее стекло. Он смотрел им вслед. Она хорошо помнила, как он радовался, обнаружив в четырехлетней малышке способности к теннису. Первые несколько лет отец ежедневно брал ее с собой на грунтовые корты, где он преподавал с двадцати двух лет, и обучал ее всему. Когда Чарли говорила, что хочет вместо спортивного клуба пойти с одноклассниками в городской бассейн или на качели, мистер Сильвер объяснял, как ей повезло, что она начала тренироваться так рано. У нее еще вся жизнь впереди для бассейнов и игр, говорил он, но только сейчас, в юном возрасте, у нее есть шанс поставить базовую технику и отточить навыки, чтобы все это стало второй натурой. Он повторял снова и снова: «У тебя есть талант. Ты должна его развивать». И хотя были моменты в детстве, когда ей надоедало часами тренироваться на корте, все искупалось, когда она слышала восхищение в голосе отца. Ни о Джейке, ни о других детях, которых тренировал в клубе, он никогда не говорил с таким уважением, с каким говорил о Чарли. Он ходил с Чарли по магазинам, выбирая для нее спортивную одежду и теннисный инвентарь, и тратил часы на разработку занятий и упражнений, в которых, по его мнению, она больше всего нуждалась на тот момент.

Его требования постепенно возрастали: сначала она тренировалась на корте по часу, потом по два, а потом и по три часа. Чарли редко играла с друзьями после школы, не брала уроки балета и не играла в школьной футбольной команде. Она по-настоящему любила теннис, – и все же однообразие порой начинало раздражать. Попыталась вмешаться мать Чарли – иногда за спиной отца приглашала домой двух-трех одноклассников Чарли, чтобы дети поиграли вместе или посмотрели кино в гостиной. Однако мистер Сильвер всегда находил способ вытащить ее на корт. Так продолжалось много лет. Он постоянно подталкивал дочь к тому, чтобы больше тренироваться, и Чарли и любила его, и обижалась на него за это. Так, возможно, продолжалось бы до окончания школы, если бы мать перед смертью не попросила его поклясться: он не станет так сильно давить, будет больше поддерживать ее и меньше муштровать. Мать просила его пообещать: только сама Чарли решит, хочет она играть в теннис или нет. Чарли помнила октябрьский вечер, когда ей было

одиннадцать лет – жаркое бабье лето и пронзительно-голубое небо. В тот день умерла мать, и в тот день отец перестал на нее давить.

Чарли даже не замечала, что по ее лицу текут слезы, пока не почувствовала на плече руку Джейка.

– Что не так? Дело в отце? Не обращай на него внимания, он сам не свой в последнее время.

– Я нагубила ему... – Чарли вытерла слезы и посмотрела на брата. – Ты о чем?

– Ничего, все в порядке. Сейчас ты не должна думать ни о чем, кроме завтрашнего матча. Как себя чувствуешь?

– Прекрасно.

– Ты для папы – центр вселенной и всегда им останешься, даже если разок ляпнешь что-нибудь гадкое за обедом. Можешь уже успокоиться?

Чарли вытирала глаза, стараясь не размазать тушь.

– Да.

– Хорошо. Не хотел говорить раньше, но да ладно: я очень близок к подписанию для тебя нового спонсорского контракта. Большого контракта.

– Да? Насколько большого?

– Больше прежних.

По голосу было слышно, что он ухмыляется.

– «Мерседес»?

– Больше.

– «Ральф Лорен»?

– Больше.

– Что может быть больше, чем «Ральф Лорен»?

– Будешь угадывать? Или мне сказать?

– Если я правильно помню, ты встречался с людьми из «Ральф Лорен». По-моему, ты говорил, что они рады подписать контракт с американкой, но нужно было прояснить все с «Найк», чтобы убедиться, что они ни в чем не пересекаются на корте. Или я что-то путаю?

Чарли старалась всегда быть в курсе всех переговоров, которые Джейк вел от ее имени, но в этих делах было слишком много деталей.

– «Сваровски».

– «Сваровски»? Серьезно? Ты шутишь.

– Я серьезен, как никогда.

– Они не работают с теннисистками. Ты мне сам это говорил!

– Да, говорил. По-видимому, они никогда не встречали достаточно гламурной для них теннисистки. Но им понравился новый имидж, который мы с Тоддом для тебя распланировали. Сила, уверенность. Ты – только в

чуть более роскошном варианте. Они, наверное, надеются, что сейчас, когда твой рейтинг упал после травмы, они смогут сбить цену, но я этого не допущу.

Автомобиль подъехал к отелю «Парк Хаятт» как раз в тот момент, когда Наталья выходила из красного кабриолета «Ламборгини». Она была в красном платье от Валентино, расшитом бисером, с глубоким вырезом на спине и разрезом, открывающим ногу до бедра, в блестящих серебристых туфлях на высоченном каблуке.

– Впечатляет, – восхищенно пробормотал Джейк.

– Ты видел, каким образом у нее вдруг выросли волосы? За одну ночь? Кто, черт возьми, способен ухаживать за нарощенными волосами во время турне? – прошептала Чарли. – Я рада, когда хватает сил вымыть голову.

– Чарли, Чарли, Чарли. Ты такая наивная! – Джейк положил руку на ее спину и повел сестру к красной ковровой дорожке. – С ней повсюду ездят личные визажист и парикмахер.

– Не может быть!

Они миновали толпу фотографов, снимающих Наталью, и уже почти вошли внутрь, когда Чарли кто-то окликнул. Она обернулась.

– Привет, Шарлотта! Не ожидала, что ты придешь, – с холодной усмешкой сказала Наталья.

Чарли сделала медленный вдох, напоминая себе, что нужно оставаться спокойной.

– Ну, поскольку это обязательный прием для участников турнира, а я, вообще-то, участник...

Наталья прищурилась.

– Может, найдешь себе сегодня парня. Всякое случается!

Чарли едва удержалась, чтобы не сказать ей о Марко. Но прежде чем она успела придумать ответ, Джейк слегка толкнул ее в бок.

– Привет, Наталья, – сказал Джейк, целуя девушку в щеку. – Рад тебя видеть.

Наталья перевела взгляд на Джейка, нисколько не стараясь замаскировать наглый оценивающий взгляд.

– Приве-е-ет, – кокетливо промурлыкала она.

«Ничего у тебя не выйдет, он любит мужчин!» – хотелось крикнуть Чарли.

Наталья откинула рукой прядь фальшивых светлых волос и вдруг ахнула.

– Простите, ох, как невежливо!.. Вы знакомы с моим кавалером? Бенджи, это Шарлотта Сильвер и ее брат, Джейк. Мы с Шарлоттой знаем

друг друга очень давно, с нежного юниорского возраста. Это ее первый турнир после страшного провала на Уимблдоне в прошлом году. Как твои травмы, дорогая?

Чарли не пришлось отвечать, потому что кавалер Натальи сделал шаг вперед и протянул руку.

– Бенджи Фуллер, приятно познакомиться.

Он был таким же высоким, как большинство теннисистов – метр девяносто пять или девяносто восемь, – но весил килограммов на двадцать больше. Его светло-каштановые волосы были коротко острижены, спортивного покроя пиджак туго сидел на мощных плечах. Потом Чарли осенило. Это не просто здоровенный парень по имени Бенджи; перед ней стоял легендарный квотербек «Майами долфинс», человек, который за свою восьмилетнюю карьеру побил все предыдущие рекорды, двукратный победитель чемпионата «Супербоул».

– Бенджи Фуллер? – повторила Чарли, быстро подсчитывая в уме. – Подождите, сейчас в Австралии среда, значит, в Майами вторник... Разве вы не играете в воскресенье?

Бенджи рассмеялся. Наталья хищно вцепилась в его руку.

– Футбольный фанат? Здорово, – улыбнулся Бенджи.

Наталья хихикнула.

– Он такой лапочка!.. У него на этой неделе дополнительный выходной, я отправила за ним самолет, и он проделал такой путь, чтобы прилететь ко мне всего на две ночи! Я счастливица, верно?

– Я в самолете высыпаюсь лучше, чем дома, – произнес Бенджи. – Не мог упустить шанса приехать, чтобы лично пожелать своей девушке удачи и посмотреть, как она порвет всех на корте.

Наталья засмеялась. Бенджи похлопал ее по полуголому заду.

Чарли скосила глаза на собственное платье, которое теперь казалось ей чем-то вроде занавески для душа.

– Здорово. Извините, нам нужно идти. Приятно познакомиться, Бенджи. Удачи, Наталья.

Наталья наклонилась, чтобы чмокнуть Чарли в щеку. От нее пахло какими-то дорогушими духами.

– У тебя между зубами застряло что-то вроде шпината, – прошептала она якобы заботливо.

Не сказав больше ни слова, Наталья и Бенджи помахали толпам поклонников и прошли в вестибюль.

– Вот гадина, – пробормотала Чарли, входя в дверь, которую придержал для нее Джейк. Она ощупала зубы языком, но ничего лишнего

там не почувствовала. Чтобы убедиться, она достала зеркало из сумочки. – Если бы наша любимая мама не повторяла мне тысячу раз, что я должна быть со всеми добра и вежлива, я, наверное, ее уже убила бы.

– Да, Наталья мерзкая. А Бенджи в жизни даже симпатичнее, чем по телевизору.

Сидя у барной стойки, Чарли осмотрела зал. Все теннисисты разделились на тесные группки. Некоторые из них потягивали вино или пиво – в основном, мужчины, конечно, и даже они позволяют себе не больше одного бокала. В первую очередь, все разделилось по национальностям: итальянцы с итальянцами, испанцы с испанцами, спортсмены из Восточной Европы – все вместе, хотя и говорили на разных языках. Великолепная сложилась группа: были и исключения, но большинство мужчин – не ниже метра восьмидесяти, с узкой талией и широкими плечами, а женщины с ногами длиной в полтора метра, ослепительно-белыми зубами и густыми волосами, на теле – ни капли жира, и одеты, как на вручении премий MTV. Здесь присутствовали также тренеры и массажисты, менеджеры и люди из администрации турнира – все чуть более блеклые, что только подчеркивало внешнюю привлекательность теннисистов. Чарли поискала глазами Марко, но его нигде не было видно.

Джейк протянул ей стакан газированной воды. Потом что-то привлекло его внимание.

– Посидишь одна пару минут? Пойду кое с кем поздороваюсь.

– Возьми меня с собой. Здесь опасные воды для одиночного плавания.

– Я смогу за себя постоять, – рассмеялся Джейк, уходя.

– Я имела в виду себя!

Но он уже скрылся в толпе.

Чарли поздоровалась с несколькими теннисистами, которые проходили мимо, однако никак не могла ощутить настроение вечеринки. Эти приемы казались намного веселее, когда она была моложе. Прежде она танцевала, флиртowała и болтала с кем-нибудь из более общительных спортсменов и их друзей. Было интересно знакомиться с людьми со всего мира и слушать их истории. Но в последнее время Чарли чувствовала себя скованно: сидела на барном стуле, иногда общалась со старыми знакомыми, выжидая время, когда можно будет вернуться в гостиничный номер, почитать и отдохнуть. Пять лет в турне стерли всю новизну, а танцы лучше оставить подросткам. К тому же у нее теперь есть Марко. Женские и мужские турне не всегда пересекаются – наверное, меньше, чем в половине случаев, – но когда они все же пересекались, Чарли думала о Марко, гадая, встретятся ли они, и если встретятся, то когда, где и как.

Она могла пересчитать их свидания на пальцах одной руки: первая восхитительная ночь в Палм-Спрингс, сразу затем – еще две во время чемпионата «Майами оупен»; потом – мучительные несколько недель, пока мужской и женский туры снова не пересеклись в Мадриде; очень веселая ночь перед началом турнира в Риме; потом ночь после приема для теннисистов перед Открытым чемпионатом Франции, в котором Марко, кстати, одержал победу. Месяц спустя, за два дня до рокового Уимблдона, где Чарли получила травму, они вновь сошлись в одном месте одновременно – на роскошной вечеринке Ричарда Брэнсона, в его поместье. В ванной комнате, если точнее. Почти всегда они проводили вместе ночь только до начала турнира или в его первые дни, потому что когда начинались соревнования, ни один из них не хотел отвлекаться. У Чарли, можно сказать, выработался условный рефлекс на обязательные для участников турнира приемы: в ее сознании они теперь были связаны с Марко. На всех турнирах, где играли исключительно женщины, она чувствовала себя гораздо спокойнее. Ни в прессе, ни в обычных теннисных сплетнях никто не связывал имя Марко с именем какой-нибудь другой женщины, но это не так уже много значило: Марко вполне мог спать с кем-то еще – со взрослой дочерью, навещающей в турне отца-тренера, с журналисткой, пишущей о мужских соревнованиях, с тренершами или диетологами, или, вероятнее всего, с любой из сотен теннисных групп^[2], которые появлялись на вечеринках и матчах в обтягивающей короткой одежде, всегда надушенные и на шпильках. Чарли начинало подташнивать, едва эта мысль приходила ей в голову.

– Ты выглядишь счастливой, – сказала Карин Гейгер, подходя к Чарли. Чарли рассмеялась.

– Так заметно? Просто взволнована.

Как обычно, Карин нарушила предписанный протокол и была одета в треники и спортивную куртку на молнии.

– Тебя, кажется, надо поздравить с возвращением? Это твой первый турнир после...

– После Уимблдона, да. Первый круг.

– Восстановилась?

Чарли кивнула.

– Врачи говорят, все отлично зажило.

– Я рада. Как твоя турнирная сетка? Не могу вспомнить, какой у тебя сейчас...

Ее перебила миниатюрная симпатичная брюнетка, которая подошла и поцеловала Карин в губы.

– Привет, дорогая! Познакомься с Шарлотт. Она не стерва, что редкость для теннисисток. Шарлотта, это моя подружка, Анника.

Девушки пожали друг другу руки.

– Приятно познакомиться, – сказала Чарли.

На другом конце бара возник какой-то ажиотаж. Девушки обернулись и увидели Наталью и Бенджи, исполняющих грязные танцы в центре огромного круга поклонников. Она прогнулась вперед, ее руки почти касались пола, а он одной рукой прижимал ее к себе за талию. В динамиках гремела «Single Ladies». Весь зал начал хлопать в такт музыке.

– Она всегда такая... стильная? – спросила Карин. – Настоящая леди на корте и вне его.

Чарли рассмеялась.

– Ох, рассказала бы я тебе...

– А я бы с удовольствием послушала, – вставила Анника. – Пойдем, Кари, давай что-нибудь поедим.

Они помахали ей на прощание, и Чарли смотрела, как девушки шли к столу, уставленному суши и салатами. Чарли еще раз обвела взглядом зал, машинально выискивая глазами Марко. Спohватившись, достала свой телефон, чтобы отвлечься, и только теперь вспомнила, что так и не перезвонила Пайпер.

Ты еще не спишь? Сколько у вас? Расскажи что-нибудь неприличное.

Ответ прилетел мгновенно:

Мы с Ронином обручились! На одном колене, громадный камень, все как положено!

Что??? Серьезно?

В груди екнуло. Едва ли это можно назвать неожиданностью – они встречались почти год, – и все же... Пайпер выходит замуж? А Чарли тем временем сидит одна у барной стойки в Мельбурне и гадает, когда в следующий раз ей удастся заняться сексом с парнем, у которого, вероятно, таких, как она, – десяток в разных городах по всему миру.

Совершенно серьезно. Оч счастлива. Не дождусь, когда ты сможешь норм с ним пообщаться – ты ведь его едва знаешь.

И то, что я знаю, мне нравится!!!!

Сразу после того, как нажала «отправить», Чарли пожалела, что нельзя удалить несколько лишних восклицательных знаков.

Рада за тебя.

*Сейчас не могу болтать. Люблю, целую. Удачи!
Чмоки! Поздравляю еще раз.*

Чарли перечитывала цепочку сообщений от Пайпер, пока рядом не возник Джейк.

– Все в порядке?

– Пайпер и Ронин обручились, – сказала Чарли.

– Отлично. Она счастлива? – спросил Джейк безразлично.

– Да.

– Тогда в чем проблема?

– Нет проблем.

– Чарли. Выкладывай.

– Нет, я, конечно, рада за нее. Почему нет? Просто, знаешь... когда твоя лучшая подруга выходит замуж, а ты совсем одна... и спишь в одиночестве каждую ночь в разных гостиницах... Невольно иначе смотришь на свою жизнь.

– Я бы сказал, что ты в лучшем положении. Гостиницы шикарные, и нельзя сказать, что ты вообще никогда ни с кем не встречаешься. Может, скоро даже признаешься мне, с кем у тебя тайная интрижка.

Чарли подняла голову. Джейк улыбнулся и отпил из своего стакана.

– Извини?

– Ты слышала.

– Не понимаю, о чем ты.

– Да брось. Я знаю, ты с кем-то встречаешься. И Тодд знает, что ты с кем-то встречаешься. Черт, даже Дэн, наверное, знает. Ты наверняка думаешь, что ведешь себя ужасно скрытно, но мы не слепые. Все эти тайные сообщения, прячешь телефон и осматриваешь зал взглядом типа «сейчас умру, если его не найду»... Ради бога! Мне только нужно знать, кто это. Все равно долго хранить секрет не получится. Сдашься сама, или теннисные сплетники выведут тебя на чистую воду.

Чарли даже не могла бы внятно объяснить, почему не рассказывает Джейку о Марко, ведь раньше, когда дело касалось других парней, она

просто заваливала Джейка подробностями. С другой стороны, не нужен психоаналитик, чтобы понять, откуда идет эта нерешительность: волнение и стыд из-за наличия тайного любовника, отсутствие четкого понимания их отношений, острые ощущения из-за необходимости прятаться... Но раскрывать душу и выслушивать чье-либо мнение, особенно мнение брата, склонного ее опекать...

– Как скажешь. – Чарли поцеловала Джейка в щеку. Она все еще не привыкла чувствовать губами его бородку. – Поеду в гостиницу. Тодд оставил мне записи матчей, которые я должна смотреть каждый вечер – наутро он меня экзаменует. Плюс нужно хорошо отдохнуть перед завтрашним днем.

Джейк кивнул.

– Поспать – это хорошая мысль. Пойдем, провожу тебя до машины.

– Я сама. Останься и выпей за меня. – Чарли сжала его руку. – Спасибо за все, Джейки.

Чарли вышла на улицу и села в первый из стоящих в очереди турнирных автомобилей. А потом сделала то, чего никогда не делала раньше. Не думая о том, как он это воспримет или как это скажется на их завтрашних матчах, Чарли достала из сумки телефон и принялась листать список недавних звонков, пока не нашла имя Марко. Прежде чем она успела убедить себя, что это глупая затея по очень многим причинам, она написала: «Комната 635, встретимся там». Она отключила телефон и сунула его в сумку. Сделано.

Глава 7. Америке нравятся преобразования

Южная Калифорния.

Февраль 2016 года

– Какое блаженство, – простонала Пайпер.

Чарли, не поднимая головы, улыбнулась.

– Так ты не обижаешься на меня из-за того, что я пропускаю вечеринку в честь твоей помолвки? – спросила Чарли. Она чуть не вскрикнула от удовольствия, когда массажистка начала разминать ее бицепс.

– Моя обида тает с каждой минутой массажа. Если хочешь остаться моей подругой, купи мне абонемент, – пошутила Пайпер.

Девушки лежали на соседних столах в спа-салоне отеля «Времена года» в Санта-Барбаре. За распахнутыми окнами мягко шумели волны, и хотя воздух был пока прохладным, их согревало утреннее февральское солнце. Горячие парафиновые компрессы на руках и ногах добавляли ощущения уюта.

– Приму к сведению, – рассмеялась Чарли.

– А ты можешь потом пойти со мной по магазинам? Мне нужна обувь. Я все-таки сдалась и решила купить эти модные кроссовки на платформе.

– Я бы с удовольствием, но меня ждет Тодд и деловой обед в «Айви». У нас «стратегическое совещание». В три часа показательный матч, а после него – двухчасовая тренировка. Мне сегодня и в туалет не разрешат отойти, не то что по магазинам.

– Не странно возвращаться? Ну, в качестве профессионала? Я как представляю, что надо выйти на корт, – у меня сразу паническая атака.

– Ты провела на кортах гораздо больше времени, чем я, – сказала Чарли и сразу же пожалела о своих словах. – Прости, я не так выразилась.

– Нет, ты права. Четыре долгих года. Самое странное, я ни капли не скучаю о тех временах.

– Что тут странного? Тебе не нравилось играть.

– По крайней мере, благодаря теннисной школе я уехала из дома. И если бы я не играла, мы бы с тобой не встретились. Так что не все так плохо.

Парадокс: Чарли, которая никогда не училась в престижных теннисных академиях – довольно большая редкость среди игроков ее уровня, – стала профессионалом, а Пайпер, которая провела в одной из них

все свое детство и отрочество, была совершенно равнодушна к теннису. Когда Пайпер впервые рассказала Чарли о том, как родители в девять лет отправили ее в академию Боллетьеры во Флориде, Чарли с трудом могла в это поверить.

– Наверное, ты была очень талантлива, – сказала Чарли, вытаращив глаза, когда Пайпер поведала ей об этом во время их первого совместного ланча в столовой для первокурсников в UCLA^[3].

– Талантлива в чем? В теннисе? – Пайпер горько хохотнула. – Да я ракетку в руках держала только пару раз в жутко дорогом лагере, куда меня отправили предыдущим летом! Родители сообщили всем своим друзьям, что посылают меня в академию «развивать талант», потому что когда отправляешь девятилетнего отпрыска в престижную теннисную академию, а не в обычный интернат, это звучит гораздо эффектнее. Но это было именно отправление в интернат, по крайней мере, для меня.

Пайпер объяснила, как супербогатые родители отправляют своих отпрысков в престижные теннисные академии, рассматривая их в качестве своего рода высокочастотных круглогодичных центров присмотра за детьми. За шестизначную сумму в год семьям арабских шейхов, европейских финансистов, техасских нефтяных магнатов и южноамериканских предпринимателей гарантировали, что их дети выучат английский язык, полностью освоят школьную программу, пройдут обучение у лучших теннисных тренеров и будут бывать дома не чаще чем неделю на Рождество и пару недель за лето. Плюс звучит хорошо, когда рассказываешь друзьям, что твои дети «учатся в Боллетьеры» – бок о бок с детьми, которые были направлены в американскую академию потому, что им уже требовались тренеры самого высокого уровня, каких не оказалось в их родных странах. И, разумеется, никто не ожидал, что среди богатых детей, отправленных туда ради круглогодичного присмотра, найдутся достойные игроки.

Первые три года в UCLA Пайпер играла парные матчи, последний год – одиночные игры, но ее рейтинг в команде не поднимался выше, чем номер четыре. Чарли была первой с того дня, как прибыла в кампус, и пока не бросила учебу год спустя, чтобы стать профессионалом. Между ней и Пайпер никогда не было соперничества. Может быть, потому, что Пайпер мало интересовал теннис. Она приходила на необходимые тренировки и, казалось, даже не без удовольствия, но она не посещала факультативные занятия физкультурой рано утром или дополнительные тренировки на корте по выходным, как остальные. Пайпер допоздна гуляла, встречалась с парнями и уезжала на выходные со своими нетеннисными друзьями. У

Чарли друзей вне тенниса даже никогда не было. Несколько раз они это обсуждали, и Пайпер выражалась немного туманно.

– Мне нравится теннис, – со смехом говорила она. – А еще мне нравятся вечеринки, путешествия, новые знакомства, сон, чтение и шопинг. И, уж конечно, я не намерена ради спорта отказываться от жизни.

Теперь Пайпер играла раз в неделю с группой приятелей из колледжа, которые били по мячу лучше, чем девяносто девять процентов любителей, однако рассматривали теннис как хобби, которое можно иногда втиснуть между работой и общением. Хорошая разминка, и немножко веселья. Чарли даже не могла представить себе подобную точку зрения.

Массажистка попросила Чарли перевернуться на спину и положила ей на глаза пахнущий лавандой компресс.

– Расскажи мне о Ронине, – попросила Чарли. – Почему он?

– Почему он? – Пайпер засмеялась. – Потому что он меня берет.

– Ох, Пайпс, я тебя умоляю. Тебя взяла бы половина Лос-Анджелеса. Черт, половина из Лос-Анджелеса тебя и...

– Полегче. По крайней мере, среди моих любовников не было зна...

– Пайпер!

К счастью, подруга сама поняла, что не стоит заканчивать это предложение. Вряд ли, конечно, массажистки знали, кто такая Чарли, но она не хотела допускать возможности сплетен о ней и Марко – особенно сплетен, включающих слово «любовник».

– Итак, Ронин. Расскажи о нем все.

– Все? Что ж, посмотрим. Вырос в Сент-Луисе, хотя его семья много переезжала, когда он был ребенком.

– Откуда он? – спросила Чарли.

– Я только что сказала. Из Сент-Луиса.

– Нет, я имела в виду, откуда его родители?

– То есть ты спрашиваешь потому, что он азиат? Он может быть азиатом из Сент-Луиса, знаешь ли.

– Ох, перестань, пожалуйста. Я спрашиваю, потому что у него есть акцент. Или скажешь, ты никогда не замечала?

– Его родители приехали из Японии. Он там родился и провел большую часть детства. Но он американец.

– Ясно. Американец с обидчивой невестой. Намотала на ус. Что еще?

Пайпер рассмеялась.

– Прости. Просто моя мать такая оголтелая расистка. Она с ума сходит из-за того, что он азиатского происхождения. Только об этом и говорит.

– Твоя мать сходила бы с ума, приведи ты домой и католика. Или

брюнета. Это твой крест, как дочери либерально настроенных богатых баспов^[4].

– Точно. Ну, в общем... ты знаешь, что он врач на «Скорой»...

– Врач, помешанный на серфинге, если я правильно помню?

– В нашем гараже сейчас стоит столько серфбордов – я даже не могу сосчитать. Интересно, в каком возрасте серфинг уже надоедает?

– Очевидно, не в двадцать девять. Он, наверное, в восторге от дома твоих родителей на Мауи...

Пайпер рассмеялась.

– В полном. Если бы он мог придумать, как бывать там без моих родителей... Теперь, когда отец на пенсии, они туда ездят все чаще и чаще. Последний раз, когда мы там были все вместе, мама невзначай заметила, что «люди восточного происхождения» любят серфинг. Это было так мило, можешь себе представить.

Теперь настала очередь Чарли смеяться.

– Дайте ей побольше полуазиатских внуков, и она привыкнет.

– Смешно. Я пыталась объяснить ей, что мать Ронина тоже была не в восторге от наших отношений. Бедная женщина всю свою жизнь мечтала о скромной буддистской невестке, умеющей готовить лапшу удон, а ей досталась атеистка, в семье которой больше случаев алкоголизма, чем в целой клинике Бетти Форд, – но она не жалуется. Нет, она приняла меня и даже научила, как собрать более-менее приличную коробку бэнто. Моей матери такого не понять.

Чарли сразу же попыталась представить себе, каково бы это было – представить свою мать будущему жениху. Ее мама ничего не застала: ни выпускного вечера Чарли, ни первой комнаты в общежитии колледжа, ни первого соревнования Большого шлема. Родители Чарли сбежали из дома и поженились в конце восьмидесятых, когда мама узнала, что беременна Джейком; у них не было официального обручения или надлежащей свадьбы. Может, поэтому Чарли все чаще испытывает неловкость, когда подруги объявляют о своих помолвках?

Мелодичный звон вернул Чарли в реальность.

– Я закончила. Пожалуйста, не спешите, одевайтесь, – прошептала ее массажистка. – Мы подождем снаружи.

– Было здорово, – сказала Пайпер, потирая глаза. Даже с вмятинами от подушки на ее щеке и припухшими веками она выглядела как супермодель. Чарли заставила себя отвести взгляд, когда Пайпер встала и накинула халат.

Словно отвечая на ее мысли, Пайпер окинула взглядом Чарли.

– Ты отлично выглядишь.

Чарли закатила глаза.

– Ага. Поэтому Тодд постоянно твердит о лишних двух килограммах. – Чарли похлопала себя по бедрам. – Не хочешь поменяться?

Они вышли и направились к раздевалке.

– Думаешь, Марко Вальехо из жалости на тебя кидается при каждой возможности? Seriously, Чарли, пора избавиться от комплекса гадкого утенка. Может, у тебя и были лишние килограммы несколько лет назад, но сейчас ты настоящая красотка. Кстати, я хочу услышать, как ты справляешься с ситуацией секса без обязательств. Потому что Чарли, которую я знаю, не совсем такая девушка.

– Ну, всегда что-то происходит впервые.

– Насколько я понимаю, он тебе не подходит. Его даже нельзя считать другом. Чтобы такие отношения работали, ты должна быть к нему равнодушна. Ты к нему равнодушна?

– Конечно.

– Врушка!

– Таковы условия игры.

Они взяли подносы и сели в патио перед небольшим камином с настоящим огнем.

– Любви я не испытываю, – тихо сказала Чарли, впервые осознав правду. – Мне просто нравится думать, что у меня кто-то есть.

– Он намного лучше, чем «кто-то», – заметила Пайпер, делая глоток чая.

– Ты поняла, о чем я.

– Поняла. Да, когда так часто переезжаешь с места на место, становится одиноко. Все время вдали от дома, нет ничего даже похожего на нормальную жизнь. Но по характеру ты сторонник моногамии. Поверь, я много об этом думала. Мы с Ронином обсуждали, как нелегко тебе живется.

Чарли подняла голову.

– Seriously? Это твое утешение? «Мы с женихом обсуждали, как нелегко тебе живется»?

Пайпер похлопала ее по руке.

– Перестань, ты знаешь, это не то, что я имею в виду. Просто я за тебя беспокоюсь.

– Чудно. Теперь я чувствую себя намного лучше.

– Да, беспокоюсь! Может, вам с Марко надо попробовать сходить вместе в кино или в ресторан, как нормальные люди. Поговорите. Расскажи ему о себе. Спроси о нем. Должны же у него быть какие-нибудь интересы за пределами тенниса.

– Можешь представить себе, какая буря поднимется в прессе? Если мы пойдем на реальное свидание как нормальные люди?

– Ой, да ладно, кому какое дело? Двое взрослых людей начали встречаться по обоюдному согласию. Оба – теннисисты. Ну и что? Неужели скандал?

Чарли задумалась. Когда Пайпер так говорит, то все кажется не таким уж безумием. Во время их тайных свиданий ей даже не приходило в голову, что, возможно, нет нужды соблюдать секретность. Что плохого могло случиться? Они станут парой, а потом расстанутся? И что? Горстка репортеров задаст по этому поводу несколько неприятных вопросов, паратройка говорящих голов заявит: «Я предрекал», как они делают всякий раз, когда отношения между профессиональными спортсменами – или актерами, или музыкантами, или любыми другими публичными людьми – не задались. И кого это волнует? Почему они с Марко так решительно настроены никому о себе не говорить? В чем преимущество тайных отношений?

– Ты права, – кивнула Чарли.

– Да неужели? – Пайпер изобразила удивление.

– Что такого страшного случится, если мы на самом деле станем ходить на свидания? Как ты верно заметила, он один из немногих, кто понимает, чем я живу.

– Кроме того, он великолепен.

– Если мы осознали, что на первом месте для нас обоих спорт, я не вижу, что могло бы помешать нашим отношениям.

– Не говоря уже о том, что он красавчик.

– У меня не было ничего похожего на серьезные отношения с... боже мой... с самого колледжа. Брайан был последним.

Чарли уставилась в небо, припоминая.

– А мы обсуждали его потрясные волосы?

– Ну, еще пару месяцев с теннисным журналистом... Не самые яркие впечатления. Хотя парень, по крайней мере, приятный.

– У него даже имя сексуальное.

– Да, и горнолыжник, с которым я познакомилась, когда летела в Монако. Трудности несовпадающих графиков.

– А какой у него пресс!..

– Господи, Пайпер, я жалкая! Ты понимаешь, что у меня никогда не было постоянных отношений? Мне двадцать пять лет. И я практически девственница.

Пайпер улыбнулась.

– Давай не увлекаться. У тебя были мужчины. Ты просто... как бы выразиться... плохо выбираешь. Плюс твой безумный график... Это не значит, что все надежды потеряны.

– Спасибо. – Чарли посмотрела на телефон. – Ох, мне пора бежать. Я должна успеть вернуться в Лос-Анджелес за полтора часа. Если попаду в пробку, то опоздаю.

– Люблю тебя, Чарли. Спасибо за прекрасный день. Я теперь только наполовину обижена, что ты пропустишь мою вечеринку.

Чарли поцеловала ее в щеку.

– Видишь? Дружбу можно купить за деньги. Важный урок.

– Мантра моей матери, слышала с пеленок. – Пайпер накинула на плечи кашемировый шарф, и в тысячный раз Чарли задалась вопросом, как ее подруге удастся выглядеть шикарной без видимых усилий. – Не забудь купить себе что-нибудь приятное на День святого Валентина. Я бы предложила шоколад, но поскольку ты на голодной диете, может быть, что-нибудь в ювелирном? Никакого теннисного дерьма!

Подруги помахали друг другу на прощание, и Чарли вручила парковщику свой талон. Она снова ощутила укол сожаления, что не может остаться здесь на ночь, пойти на вечеринку Пайпер и встретиться с бывшими однокурсниками. К четырем нужно вернуться в Лос-Анджелес. Она вывела арендованный кабриолет «Ауди» на шоссе и включила музыку. Идеальный зимний день для калифорнийцев: пятнадцать градусов тепла, ласковое солнце, прохладный ветерок. Именно для таких дней изобрели автомобили с откидным верхом. Возле Малибу Чарли посчитала, что успевает, и свернула на трассу, которая шла вдоль побережья: дорога займет больше времени, но вид того стоил. Чарли включила радио и пела вместе с Рейчел Платтен, Тейлор Свифт и Эд Ширан, пока не заболело горло и от ветра не начали слезиться глаза. Сколько раз она ездила по этой дороге в первый год колледжа? Они с Брайаном катались в воскресенье после обеда и спорили из-за радиопередач: Чарли всегда хотела «Топ сорок», а он всегда хотел что-нибудь другое. Даже о том, что она уезжает и бросает учебу – и его, – она сказала ему недалеко отсюда, в рыбном ресторане в Малибу.

Брайан понимал – с мудростью, редкой для девятнадцати лет, – что невозможно поддерживать длительные отношения с человеком, который триста дней в году переезжает с места на место. Расставание вышло грустным. Проведя несколько месяцев в турне, Чарли заметила, что поддерживать отношения невозможно только для женщин. Для мужчин мир был совершенно иным: сопровождающие их подруги, одетые в

дизайнерские джинсы, в дорогих туфлях на высоких каблуках, всегда с ухоженными волосами и макияжем, сидели на трибунах, ожидая, когда разгоряченные потные мужчины выйдут с корта. Четыре из пяти лучших теннисистов мира были женаты. И имели детей. У Чарли перехватило дыхание, когда Марси однажды обратила на это ее внимание и назвала число теннисисток из верхней двадцатки, состоящих в браке: одна. Число теннисисток из первой двадцатки с детьми? Ноль. Мужчины не выстраиваются в очередь, чтобы ездить за подругами жизни по всему миру, от Дублина до Дубая, по ночам согревая гостиничные кровати, завтракая в шесть утра и дожидаясь, когда они смогут обнять своих потных, измученных женщин, выходящих с корта то счастливыми, то несчастными, в зависимости от теннисных успехов. Двое мужчин, которые попробовали, продержались недолго: тренеры и мужчины-теннисисты – и даже другие теннисистки – называли их подкаблучниками. Другое дело – модели, актрисы и просто безымянные красотки, которые мотались по всему миру за своими бойфрендами. Это ведь совершенно нормально – делать то, что нужно мужчинам.

Автомобиль перед ней со скрежетом затормозил, и Чарли едва не въехала в массивный зад черного «Шевроле Субурбан». Она бездумно следовала за ним через Малибу и Санта-Монику, а потом через Брентвуд и покрытые листвой улицы Беверли-Хиллз до полуострова, где «Субурбан» припарковался прямо перед ней.

На телефон пришло сообщение. Тодд.

Тридцать минут, «Айви», Робертсон. Не опаздывай.

Она отправила в ответ одну букву, К, и отдала ключи работнику парковки. Два носильщика сноровисто доставали из глубин «Шевроле» чемоданы от «Гойярд», и Чарли невольно замедлила шаг в надежде увидеть, что за знаменитость выйдет из машины. Судя по виду дорогих чемоданов, это могла быть Кардашьян. Или Рианна. Или Кэти Перри. Определенно не знаменитый голливудский актер. Пассажир «Шевроле» явно упаковал в багаж весь свой дом и приехал, чтобы здесь поселиться. Чарли уже хотела сдаться и идти в ресторан, когда водитель достал с переднего пассажирского сиденья теннисную сумку «Вилсон». С сумки свисала, как брелок, огромная сова с изумрудными глазами, подведенным красной краской клювом и длинными ресницами, которые, Чарли знала, были сделаны из настоящих усиков кролика. Она узнала бы эту безвкусную сову где угодно.

– Посмотрите, кто тут у нас! – воскликнула Наталья с заднего сиденья.

Каждый мужчина, женщина и ребенок, все, кто находится вокруг, перестали читать свои сообщения в телефонах, искать ключи и спорить со своими детьми и повернулись, чтобы посмотреть, как высокая блондинка в крохотных шортиках – настолько крохотных, что каждый мог заметить под ними ярко-розовое белье – выскользнула с заднего сиденья. Чарли могла поклясться, что услышала коллективный вздох, когда сандалии Натальи благополучно коснулись тротуара.

– Какая ты лапочка, что меня дожидаясь. Вот, возьми. – Наталья сунула в руки Чарли дорожный саквояж с логотипом «Гоярд». – Спасибо, дорогая.

Потрясенная тем, что видит Наталью в Лос-Анджелесе на четыре дня раньше, чем они будут играть в Индиан-Уэллсе в Палм-Спрингс, Чарли машинально проследовала за ней в вестибюль.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Чарли, когда Наталья показала удостоверение людям на стойке ресепшена. Чарли пришло в голову, что она тоже должна показать свое удостоверение, но она не могла вспомнить, куда его сунула.

Наталья наклонилась достаточно близко, чтобы Чарли уловила приятный ванильный аромат ее духов.

– Бенджи только что играл в «Про Боул» на Гавайях. Мы сегодня здесь встречаемся, чтобы немного... развлечься. А ты, Чарли? Опять проводишь вечер со своей командой? Наверное, скучно – иметь для компании только тренера и брата.

Чарли покраснела.

– Серьезно, подумай о том, чтобы найти себе мужчину, – сказала Наталья, доставая свой телефон. – Как насчет нового мальчика в мужском турне, того, из Филадельфии? Он, наверное, переспал бы с тобой.

В голове мелькнула картинка: Бретт, или Брент, или что-то в этом роде, худой, долговязый и прыщавый. Семнадцать лет в лучшем случае. За ним сразу всплыл образ Марко в мокрой от пота футболке, облепившей фантастические мышцы, повязка на голове фиксирует густые черные волосы. Его улыбка, когда они наедине...

Наталья засмеялась.

– Ой, подожди... по-моему, у него уже есть девушка. Но не беспокойся, я что-нибудь придумаю.

Обычно в таких ситуациях в ее ушах звучал голос матери, напоминающий, что всегда следует вести себя с достоинством, быть вежливой, не опускаться до конфликта. Чарли всю жизнь старалась

следовать советам матери, однако сегодня в ее голове прозвучал голос Тодда: «Психологическая жесткость. Никаких больше милых девчушек. Хватит быть тряпкой. Полагаешь, Наталья задумывается хоть на мгновение о том, как бы не поранить чьи-то чувства? И ты не должна!»

Двери лифта начали закрываться – и сразу раздвинулись, когда Чарли просунула между ними руку.

– Что ты делаешь? – зарычала Наталья. Вся ее притворная любезность вмиг испарилась.

– Следи за своим поганым языком, – проговорила Чарли с угрозой.

– Да как ты смеешь!

Саквояж, который Чарли до сих пор держала в руках, полетел прямо в Наталью, и та поймала его с громким «Уф!».

– Желаю хорошо провести время со своим бойфрендом, – сказала Чарли, с удовольствием наблюдая испуг на лице Натальи. – Однажды я до тебя доберусь. Может, я не разгромлю тебя на следующей неделе или в следующем месяце, но запомни: однажды это случится. И я буду наслаждаться каждой секундой.

С этими словами Чарли отступила от лифта, наблюдая за тем, как Наталья беззвучно разевает рот, пока не сомкнулись двери. Она быстро окинула взглядом вестибюль, чтобы убедиться, что никто не смотрит в ее сторону, а потом позволила себе торжествующе рубануть кулаком воздух.

Когда Чарли открыла калитку белого забора и двинулась ко входу в «Айви», она услышала щелчки камер и фотовспышек. На тротуаре внезапно возникла толпа папарацци, к которой быстро подтягивались уличные зеваки. Не понимая, что происходит, Чарли растерянно остановилась, но почти сразу же почувствовала на спине чью-то руку.

– Они здесь не ради тебя, дорогуша, – сказал Тодд. – Ничего, все очень скоро изменится.

Чарли почувствовала, что краснеет от смущения и досады.

– Я так и не думала! – фыркнула она, идя за тренером к круглому столику в патио. Она села лицом к дороге и отсюда увидела, кто вызвал переполох: Блейк Лайвли и Райан Рейнольдс везли свою маленькую дочь в одной из тех колясок, которые стоят как подержанный автомобиль.

– Смотри внимательно, Чарли, потому что именно так все будет происходить с тобой, как только Мередит приступит к работе.

– Вы уже говорите обо мне? Отлично, я люблю быть в центре внимания.

К столику подошла женщина лет тридцати пяти, ростом не выше

метра шестидесяти, и то благодаря высоким каблукам. Однако внимание Чарли в первую очередь привлек яркий каскад рыжих локонов.

– У вас потрясающие волосы! – выдохнула Чарли, прежде чем вспомнила, что их еще даже не представили друг другу.

– Вы думаете? Мне в основном приходится слышать, что я похожа на сиротку Энни, – улыбнулась Мередит, оттягивая один рыжий завиток.

– А по-моему, вы больше похожи на Мериду из «Храброй сердцем».

Мередит рассмеялась.

– Я уже вас люблю. Я Мередит Тилли, а вы, очевидно, Шарлотта Сильвер.

– Очень приятно с вами познакомиться, – сказала Чарли, наконец вспомнив, что следует встать и пожать Мередит руку.

Тодд жестом пригласил всех сесть, и в эту же секунду зазвонил его телефон.

– Общайтесь пока, – бросил он, отходя к забору.

– Он очень любезен, не правда ли? – сказала Мередит, невинно хлопая ресницами.

– Да, верх галантности.

Они улыбнулись друг другу. Может быть, процесс по изменению имиджа, которым пугал ее Тодд, не будет таким уж страшным.

Они пили фруктовые смузи, которые принес официант, и Мередит рассказывала, как она пришла к тому, чем сейчас занимается. Начинала она с дизайна интерьера, затем работала в пиар-фирме, потом увлеклась антикризисным управлением и наконец открыла собственную консалтинговую компанию по имиджу. У Чарли не укладывалось в голове, как человек до тридцати лет мог сменить шесть профессий. Ей казалось, что она не осилила бы даже две.

– С кем вы работали? – спросила Чарли.

Мередит загадочно улыбнулась.

– Ну, я подписала массу контрактов о неразглашении, так что никаких подробностей. Но кое-что попробую рассказать. Среди моих клиентов была женщина, которая после десятков лет увлечения саентологией оставила это дело и наняла меня, чтобы я помогла ей избавиться от образа религиозного фанатика и приобрести имидж уважаемого писателя. Потом юная поп-звезда, которая залетела в семнадцать лет, когда сидела на метамфетаминах. Теперь она – лицо «Л’Ореаль» и скоро появится в новом сезоне «Танцев со звездами».

– Ничего себе! Правда? Я знаю, о ком вы говорите!

– Пожалуйста, без имен, – попросила Мередит, останавливая ее

поднятой рукой. Другой рукой она задумчиво постучала по столу. – Кто мог забыть актера, который пробивался в бизнес, оказывая определенные услуги каждому продюсеру в городе, и, к сожалению, заработал репутацию проститутки мужского пола? Мы поработали с ним, и он только что засветился на обложке журнала «GQ» как воплощение человека эпохи Возрождения: говорит по-китайски, работает волонтером в женском приюте, встречается с моделью «Victoria's Secret» и все такое. О! Еще почтенная мать четверых детей и весьма уважаемый политик, пожалуй, единственная женщина в истории с серьезной, прямо-таки наркоманской зависимостью от азартных игр. Потребовалось много тяжелой работы, но ее только что избрали на второй срок. Так что, как видите, разное бывает.

– Что бывает разное? – Тодд тяжело опустился на изящный стул между ними, подозвал жестом официанта и заказал мартини.

– Мои клиенты. Рассказываю Шарлотте о своей рабочей биографии.

– Она любит, чтобы ее называли Чарли, – поправил Тодд.

– Она может звать меня, как ей нравится, – сказала Чарли.

– Расслабься, – бросил Тодд, листая меню. – Не вредничай. Все в порядке.

– Честно говоря, я немного удивляюсь. У меня вроде нет проблем с азартными играми, склонности к наркомании или проституции, и, по моему, вообще ничего такого ужасного, что потребовало бы вмешательства. – Чарли повернулась к Мередит. – Вы мне очень симпатичны, но я думаю, что эта затея – пустая трата времени.

Мередит и Тодд переглянулись. Тодд закатил глаза.

– Конечно, ты не наркоманка, – начал Тодд. – Никто ничего подобного и не говорит. Но давайте будем реалистами. Нам нужно...

– Позвольте, я объясню. Да, вероятно, для того, чего мы хотим достичь с вами, моя фирма – слишком тяжелая артиллерия. Вы прекрасны такая, какая есть – красивая девушка, хорошо воспитанная, с отличной репутацией. Ваше прошлое – девушка из небогатой семьи, рано потерявшая мать, – трогает сердца фанатов. Это все здорово, Чарли. Но если возможно сделать имидж еще ярче – а поверьте мне, это возможно, – то все изменения пойдут вам только на пользу.

Вот так, в нескольких словах, вся личность Чарли была четко разложена совершенно посторонним человеком.

Тодд, видимо, заметил, как вытянулось лицо Чарли.

– Не хнычь, детка. Твой спорт – не просто маленькое хобби, а огромная индустрия с кучей возможностей, и, прости мой французский, надо быть душой, чтобы отказываться от своей доли.

Мерedit, кашлянув, покосилась на Тодда.

– Может быть, станет понятнее, если вы подумаете о том, что каждый человек, в любой сфере деятельности имеет некий имидж в глазах других людей. Мы не намерены вмешиваться в вашу личную жизнь и не пытаемся изменить вас фундаментально как человека. Но наивно полагать, что ваш публичный имидж не может быть – или не должен быть – скорректирован, с тем чтобы получить от него максимальную выгоду.

Появился официант с корзинкой хлеба, и Тодд немедленно рывкнул:

– Убрать!

Не дрогнув и мускулом, официант сунул корзинку себе под мышку и принял заказ, не удивившись тому, что все выбрали один и тот же салат.

Чарли подождала, когда он уйдет, и сказала:

– Хорошо, допустим, мой публичный имидж нуждается в некотором пересмотре. Можете ли вы назвать более конкретные детали?

Мерedit улыбнулась.

– Конечно, дорогая. В соответствии с планом Тодда сделать вас более агрессивной и уверенной на корте, мы постараемся отразить те же черты в вашем имидже вне корта. С этой целью мы хотели бы избавиться от «Чарли – милой девчушки» и превратить вас – готовы услышать? – в «принцессу-воина».

– Что? Да бросьте! – Чарли рассмеялась.

Ни Мерedit, ни Тодд даже не улыбнулись.

– Это гениальная идея, Чарли. Это даст тебе твердый, как скала, образ, от которого теннисные фанаты и пресса придут в восторг. Я уверен, это именно то, что тебе нужно.

– Принцесса-воин? Вы серьезно?

Мерedit продолжала, как будто не слышала Чарли:

– Первое. Мы избавимся от цветных теннисных платьев в пользу чего-то темного, сексуального, более вызывающего. Мы выкинем детскую ленточку, которую вы вплетаете в косу. Найдем лучших стилистов и визажистов, чтобы обновить ваш внешний вид – без ущерба физической форме, конечно. Я приведу стилиста, который поможет воплотить этот образ в ваших костюмах на корте и в вашем гардеробе для официальных приемов, интервью, благотворительных вечеров и любых других мероприятий, которые вы будете посещать. Вам потребуется небольшой урок у одного из медиа-тренеров, чтобы научиться лучше говорить и держаться, когда вас снимают на камеру, а за кадром мы проделаем всю работу, чтобы заставить средства массовой информации за вами гоняться. Ваш брат уже готовится заключить новый контракт, который добавит

вашему образу интереса и гламура. Но в целом, нам предстоит сделать сравнительно немного.

Глаза Чарли расширились. Немного? Мередит только что изложила план капитального изменения имиджа, огромный список дел, на выполнение которых потребуется не менее пяти человек.

Тодд сделал глоток мартини.

– Помнишь обещание, что ты забудешь о всяком сентиментальном дерьме? Мы начинаем не с нуля, Чарли. За твои пять лет в женском турне ты умудрилась не наделать серьезных ошибок, которые сейчас требовалось бы устранять. В твоей биографии нет никаких скандалов, сплошь персики да сливки. Осталось нанести только мелкие штришки.

Мередит кивнула.

– Это правда. Намного проще двигаться в другую сторону: вплести толику загадки и интриги, вместо того, чтобы ретушировать горы прежних неблагоприятных поступков.

Официант принес салаты. Тодд забросил вилку салата в рот раньше, чем девушки успели взять свои приборы.

– Я сказал ей, что ты спишь с Марко, – проговорил Тодд с полным ртом.

Чарли ахнула.

– Даже мой родной брат об этом не знает!

Мередит положила свою теплую руку на руку Чарли.

– Я умею хранить секреты. Тодд сказал мне, потому что мы можем использовать это в своих интересах. У меня уже есть...

– Погодите минутку. Я не стану использовать ради имиджа мои... – Чарли не могла себя заставить произнести слово «отношения», – ...мою ситуацию с Марко.

– Конечно, мы понимаем, вы с ним не ради этого, – успокаивающе пропела Мередит. – Но было бы непростительно не признать, что уже существующие отношения могут иметь для всех нас большое значение.

– Это не отношения, – нехотя поговорила Чарли. – И вообще, я не хотела бы обсуждать подобные темы.

Мередит понимающе кивнула, ее рыжие локоны качнулись в знак согласия.

– Доверьтесь мне, Чарли. Мы просто посмотрим, что произойдет дальше. Возможно, между вами все будет развиваться естественным образом, и вы будете готовы открыться. Мы пока не станем спешить.

Тодд сделал большой глоток мартини и облизнул губы.

– Ты представляешь, какая поднимется шумиха в прессе? – обратился

он к Мередит, словно Чарли не сидела рядом. – Если они узнают о них? Какая пара! Оба молодые, красивые, успешные спортсмены. Боже мой, это будет ураган. В хорошем смысле. Даже когда я тренировал Адриана, а он встречался с той супермоделью...

Чарли в панике посмотрела на Мередит.

– Повторяю: не может быть и речи, чтобы впутывать Марко. Да, мы друг другу нравимся, но это не совсем... – Она понимала, что мямлит, понимала, что не обязана давать никаких объяснений по поводу своей личной жизни, однако не могла остановиться. – Все это в любой момент может закончиться. Я даже не знаю, какими словами можно определить «все это», и не собираюсь...

– Чарли. Я все поняла. Марко мы не трогаем. Что там между вами – ваше дело. Мы никак не будем развивать эту тему. Пока.

– Спасибо, – сказала Чарли, досадуя, что все видят ее смущение. Она отпила воды, стараясь не думать о том, что значит это «пока».

Глава 8. Бить, как девчонка

UCLA.

Февраль 2016 года

– С возвращением! – крикнула девушка в футболке с надписью «UCLA» на груди, когда Чарли, Дэн и Тодд пробирались через толпы зрителей, собравшихся здесь, чтобы посмотреть матч.

– Спасибо, что приехали домой! – прозвучал еще один голос.

Чарли улыбнулась и помахала студентам. Она была старше многих из них всего на пару лет, почему она чувствует себя так, будто годится им в матери?

Администрация университета устроила благотворительному матчу большую рекламу – трибуны были переполнены, люди сидели даже в проходах. Чарли мысленно прикинула, сколько денег собрали для фонда по лечению рака молочной железы – той самой болезни, что быстро и безжалостно убила ее мать, – и у нее потеплело на душе.

В благотворительных матчах тренерам разрешалось присутствовать на корте, поэтому Тодд прошел вместе с Чарли. Как бы ни был он критичен и требователен, Чарли радовалась, что он рядом. Одиночество – один из самых сложных аспектов спорта. Во время игры ты полагаешься только на собственную физическую форму и психологический настрой. Вне корта ситуация не сильно отличалась – теннисистки воспринимали друг друга исключительно как соперниц. У Чарли были Пайпер, Джейк и отец – и все.

Ежедневные тренировки в сочетании с безумным графиком поездок не давали заводить друзей. Девушки из маленьких неанглоязычных стран держались теснее, но больше из необходимости, остальные же были каждая сама по себе. Тем не менее Чарли понимала, что она все же в лучших условиях, чем спортсмены из других видов спорта, где тренер дает тебе три минуты, чтобы проявить себя, а потом отправляет на скамейку запасных.

– Чарли! Чарли Сильвер! – окликнул женский голос.

Чарли обернулась и оглядела море лиц. Голос казался робким, словно женщина боялась помешать, но при этом странно знакомым.

– Чарли! Я здесь.

Потребовалось несколько секунд, чтобы отыскать глазами того, кто ее окликнул, – и Чарли едва не выронила ракетку.

– Эйлин? – недоверчиво проговорила она, обращаясь скорее к себе, чем к лучшей подруге матери, с которой они давно утратили связь.

– Да! – Женщина засмеялась, наморщив носик. – Меня, наверное, не узнать с поседевшими волосами.

Действительно, аккуратный серый пучок вместо русого хвостика сначала озадачил Чарли; теперь, когда она присмотрелась, и не скажешь, что Эйлин сильно постарела.

– Не могу поверить! – Чарли подошла к ограждению. – Как давно мы не виделись? Двенадцать лет?

Эйлин виновато опустила глаза.

– Прости, – прошептала она.

– Нет, я не имела в виду... только, что очень давно... давно не виделись. И все.

Эйлин подалась вперед и взяла Чарли за руку.

– Мне не следовало оставлять вашу семью. Я просто была тогда так... разбита. И у меня были проблемы с... Ну, ладно, тебе сейчас не до того. – Она отпустила ее руку. – Я работаю помощником декана в приемной комиссии, и... вот слышала, что ты будешь сегодня здесь, и решила зайти поздороваться...

– Сильвер! – Голос Тодда ударил ее, как лопатой. – Заканчивай сплетничать. Тащи сюда свою задницу!

На корте Дэн делал растяжку для задней поверхности бедра. Тодд нервно расхаживал взад и вперед.

– Иди, я не хочу мешать, – заторопилась Эйлин. – Я просто... просто хотела поздороваться. И поздравить тебя с огромными достижениями. Твоя мама... – Эйлин замолчала, словно подумав, что она не имеет права говорить о матери Чарли после того, как внезапно исчезла после ее смерти. – В общем, удачи!

– Сильвер! Живо сюда!

Чарли постаралась ободряюще улыбнуться Эйлин.

– Простите, мне нужно работать.

– Конечно. Иди. Мне и самой пора идти, но было... было очень приятно увидеть тебя. Правда.

Чарли побежала к задней линии и на бегу повернулась, чтобы помахать ей еще раз, но Эйлин уже исчезла в толпе. Чарли вытащила мяч из-под юбки, подкинула его и ударила Дэну под правую руку. Ей было немного неловко из-за того, что она привела своего спарринг-партнера на благотворительный матч в колледже, – так потребовал Тодд, чтобы не потерять ни дня из ее тренировочного графика. Другими словами, после

показательного матча будет полноценная тренировка. Стараясь не думать о том, как будут болеть мышцы после четырех часов тенниса, она сосредоточилась на разогреве мышц.

Толпа восторженно охала и ахала, когда Чарли посылала свечки (Дэн любезно отбивал ей на ракетку, чтобы было полегче) и грациозно отбивала слева.

Позже, когда она отдыхала и пила воду, на корт вышла соперница.

Чарли встала, чтобы поздороваться с миниатюрной китайкой, занимавшей первое место в рейтинге университета, но Тодд удержал ее за руку.

– Подожди, пока она сама подойдет, – тихо сказал он.

– Ты серьезно? – спросила Чарли, наблюдая, как девушка машет своим друзьям. – Она еще ребенок.

– Она твой противник, и ты должна относиться к ней соответствующе. Ты профессиональная спортсменка или чертова дебютантка?

– А нельзя быть хорошей спортсменкой и оставаться дружелюбной? – спросила Чарли. – Ясно, что я разгромлю ее. Я хотела бы, по крайней мере, быть при этом вежливой.

Дэн стоял в стороне, качая головой. Не в состоянии понять, почему Чарли хочет облегчить девочке задачу? Или же он согласен с Чарли в том, что Тодд перегибает палку?

– Здравствуйте! Я Юань. Большое спасибо, что сегодня пришли. У моей тети рак груди, и для меня особая честь играть с вами в поддержку борьбы с недугом. Я очень благодарна вам за то, что вы приняли мое приглашение.

Юань широко улыбнулась, и Чарли не удержалась от ответной улыбки.

– Я тоже рада участвовать в этом матче, – сказала она искренне. – Моя мать умерла от рака груди, когда мне было одиннадцать лет, поэтому я понимаю ваши чувства. И я рада, что вы выбрали меня.

Каждый год теннисист, занимающий в рейтинге UCLA первое место, может выбрать благотворительную организацию для показательного матча и пригласить любую знаменитость в качестве соперника. В Лос-Анджелесе большинство теннисистов выбирали актеров или музыкантов, что не обещало увлекательного матча; с другой стороны, кто не захотел бы посмотреть, как Брэдли Купер бежит по корту в шортиках, с блестящим от пота голым торсом, расточая публике улыбки? Чарли читала, что в прошлом году приглашали Риз Уизерспун. Когда Чарли получила право выбрать знаменитость, она не колебалась ни секунды: Мартина Навратилова. Мартина любезно согласилась и, хотя была старше Чарли на

тридцать пять лет, сумела взять первый сет. В следующих двух Чарли победила. Игра против живой легенды была самым захватывающим матчем в ее жизни. С точки зрения достижений и опыта Чарли отставала от Навратиловой на тысячи световых лет, но она надеялась, что Юань испытывает нечто хотя бы немножко схожее с ее чувствами в тот день.

– Не отдай ей больше, чем один гейм в каждом сете, – прошептал Тодд ей на ухо.

– Я не собираюсь «отдавать» ей ни одного гейма, – отрезала Чарли.

– Унизишь ее «двойными бубликами»^[5]?

– Еще унижительнее знать, что кто-то отдает тебе гейм.

Она испытала облегчение, когда увидела, что Юань играет отлично. Она взяла гейм у Чарли в первом сете и два – во втором. Девушка, при ее миниатюрности, оказалась на удивление сильной. Студенты бешено аплодировали им обеим.

– Это было потрясающе, спасибо, – сказала Юань, когда они пожимали друг другу руки.

– Вы отлично играли, – ответила Чарли. – Не думали перейти в про?

Юань посмотрела на нее озадаченно.

– В профессионалы? Я? Ни за что.

– У вас есть все данные, – выдохнула Чарли, падая на стул рядом с сеткой. – Вы лучше, чем была я, когда здесь играла.

– Спасибо, приятно слышать. Но я собираюсь получить диплом. Хочу изучать медицину и вернуться работать в Китай. Теннис прекрасная игра, но это только средство для достижения цели.

– Понятно. – Чарли внезапно почувствовала неловкость.

Тодд подошел к ним и похлопал Юань по плечу.

– Хороший матч. Вы, наверное, могли бы взять еще один гейм у Чарли, если бы больше рисковали. Особенно с вашей первой резаной подачей. Когда вы играете против более опытного теннисиста, недостаточно просто держать мяч в игре. – Он повернулся к Чарли: – А ты ленишься, еле волочила задницу по линии!.. Ладно, встретимся на шестом корте через десять минут. Я послал Дэна за едой, но никакого обеда, пока мы не закончим.

Они смотрели, как Тодд взял сумку с ракетками Чарли и пошел с корта.

– Вот почему я не играю профессионально, – засмеялась Юань.

– О, к этому привыкаешь. Когда не нужно ходить на занятия в колледже, для тренировок времени хватает, – сказала Чарли, хотя она понимала, что Юань имела в виду совсем другое.

– В любом случае спасибо. И удачи вам на предстоящем чемпионате. Буду за вас болеть! – Юань обняла Чарли на прощание и побежала с корта, без сомнения, в горячий душ, а потом, вероятно, на вечеринку с друзьями – или в кино, или за учебники, а может быть, даже в бар. Чарли смотрела ей вслед с завистью.

Дэн ждал на шестом корте с коробкой из «Старбакса», в которой лежало сваренное вкрутую яйцо, порезанное кусочками яблоко, сухое печенье и пакетик арахисового масла. Чарли сразу выпила пакетик шоколадного молока, даже не потрудившись воспользоваться соломинкой, а затем быстро съела все остальное.

– Спасибо. Ты спас мне жизнь.

– Не за что. Я бы взял тебе кофе, но Тодд пристрелил бы меня, как собаку.

Чарли фыркнула от смеха.

– Да, наверное, жизнью рисковать не стоит.

– Ты выглядела потрясающе, – сказал Дэн, кивая в сторону первого корта. – Я имею в виду... ну... ты играла очень уверенно... и вообще, я думаю, ты здорово прогрессировала после...

Зазвонил телефон Чарли. Определитель номера показал кучу цифр, которые значили только то, что звонили из-за границы. Чарли взглядом извинилась перед Дэном и ответила.

– Шарлотт? – Голос и акцент она узнала мгновенно, несмотря на то что еще ни разу не говорила с ним по телефону. Неужели правда? Ни разу – за целый год? Только сообщения и электронная почта и ни одного настоящего, живого разговора?

– Марко? – спросила она, хотя, конечно, знала, что это он. Дэн, стоявший рядом с ней, поморщился. Она понимала, что прервала его довольно невежливо – но, в конце концов, это же Марко. – Где ты?

– Привет, красавица! Я сейчас в Рио. А ты в Калифорнии?

– Да, я только что закончила товарищеский матч в Лос-Анджелесе. Я буду тренироваться здесь, пока не поеду в Палм-Спрингс...

Он ведь помнит? Помнит, что именно в Палм-Спрингс они впервые переспали год назад после бутылки шампанского и купания нагишом? Тот жесткий ковер перед газовым камином? Как на следующее утро они завтракали вместе в ресторане гостиницы, потому что им не от кого было прятаться? А теперь у нее есть консультант по имиджу, которой не терпится объявить на весь мир, что они – пара.

– Да, поэтому и звоню. Хотел предупредить, что мне пришлось сняться с Индиан Уэллс. Мы не увидимся на следующей неделе.

Сказать, что Чарли была разочарована – ничего не сказать. В мыслях она уже рисовала сцену следующего свидания, и она была очень похожа на их первую ночь. Однако отчасти она была рада: она узнала о том, что его не будет, не из ежедневной сводки новостей, рассылаемой Теннисной ассоциацией, Марко сам ей позвонил. Правильно ли радоваться тому, что мужчина, с которым она спит, ей позвонил – впервые за год?

– Это из-за твоего плеча?

– Да, потянул. Физиотерапевты советуют взять две недели отдыха, чтобы не повредить его сильнее.

– Мне очень жаль. Ты останешься в Рио?

– Нет, сегодня вечером лечу в Мадрид к родителям. Но я хотел убедиться, что увижу тебя в Майами.

– Майами? Да, конечно. Майами. – Она покосилась на Дэна, который явно подслушивал.

– Пока, Шарлотт. Посылаю тебе воздушные поцелуи. Скучаю.

Чарли так сильно стиснула телефон, что трубка чуть не выскользнула из руки.

– И я ск... – Она осеклась, вспомнив про Дэна. – Тоже. Звони.

Чарли все еще смотрела на телефон, не веря своим глазам, когда Дэн сказал:

– Все в порядке. Я никому не скажу.

– Не скажешь что? – фыркнула она. – Тут нет никаких тайн.

Дэн пожал плечами:

– Если ты не заметила, я провожу с тобой почти каждый день. Я давно знаю. И Тодд. Мы не слепые. Но это не мое дело. Просто хотел заверить тебя, что не проболтаюсь.

– Ты прав, это не твое дело. И что бы ты там себе ни придумал, ничего нет.

Дэн поднял руки вверх.

– Понял.

К ним шел Тодд с прижатым к уху телефоном.

– Давайте, шевелитесь! – крикнул он.

Тренировка была жестокая. Чарли едва могла сосредоточиться, мешала усталость после показательного матча, мысли о звонке Марко и странном разговоре с Дэном. В результате Тодд неистовствовал больше обычного.

– Где ты, мать твою? – кричал он. – Где витаешь мыслями?! Ты не сосредоточена! О чем думаешь? О маникюре? Шопинге? Маске для лица? Шарлотта Сильвер, мне нужно, чтобы ты сосредоточилась!

Чарли чувствовала, что краснеет. Она старалась не замечать

собиравшуюся у корта толпу.

Дэн послал сложный мяч под левую руку. На мгновение Чарли показалось, что она почувствовала легкую боль в левом запястье.

– Соберись! – рявкнул Тодд.

Так продолжалось два часа: Дэн посылал ей мячи, Тодд вопил как полоумный. Чарли отчаянно пыталась быстро передвигаться по корту, разворачивать плечи, бить выше, дальше, крученей; она проводила мяч, меняла хватку, ниже сгибала колени, внимательно следила за мячом, семенила ногами у сетки и била смэш даже более агрессивно, чем обычно. Тодд объявил, что не разрешит отдохнуть, пока они с Дэном не перебьют десять ударов подряд. За полчаса она осилила только шесть – седьмой Дэн ударил точно по линии, и у Чарли не хватило сил даже протянуть ракетку в сторону мяча.

– Где твоя гребаная голова? – вопил Тодд. – Ты ослепла? Или просто ленишься?

Чарли понимала, что лучше не отвечать. Она сосредоточилась на том, чтобы отбить следующие три, и даже сумела положить четвертый под заднюю линию, так что Дэн не успел на него среагировать.

– Это считается? – спросила она, направляясь за водой.

– Вернись на место! – прорычал Тодд, схватив ее бутылку. – Ты еще не заработала свой перерыв.

Чарли кивнула и побежала обратно. Ей хотелось убить Тодда, но она знала: так он работает. Тодд ломал своих учеников на части, а потом лепил из этих частей победителей. Чемпионов. Поэтому, несмотря на то что она устала, хотела пить и сесть на этот горячий корт и расплакаться, Чарли вернулась на линию. Она прыгала, бегала и ныряла за мячом, разворачивалась к сетке боком, чтобы сделать удары над головой в противоположный угол корта, и спешила назад, чтобы отбить мяч в падении. Каким-то чудом она вернула подряд девять ударов с лета и, наконец (наконец-то!), отбила десятый – относительно легкий удар с лета у сетки, отправив его на другую сторону корта скорее с изяществом, чем с силой. Красивый удар – он попал в самый угол корта.

Тодд кивнул, что обрадовало Чарли так, словно он написал ей поздравления самолетом в небе.

– Классно, правда? – сказала она и ткнула его в бок ракеткой. – Признай, ты впечатлен.

– Я буду впечатлен, когда ты выиграешь Индиан Уэллс на следующей неделе, а потом в Майами. А пока я хочу от тебя больше агрессии. Ты до сих пор слишком мягкая. Бьешь, как девчонка.

– Я и есть девчонка, – сказала Чарли.

Тодд зло посмотрел на нее.

– Наталья далеко не мужеподобная, а она – первая ракетка мира, – заметила Чарли.

Толпа студентов расступилась, пропуская их, и они аплодировали Чарли, пока она вслед за Тоддом шла с корта. Пот ручьями тек с ее лба. Дэн шел позади с двумя теннисными сумками – своей и Чарли.

– Ты знаешь, что она среди лучших теннисисток мира? – сказала одна девушка своей подруге.

– Она красотка, – шепнул какой-то парень своему другу.

– Если тебе нравятся мужские ноги, – ответил друг.

– Чувак, она может тебя услышать!

– А что? Она, небось, и сама это знает. Шикарные волосы, отличная задница, но ноги крупноваты.

– Ваш друг прав, – громко сказала Чарли второму парню, юнцу с волосатыми руками и редкой бородкой. – Я вас слышу.

– Не обращай на них внимания, Чарли. Ты супер! – раздался еще один голос.

Чарли ответила благодарной улыбкой и ускорила шаг, чтобы догнать Тодда, который уже подходил к раздевалке.

– Наталья крепкая, как гвоздь, и никому не уступает. Вот о чем я говорю, – объяснил Тодд.

– Я работаю на износ днем и ночью. Не помню, когда я в последний раз съела печенье или гамбургер. Я провожу на корте и в тренажерном зале больше времени, чем...

– У меня нет претензий к твоей трудовой этике, – оборвал ее Тодд. – И твои удары неплохи. Не идеальны, но у тебя больше природного таланта, чем кто-либо заслуживает, и твой удар одной рукой слева чертовски великолепен. Не хватает тебе решимости победить. Не новость, правда? В нашу первую встречу я сказал то же самое. Я знаю, ты хочешь стать первой. Я не согласился бы работать с девчонкой, если бы я не увидел, по крайней мере, этого стремления. Но хотеть и добиваться – две разные вещи. Мне нужна жесткая Чарли. Свирепая Чарли. Чарли, шагающая по трупам. Моя задача – сделать тебя такой. Твоя – научиться использовать эти качества. Сумеешь?

За исключением фразы «работать с девчонкой», это была самая большая похвала, какую Тодд когда-либо ей говорил. Чарли старалась не улыбаться.

– Да, – кивнула она. – Я знаю, что смогу.

– Хорошо. Поужинай, и девять часов сна. Сегодня я оставляю тебе запись матча между Ивановой и Азаренко. Обрати особое внимание, как эти теннисистки взаимодействуют – пока готовятся играть, во время смены сторон и так далее. Ясно, что они готовы перегрызть друг другу глотки. Думаю, это должно тебя вдохновить. Увидимся в тренажерном зале завтра ровно в семь тридцать.

И, не попрощавшись ни с Дэном, ни с Чарли, он ушел.

– Чарли, может, перекусим вместе? Я слышал про одно местечко, где подают отличный суп рамен. Это прямо возле кампуса, и клянусь не говорить Тодду...

Звучало соблазнительно – ресторан, еда, легкая болтовня с Дэном, но она не могла заставить себя сказать «да». У нее возникло странное чувство, какое бывало после проигрыша матча – воодушевление и страшная усталость одновременно.

– Или можно поехать в «Ин-энд-аут» в Вествуде, всегда беспроигрышный вариант.

– Я слишком устала, давай как-нибудь в другой раз. Сегодня хочу поесть в своем номере и пораньше лечь спать.

– Конечно, нет проблем, – быстро сказал Дэн.

– Прости... Мне просто нужно...

– Все в порядке. Спокойной ночи. – Он повернулся, чтобы уйти, затем вспомнил про ее сумку. – Вот, держи. Или, хочешь, заброшу ее тебе в гостиницу?

– Нет, не нужно. Спасибо.

Чарли смотрела ему вслед, чувствуя одновременно вину и облегчение.

Она хотела было пойти в раздевалку, однако вспомнила, что впереди свободный вечер и намного приятнее принять ванну в роскошном гостиничном номере. От университетского городка до гостиницы было чуть больше пяти километров, и хотя Чарли планировала прогуляться по бульвару Уилшир и, возможно, потом дойти по Родео-драйв и поглазеть на витрины, она все же вызвала такси и поехала в гостиницу. Там она сразу прошла в ресторан, собираясь попросить, чтобы ей принесли в номер салат, и на входе столкнулась с Брайаном, своим бывшим бойфрендом из колледжа.

– Чарли Сильвер! – воскликнул он.

На нем не было обычных походных ботинок, шерстяного жилета и армейских зеленых брюк, у которых молнией отстегивались штанины. Не было сексуальной двухдневной щетины и длинных волос. Изменился даже его запах: ни намек на сладковато-дымный сосновый аромат, из-за

которого всегда казалось, что он только что вышел из жестокой схватки с лесным пожаром. Обычный взрослый мужчина в деловом костюме. И не в простом костюме, а в сшитом явно на заказ, достаточно шикарном для улиц Парижа или Барселоны. Чисто выбритый, подтянутый и зрелый.

– Здравствуй, Брайан.

Чарли не удивилась ни этой встрече, ни его новому деловому виду. Насколько она знала, он не обновлял свой профиль на «Фейсбуке», зато регулярно постил фотографии в «Инстаграме». Брайан поддерживал связь с Пайпер, поэтому Чарли было известно, что он часто бывает в Лос-Анджелесе, сейчас живет в Чикаго и недавно съехался с подружкой, вылитой Дженной Буш.

Брайан широко улыбнулся.

– Что ты здесь делаешь? Разве твой отец не живет до сих пор в Топанга?

Чарли почувствовала, как ее щеки краснеют, – почему она поселилась в гостинице, а не в доме отца? И конечно же, Брайан уловил это в полсекунды.

– М-м, понимаешь, сегодня вечером я играла товарищеский матч, и университет предложил оплатить мне номер, чтобы не пришлось поздно ночью ехать на машине обратно... Я сейчас как раз шла в душ... – Она вдруг вспомнила, что по-прежнему в мокрой спортивной одежде, и отступила на шаг. Нет чтобы столкнуться с бывшим бойфрендом в красивом платье – надо непременно оказаться в пропотевшей форме и с грязными волосами, небрежно закрученными в узел! И с красным лицом.

– Ну, выглядишь отлично, – сказал Брайан явно из вежливости, потому что это не могло быть правдой.

– Я выгляжу как Кортни Лав после пьянки. А может, и хуже, – вздохнула Чарли.

Брайан рассмеялся.

– Слушай, есть время посидеть, выпить кофе? – Он посмотрел на часы. – У меня деловой ужин в девять, а до тех пор я свободен.

Чарли на секунду замерла. Меньше всего ей хотелось сесть и поболтать с Брайаном, и уж тем более она не желала ничего слышать о его новой подружке. Она с тоской подумала о ванной в номере и ужине в постели перед телевизором.

Брайан, очевидно, заметил ее колебания.

– Да ладно, пятнадцать минут. Во имя старых времен.

Чарли не смогла быстро придумать оправдание: она явно никуда не спешила, судя по тому, как была одета, к тому же они с Брайаном не

виделись вечность.

– Хорошо, пятнадцать минут, а потом мне действительно нужно идти к себе. Сядем здесь?

Подошел официант. Она заказала содовую с лаймом, а Брайан, смущаясь, попросил клубничный пунш с водкой.

– С зонтиком, если можно, – добавила Чарли. – Он их очень любит.

Напоминание о старой шутке прошло удачно, однако за ним последовало неловкое молчание.

– Ну, что... – сказали они одновременно и засмеялись.

– Ну, что... Поздравляю с успехами. Серьезно, Чарли, ты многого достигла. Где ты сейчас? В верхней двадцатке? Выше? Потрясающе.

Чарли старалась не выглядеть слишком довольной.

– Спасибо. Приятно, конечно, пробиться в первую двадцатку. Я получила травму на Уимблдоне в прошлом году, и потом был долгий путь обратно. Новый тренер разработал для меня оригинальную программу, и мы надеемся, что идем в правильном направлении.

– Бывший тренер Эверсола и Надаля, если не ошибаюсь? И ты первая женщина-спортсменка, с которой он согласился работать? Весьма впечатляет.

Значит, он следит за ее карьерой. Любопытно.

– Как ты сейчас себя чувствуешь? – спросил Брайан. И быстро добавил: – Я имею в виду травму. Получше?

– Да, пожалуй. Физически все восстановилось. Психологически – сложнее. Я не хочу бояться сделать выпад, резкий разворот и так далее; мне надо учиться доверять своему телу, поверить, что все действительно так же хорошо, как прежде. На запястье я редко обращаю внимание, а нога до сих пор иногда беспокоит. Чисто психологически.

Она собиралась поинтересоваться у Брайана, что за дела привели его снова в Лос-Анджелес, но он подался вперед и спросил:

– Каково это на самом деле – быть в турне? Правда так гламурно, как кажется нам, простым обывателям?

Этот вопрос ей задавали тысячи разных людей не меньше тысячи раз, и она всегда отвечала одинаково сдержанно: я люблю свой спорт; усердно работай – усердно играй; переезды утомляют, но возможность каждый день заниматься любимым делом того стоит. Однако то, как Брайан напряженно наморщил лоб, ожидая серьезного ответа, заставило ее задуматься.

– Бывает очень трудно, – тихо призналась Чарли. – Каждую неделю новый гостиничный номер. Нет ни одного места, где чувствуешь себя дома. У меня нет нормальной жизни. Наверное, самое трудное – находиться

вдали от... людей, которых любишь. Я редко вижусь с папой, мне трудно поддерживать связь с друзьями... К счастью, Джейк часто ездит со мной.

Брайан кивнул.

– Не сомневаюсь, это тяжело.

– Пойми меня правильно, я не жалею. Просто я не распоряжаюсь своим временем. Я могу провести на турнире две недели, если выигрываю, а могу вылететь в первый же день – все решается за считанные минуты, и поэтому ничего невозможно планировать заранее. Но сейчас, по-моему, все приходит в норму.

Официант принес напитки. Брайан поднял свой бокал.

– За воссоединение. Рад тебя видеть, Чарли.

– И я рада! – сказала она с большим энтузиазмом, чем намеревалась. – Я все болтаю о себе, а ты до сих пор ничего мне не рассказал. Ты ведь сейчас живешь в Чикаго?

– Да, пару лет назад переехал. После Лос-Анджелеса к тамошним зимам привыкать трудно, но я постепенно акклиматизируюсь.

– Переехал из-за работы?

– Да. Я работаю в экологической консалтинговой фирме. Мы помогаем компаниям стать более «зелеными», а сейчас я в Лос-Анджелесе, чтобы провести первые собеседования с нынешними выпускниками. Мы каждый год принимаем несколько свежее испеченных специалистов. В UCLA сильная программа, и наша компания любит нанимать здесь новых сотрудников.

– Корпоративная Америка, Брайан! Пусть «зеленая» версия, и все же. Ты девятнадцатилетний, покуривающий косячки и слушающий «Фиш», никогда бы в такое не поверил.

Он засмеялся.

– Честно сказать, я и сейчас время от времени покуриваю, хотя моя подружка это не одобряет. «Фиш», кстати, не одобряет тоже. Мы в основном слушаем исполнителей авторской песни и альт-кантри. Ходячее клише.

– Бывает, – пожала плечами Чарли. – Ну, расскажи мне о ней. Как ее зовут?

Брайан поднял взгляд, чтобы убедиться, что Чарли не настроена язвительно и не думает обижаться. Успокоенный, он стал рассказывать, и как только он начал, Чарли захотелось, чтобы он замолчал.

Брайан описывал, как выглядит Финли, рассказывал, как совершенно случайно они познакомились и как мгновенно поладили. Чем больше оживлялся Брайан, тем менее внимательно Чарли его слушала. До ее

сознания дошло только, что она медсестра, они застряли в лифте, что-то про Санта-Фе, большую собаку (или маленькую?) с какой-то раздражающе сахарной кличкой, пять братьев и сестер, марафоны... Брайан не особенно вдавался в детали, и все же это было гораздо больше, чем Чарли требовалось, чтобы нарисовать мысленной образ спортивной блондинки Финли (что это за имя?), не паникующей в лифте, где она застряла после пробежки с бернской овчаркой (или датской таксой?), спеша к бранчу со своими братьями и сестрами, которые принесли домашнюю овсянку, французские тосты и прочие высококалорийные продукты, которые Финли могла есть сколько хотела, не набирая вес. О, и еще она была настоящей звездой в постели, но, разумеется, только для него – постоянно жаждала секса с преданным ей мужчиной, потому что он единственный, с кем она чувствовала себя достаточно комфортно, чтобы раскрыть свою внутреннюю богиню. Все эти прекрасные качества, перевязанные ленточкой, вдруг вызвали в Чарли презрение к девушке, с которой она даже не была знакома.

– Похоже, тебе повезло, – сказала Чарли без всякой издевки. Она не испытывала ревности – только скуку, усталость и желание сбежать.

– Да, точно.

– Здорово, – пробормотала Чарли.

Она чувствовала, что проделала хорошую, если не великолепную работу, изображая интерес к оставшейся части беседы, посвященной в основном информации об их родных. Когда Брайан вежливо спросил, не хотела бы она что-нибудь еще, Чарли еле сдержалась, чтобы не броситься к лифту. Прощальное объятие вышло довольно скованным – как бывает, когда люди наполовину обнимают, наполовину отстраняются друг от друга. Когда двери лифта закрылись и Чарли оказалась в блаженной тишине, она выдохнула с облегчением. На дверной ручке номера висел пакет с двумя дисками – обещанная Тоддом запись какого-то суперагрессивного матча Иванова – Азаренко; Чарли бросила пакет на кровать и включила воду в ванной.

Подумав, что бывшим бойфрендам место в «Инстаграме», а не в реальной жизни, она разделась и опустилась в горячую ванну.

Пиликнул телефон.

Рад был видеть тебя сегодня вечером.

Да неужели? После всего этого неловкого молчания, избыточной информацией друг о друге и неуклюжих объятий? Не говоря уже о

неподражаемой Финли, согревающей его постель и вносящей свет в его жизнь.

Я тебя тоже!

Снова сигнал. На этот раз сообщение пришло не от Брайана.

Еще раз привет! Какого числа приезжаешь в Майами? Буду ждать...

Широко улыбаясь, Чарли заставила себя выключить телефон, не отвечая. Она слышала слова Тодда: «Веди себя как победитель, а не как побитый щенок». Ну и ладно. Дадим Марко поволноваться: чем это Чарли занята? Ответим ему утром. Глупо? Да. Работает? Несомненно.

Она погрузилась в ванну, и горячая воды омыла ее плечи. Чарли снова представила себе сцену воссоединения с Марко. Пусть он тогда, в Австралии, и не откликнулся на ее приглашение, но ведь потом прислал ей то забавное видео? А когда она ответила ему, что это очень смешно, он написал: «Целую». Конечно, не как у Шекспира, но, по крайней мере, он помнит о ней. Возможно даже, что на него снизошло такое же откровение: вместе им хорошо, секс – фантастический, они понимают сложности жизни друг друга, и у них есть общее – теннис. Другие известные люди встречаются, например, Наталья и Бенджи. Пока они оба достаточно дисциплинированы, чтобы оставаться сосредоточенными на своих главных целях, почему бы им не иметь настоящие отношения?

Какой еще Брайан? Чарли закрыла глаза и вдохнула запах лавандовых свеч, которые она зажгла и поставила рядом с ванной. Он весь твой, дорогая Финли. Весь твой.

Глава 9. Принцессы-воины не носят шлепанцы

Майами.

Март 2016 года

Чарли вошла через смежную дверь в свою комнату в отеле «Времена года» и удивилась, увидев Джейка, сидящего на ее кровати. Если не было важных дел, он старался не вставать раньше восьми. Лучше – девяти.

– Что случилось? – спросила она. Первая мысль была об отце. – Что-то с папой?

– Папа в порядке. Все живы-здоровы. Не хочешь мне сказать, где ты была в шесть утра? Похоже, не в тренажерном зале.

Чарли машинально посмотрела на свою одежду: на ней были крошечные шорты, украшенные вышитыми розочками, свободная рубашка с низким вырезом на спине, мягкими складками свисающая с плеч, и домашние тапочки. Любой, у кого есть глаза, мог заметить, что под этим нет нижнего белья. В три шага она дошла до ванной и схватила халат, висевший за дверью.

– Не твое дело! Скажи лучше, зачем ты проник в мою комнату посреди ночи?

– Ты пропустила допинг-тест, – сказал Джейк, проводя рукой по волосам. – Они ждали двадцать минут. Хотя и не обязаны. А потом ушли. Мне сообщили в офис.

– Вот черт. – Чарли села на стул у письменного стола.

– Пока всего лишь предупреждение, Чарли. В следующий раз тебя автоматически отстранят от участия в турнире, независимо от результата.

– Невероятно! Каковы были шансы, что они придут именно сегодня?

– Каковы шансы? Я бы сказал, чертовски высокие. Мы же в Майами! Думаешь, они пришли бы в шесть утра в Катаре или Флориде? Включи мозги, Чарли.

Она шлепнула себя по бедру. Вот дура! Радостно прыгая в постель Марко, она совершенно забыла о часовом окне, предоставленном ею для допинг-контроля.

– И хватит прятаться. Я давно знаю, что ты с кем-то спишь. Просто скажи, кто он. Теннисист? Тренер? А может, твой спарринг-партнер? Он

симпатичный.

– Дэн? Он совсем ребенок.

– На два года моложе тебя, едва ли скандальная разница в возрасте. Даже неинтересно. Хочешь сказать, ты не заметила его потрясающие кубики пресса?

Вообще-то, эта деталь от нее не ускользнула. Дэн был чуть стройнее, чем ей нравилось, и на пару сантиметров ниже, но его пресс компенсировал все. И кто бы не заметил отличные зубы и красивую легкую улыбку?

– Дэн очень симпатичный, да, – сказала Чарли. – Но мы с ним почти и не разговаривали за те несколько месяцев, что работаем вместе. Он отбивает мои мячи, говорит Тодду: «Слушаюсь, сэр» – и убегает с корта в ту же секунду, как заканчивается тренировка. Уверена, он прекрасный человек, но я с ним не сплю.

Джейк раздраженно вздохнул.

– Мы все знаем, что ты с кем-то спишь. Кто он? Леон? Паоло? Виктор? Виктор, да? Я слышал, он только что расстался с подружкой. И смахивает на Брайана – такой же хиппи.

Чарли усмехнулась. Игра начинала ей нравиться.

– Брайан, да будет тебе известно, превратился из хиппи в корпоративного менеджера. И ты правда считаешь, что Виктор – мой тип мужчины? Даже обидно. Тем более, так уж случилось, что у меня интрижка с Марко.

Она взволнованно ждала реакции Джейка. Брат озадаченно смотрел на нее.

– Марко? Какой Марко?

– Скольких Марко ты знаешь? Подумай.

– Марко Акоста, массажист Леона? Или он теперь работает с Раджем? Не помню.

– Джейк! – Она ударила его по руке.

Он наморщил лоб.

– Бизнес-менеджер Роджера? Разве он не женат?

– Я тебя сейчас убью.

– Просто скажи!

– Я не обязана. Это нелепо.

– Что нелепо? Что ты спишь с женатым бизнес-менеджером Роджера, который старше тебя... на сколько? На двадцать лет?

– Марко Вальехо, придурак.

Челюсть Джейка отвисла.

– Марко Вальехо? – прошептал он.

– Единственный и неповторимый. Неужели так трудно поверить, что он станет со мной спать?

– Да!

– Ну, спасибо. Умеешь сказать девушке приятное.

– С ума сойти. У тебя роман с Марко Вальехо?

– Так, это уже становится оскорбительным. Или хочешь сказать, ты тоже с ним спишь? Помнишь, ты всегда боялся, что однажды такое случится? Мы западем на одного и того же парня...

Джейк, наконец, закрыл рот.

– Да я бы переспал с ним в одну секунду! Кто бы отказался? Увы, с сожалением должен сообщить, что я не...

– Ну, а я с ним сплю! Я как раз от него, вообще-то. – Чарли озорно улыбнулась.

– О, боже! Он красавчик. И все это время ты с ним?.. Пряталась, думая, что никто из нас не заметит? Как ты могла мне не рассказать?!

– Первый раз случился в прошлом году, после «Индиан Уэлса»...

– В прошлом году?

– Помнишь, я тогда осталась одна отдохнуть в Палм-Спрингс? Он тоже был там, ну и... Потом мы виделись тут и там... потом снова в Австралии. Ничего серьезного.

– А звучит вполне серьезно.

– Да нет, это так... время от времени. Без обязательств.

– И тебя это устраивает? Мне трудно поверить.

Чарли обдумала его слова.

– Я не в восторге от того, что мы крадемся друг другу в номера, как будто изменяем своим супругам. Но пока все нормально. И, кажется, в последнее время отношения немного набирают обороты. Не пойми меня неправильно, вряд ли мы мчимся к алтарю, просто он начинает вести себя так, как будто я нравлюсь ему немного больше, чем остальные девушки, с которыми он, вероятно, спит.

– Как романтично.

– Не осуждай, Джейк! Ты сам прекрасно видишь, что нормальные отношения для меня практически невозможны. А у тебя какое оправдание, кстати? Раз уж мы об этом заговорили, ответь, почему ты единственный гей-монах, из всех кого я знаю?

– Чарли...

– Нет, в самом деле, что происходило в твоей личной жизни с тех пор, как ты привел домой Джека? Два года назад? Ничего. Если ты не какая-то тайная вип-персона на «Гриндр»^[6], то не тебе меня учить. Для того, кто

утверждает, что хочет когда-нибудь завести детей, у тебя еще много работы на ниве романтики.

Джейк поднял руку.

– Это совершенно разные вещи. Я встречаюсь с парнями, просто не чувствую необходимости рассказывать тебе о каждом неудачном свидании. Да, я ищу серьезные отношения, и представь, их примерно так же легко найти гею под тридцать, как профессиональной теннисистке. Но мы отклонились от темы. Кто еще знает?

Чарли задумалась.

– Вряд ли он кому-нибудь говорил. И я никому не говорила, кроме Пайпер. Знает Тодд, так уж вышло. Да, и Дэн. И теперь ты.

– Ты сказала Тодду, а мне – нет?

– Ох, не будь ребенком, Джейк. – Чарли затянула халат потуже, наслаждаясь этим разговором больше, чем ожидала. – Между прочим, Марко предложил мне вместе пойти на прием для теннисистов. Я сама удивилась.

Джейк рухнул в кресло, как будто его подстрелили.

– Врешь.

– Нет. Вот буквально только что. Когда я выходила.

– И что он сказал?

– «Чарли, ты не хотела бы сегодня вечером пойти на прием вместе со мной?» Вполне прямолинейно.

– О, боже. Ты готова к этому?

– К чему? Я еще не дала согласия. Я сказала, что напишу, когда уточню свои планы.

– Вау. Я удивлен. Ты умнее, чем я думал.

– Благодарю, – улыбнулась Чарли. – Если честно, когда Пайпер предложила игру в манипуляцию, я считала идею смехотворной, однако эти уловки с труднодоступностью, похоже, работают. Он теперь явно хочет меня больше.

– Пайпер – гений. Но ты только что говорила про «без обязательств» и «время от времени».

– Что поделаешь? Раз он пригласил меня сегодня вечером на прием, значит, наверное, хочет встречаться открыто.

– Я в шоке.

– Вижу. И стараюсь не обижаться. Во всяком случае, я думаю, можно уже и открыться публике. У нас с Марко много общего, не в последнюю очередь – наш график. Не исключено, что с ним все будет по-другому.

Джейк вздохнул.

– Он сам – другой, Чи. По многим параметрам он в триллион раз круче всех, с кем ты встречалась раньше. Да, он, кажется, неплохой парень. Конечно, не семейный тип, но это уж ты смотри сама. Я надеюсь, что ты понимаешь, на что идешь.

– Даже ты должен признать, что момент удачный.

На лице Джейка появился, наконец, намек на улыбку.

– Момент для огласки? Да, получится здорово. Мы готовы начать кампанию по смене твоего имиджа здесь, в Майами. Тодд даст несколько предварительных интервью, чтобы подогреть прессу, а я веду переговоры с «Вог». На самом деле, момент идеальный.

В дверь номера постучали. Джейк вопросительно взглянул на Чарли.

– Твой дружок вернулся за добавкой?

– Не хаами. – Чарли улыбнулась ему и с опаской подошла к двери.

Когда она открыла, две официантки приветствовали ее по имени и ввели в комнату стол на колесиках. Синхронными, словно отрепетированными движениями они налили две чашки кофе, два стакана воды со льдом и сняли с двух тарелок серебряные крышки. А потом исчезли так же быстро, как появились.

– Знает свое дело... – пробормотала Чарли, подхватывая вилкой кусочек дыни с фруктовой тарелки.

– Это Тодд заказал? Как он догадался, что я буду здесь? – спросил Джейк, изумленно глядя на второй белковый омлет с грибами и шпинатом.

– Не ты. Он надеялся, что здесь будет Марко.

Джейк посмотрел на нее так, словно готов был упасть в обморок.

– Он устраивает для вас обоих завтраки?

Чарли кивнула.

– Еще он устраивает нам смежные комнаты. Поверь, Тодд будет счастлив, когда услышит, что я собираюсь на вечеринку с Марко. – Она зацепила вилкой кусочек омлета. – Что мне надеть?

– Все продумано. Стилист, которого наняла Мередит, приедет только завтра, но она прислала несколько отличных вариантов одежды. Я уже могу сказать, что платье от Такун отлично тебе подойдет. И пора начать носить каблуки. Ничего особенного, не безумные шпильки, я понимаю, хотя бы пять-шесть сантиметров.

– Этого не будет, – отрезала Чарли, делая глоток кофе.

– Будет. Принцессы-воины не носят шлепанцы.

– Подожди, что ты там говорил о «Вог»? – перебила его Чарли.

– Ты американка, красивая и начинаешь выигрывать. Они хотят интервью.

– Почему сейчас? Я выигрывала и до Уимблдона, но никого это не интересовало. По крайней мере, не так, как их интересовала Наталья.

Чарли потягивала черный кофе без кофеина и думала, не позвонить ли вниз, чтобы принесли оладьи.

– Наталья – роскошная русская и первая ракетка мира. Она умеет ходить по красному ковру лучше, чем Анджелина Джоли. Встречается только со знаменитостями. Скандальная стерва. И ее команда разрабатывает каждую деталь ее имиджа. Для многих она – источник вдохновения, Чарли. Но мы с Тоддом считаем, что ты можешь быть даже лучше.

– Я отказываюсь становиться скандальной стервой. Не думаю, что...

Джейк поднял руку.

– Знаю. Улыбки и воздушные поцелуи. Никто не просит тебя становиться такой же злокой, как она, но ты должна казаться сильнее. Более жесткой. То, о чем мы все тебе говорили.

– Значит, ты согласен с образом, предложенным Мередит?

– Да. Придумано отлично. Ты остаешься верна себе, ты достойный человек, просто демонстрируешь публике свои бойцовские качества. Принцесса-воин. Ты только что поборолa серьезную травму – жуткое зрелище на Центральном корте Уимблдона, – и публике это нравится. Все любят принцесс-воинов.

Чарли почувствовала дрожь возбуждения. Или страха.

– Ладно, теперь уходи. Машина забирает меня через тридцать минут, а мне еще нужно принять душ.

– Увидимся днем. Между нами все в порядке?

Чарли направилась в ванную.

– Все отлично, – легко откликнулась она.

Даже после фиаско с допинг-контролем она не ощущала никакого беспокойства. Она была слишком поглощена мыслью о принцессе-воине, входящей в зал приема для теннисистов под руку с самым красивым мужчиной в туре.

Глава 10. Поцелуи на красной дорожке

Майами-Бич.

Март 2016 года

- Чарли! Сюда, посмотри сюда!
- Марко, обернись! Улыбочку!
- Чарли, от кого платье? Чарли, сюда!

Чарли услышала крики даже раньше, чем они вышли из предоставленного турниром «Каддиллака Эскалейд», остановившегося перед рестораном «Зума». Шагая по синему ковру, выложенному от дороги до ресторана, между двумя рядами папарацци, Чарли чувствовала себя как модель, идущая по подиуму. Джейк был прав: черное платье от Такун, с длинными рукавами, вырезами на плечах и сексуально открытой спиной, стало победителем. Благодаря сандалиям из змеиной кожи и семисантиметровым каблукам, на которые она неохотно согласилась, и без того длинные ноги Чарли выглядели вдвое стройнее и вдвое длиннее. Она послушно отказалась от обычного хвостика и позволила стилисту сделать ей прическу, и даже Тодд одобрительно кивнул, увидев длинные темные волны, струящиеся по спине.

Марко схватил ее за локоть и наклонился, чтобы прошептать на ухо:

– Я хотел было извиниться за такой зоопарк, но, думаю, они здесь из-за тебя.

Толпа фотографов и зевак вдруг притихла. Каждый из них явно обдумывал: не находится ли его рот подозрительно близко от ее уха? Между ними что-то есть? Неужели Марко Вальехо и Шарлотта Сильвер встречаются? В толпе послышалось хихиканье.

Внезапно Чарли пришло в голову, что Мередит права: публика сойдет с ума, если узнает, что она и Марко встречаются. Или спят вместе. Или как там они захотят это назвать. Он сам предложил приехать вместе, так что, похоже, больше не хочет держать все это в секрете... Может быть, Мередит, Тодд и Джейк говорили дело. Может быть, действительно – пора. И прежде, чем она успела отговорить себя от этого, Чарли повернулась к Марко, обвила руками его шею и прижалась губами к его губам. На мгновение она ощутила укол паники, и, возможно, сожаления – вдруг ошиблась? – однако Марко ответил на ее поцелуй.

Толпа взревела.

- Они поцеловались! Вы видели?
- Боже мой, вы знали, что они вместе? Я не знал!
- Когда это случилось?
- Они целуются! Идеальная пара – вы только посмотрите!

И даже:

- Представляете, какие красивые у них будут дети?
- Представляете, как их дети будут бить по мячу? С такими-то генами?

Чарли и Марко расцепили объятия и улыбнулись друг другу, причем в его взгляде промелькнуло что-то вроде уважения – возможно, проблеск одобрения ее смелости? Она перевела дыхание.

Теплый ветерок доносил ароматы тропических цветов и океана. Небо переливалось всеми оттенками розового и оранжевого, по мере того, как солнце опускалось за пальмы. Чарли наслаждалась идеальным мартовским вечером и чудесным ощущением теплой руки Марко на своей спине. Но недолго – подбежала Изабель, пиарщица из женской теннисной ассоциации, чтобы спасти их от толпы журналистов.

– Следуйте за мной, – произнесла она.

Кажется, Изабель сдерживала улыбку? Да, определенно. Она тоже была довольна таким поворотом сюжета.

Зрители продолжали свистеть, со всех сторон неслись одобрительные возгласы, когда Чарли и Марко, теперь держась за руки, входили в высокие двойные двери.

– Привет, – сказал Джейк, подходя к ним. Он широко улыбался.

– Джейк, ты ведь знаешь Марко Вальехо, не так ли? Марко, это мой брат, Джейк Сильвер.

Брови Марко очаровательно приподнялись.

– Привет, брат Шарлотты.

– Вы знакомы? – Чарли вопросительно взглянула на Джейка, но тот улыбался, как влюбленный подросток.

– Рад тебя видеть. – Марко кивнул.

– Чарли, ты выглядишь великолепно! – восторженно пропела Изабелла. Эмоциональность – хорошее качество для пиарщика, и Изабелла всегда нравилась Чарли больше других, но сейчас голос девушки буквально звенел от восторга. – От кого наряд? Платье, обувь, украшения? Мне весь вечер будут звонить, все будут спрашивать...

К Марко подошли несколько теннисистов и увели его в сторону бара, где он теперь стоял в центре круга, образованного высокими красивыми мужчинами, и уже рассказывал какую-то смешную историю. Поймав на себе взгляд Чарли, он закатил глаза и улыбнулся ей, отчего на его щеках

появились милые ямочки. Она еле удержалась, чтобы не броситься к нему.

– Чарли? Платье?

– Что? Извини. Да, платье от Такун, а туфли «Лабутен», – сказала она, тщательно выговаривая названия.

Изабель улыбнулась.

– Знаю, я безнадежна, если речь не о носках от «Драймакс», – пошутила Чарли.

Джейк окинул ее взглядом.

– Прекрасно выглядишь. Я рад, что ты согласилась это надеть.

Изабель яростно закивала в знак согласия.

– Я слышала, с «Вог» все прошло отлично. Они потрясающие, правда? Такие профессионалы!

– Да, они, безусловно, лучшие в мире моды, – поддержала Чарли.

Фотосессия, на которой она была сегодня днем, прошла на удивление весело – отличная музыка, красивая одежда, симпатичный фотограф и целый отряд сверхзаботливых людей. Ей делали разные прически и макияж, подбирали украшения и аксессуары и все время говорили, какая она красивая. Кому такое не понравится? Помимо Чарли там еще были профессиональная пловчиха, гольфистка и футболистка. Журнал собирался показать, что эти спортсменки (все привлекательные, стройные и все, кроме Чарли, белокурые), которые великолепно смотрятся в своих спортивных юбках, купальниках, бутсах, намного круче выглядят в блестящих шелковых платьях с глубокими вырезами, в платьях а-ля русалка, расшитых бисером, или в пышных платьях а-ля принцесса. Съемки проходили в более гламурной обстановке, чем большинство других, где Чарли обычно позировала в теннисной юбке, кроссовках, майке без рукавов и напульснике. Как правило, изменялась только ее прическа (коса, хвост или распущенные) и то, как она держала ракетку – изображая какой-нибудь замах, прислоняя ракетку к ноге или опирая ее на бедро. Она снималась в разных городах для местных журналов мод, снималась для «Спортс иллюстрейтед», появлялась на шикарном развороте в «GQ». Но съемки в «Вог» включали в себя минимум спандекса, густой макияж и громкие лейблы, супертощих редакторш на заоблачных каблуках, облака сигаретного дыма и океаны шампанского. Это было больше похоже на веселую вечеринку в шикарном загородном доме, чем на очередную необходимую работу.

– Так что у вас... Ненавижу совать нос не в свое дело, но люди захотят узнать... – Изабель покраснела.

Бедняжка. Она на самом деле не любила совать нос не в свое дело, за

что и нравилась Чарли. Тактичный журналист – редчайшая порода.

– Мы не случайно пришли сегодня вместе, – сказала Чарли.

Изабель отвела темную прядь волос за ухо.

– Понятно. Значит, было бы справедливо считать, что вы... встречаетесь? Вы вместе? Я просто не знаю, что сказать людям, когда они спросят...

Джейк открыл было рот, и Чарли поняла, что он намерен пошутить насчет ее утреннего появления из смежной комнаты. Она бросила на него убийственный взгляд и повернулась к Изабелле:

– Понимаете, я думаю, мы еще не определились. Вероятно, справедливо сказать, что мы хотим посмотреть, что из этого получится.

– Поняла, – кивнула Изабелла. Зазвонил ее телефон, и она посмотрела на экран. – Похоже, новость уже обсуждают. – Девушка развернула экран к Чарли. Сообщение от Аннет Смит-Кан, президента WTA, гласило: «Сильвер – Вальехо? Это правда? Умоляю, скажи да».

Все рассмеялись.

– Она сейчас наверху, занимается разговорами кое-каких вип-персон из Южной Флориды, – пояснила Изабелла. – И я могу вам гарантировать, что она очень, очень рада, что вы двое «смотрите, что из этого получится».

– Нужно, наверное, пойти поздороваться, – сказала Чарли. – Джейк, пойдешь со мной?

Следующие два часа слились в счастливый хаос. Чарли обходила зал и болтала с работниками WTA, теннисистами, местными знаменитостями (все «Отчаянные домохозяйки», Марк Энтони, Тайгер Вудс) и, конечно же, с Марко. С ними обращались как с особами королевской крови, королем и королевой дворцового бала; это был самый веселый прием для теннисистов из всех, на каких успела побывать Чарли. Приемы в Майами всегда были лучше, чем в большинстве других городов, но, как правило, отличались чересчур здоровой едой, слишком громкой музыкой, стайками теннисных групп и одним и тем же набором персонажей. Хотя посещение было обязательным, все мечтали поскорее отправиться в свою гостиницу. «Теннисисты – привлекательные мужчины, но не лучшая компания для вечеринки», – говорила Пайпер всякий раз, когда Чарли тащила ее на очередное теннисное мероприятие. Однако сегодня, несмотря на нервы по поводу матча, назначенного завтра на раннее утро, и усталость от слишком большого количества людей, Чарли отлично проводила время.

– Я вызвал свою машину, – прошептал Марко, наклоняясь к ее уху. – Поедешь со мной?

Они сидели на банкете рядышком и ели сашими из одной тарелки.

Чарли, как обычно, пила «Пеллегрино», Марко в начале вечеринки выпил бокал пива, а затем переключился на содовую.

– Прибыли и уедем вместе? – кокетливо спросила Чарли. – Что люди подумают?

– Меня не волнует, что они подумают, – проговорил он, и Чарли ощутила порхание в животе.

Она прикинула, сколько у них времени. Сейчас начало десятого. К тому времени, когда они попрощаются со всеми, пройдут обратно по ковровой дорожке и доедут до гостиницы, будет десять. Визит в комнату Марко займет минимум час, и она знала, что потом не сможет сразу заснуть. Матч назначен на девять утра; она уже попросила разбудить ее в шесть и потом еще на всякий случай позвонить в шесть пятнадцать. Визиты сюда не вписывались.

– Прости, я бы с удовольствием. Но я с утра играю. Так что поеду в гостиницу с братом.

– С братом? По-моему, мое предложение лучше.

Он якобы обиженно надул губы, и Чарли еле удержалась, чтобы не поцеловать его у всех на виду.

– Конечно! Но ты ведь знаешь, что произойдет, если мы поедем домой вместе.

Марко погладил ее по бедру.

– Знаю...

Чарли простонала – она надеялась, что тихо, но, кажется, несколько теннисистов, сидящих за соседним столом, обернулись. Когда Чарли встала и отправилась на поиски Джейка, появилась Наталья – тоже в платье от Такун, только эффектного оттенка фуксии, и она явно его изменила, сделал вырез глубже и укоротив подол. Ее туфли сверкали, словно осыпанные леденцами, а каблуки были не меньше двенадцати сантиметров, что для теннисистки неслыханно: чрезмерная нагрузка на свод стопы и лодыжки. Но для Натальи никакие законы не писаны.

– Шарлотта! Это ты? Не узнала тебя без обычных цветочков. Мы с тобой шикарно выглядим, да? Прямо как сестры! – затараторила Наталья, ее русский акцент был сегодня заметнее, чем обычно. Она повернулась к Марко и только что не замурлыкала: – Привет, дорогой. Выглядишь прекрасно!.. Впрочем, как и всегда.

– Наталья, а где твой бойфренд? Пишут, что его могут перевести в «Баффало». Ужасно! Ты, наверное, огорчена. – Чарли произнесла это со всем поддельным сочувствием, на какое была способна.

Глаза Натальи сузились в щелки.

– Такова жизнь профессиональных футболистов. Идут, куда велено. Не всем везет завести дружка, который занимается тем же видом спорта.

Чарли просияла.

– Да, я определенно рекомендую так поступить. Гораздо удобнее. Но я рада, что ты встретила Бенджи. Все говорят, что футболисты тупые, но он, кажется, очень хороший парень.

– А где он, кстати? – спросил Джейк, как раз в этот момент подходя к Чарли. – Я думал, Бенджи сегодня будет здесь, раз уж мы находимся в его родном городе.

Наталья разъяренно уставилась на Джейка.

– Думаешь, он захотел бы еще раз прийти на один из этих приемов? Я увижусь с ним позже.

– Дамы, Джейк, спокойной ночи, – сказал Марко. Он поцеловал в щеку Наталью и коснулся губами уголка губ Чарли.

– Разве ты не уходишь с ним? – удивилась Наталья, глядя на Чарли. – Такая обаятельная пара... Лучше не спланируешь.

– Ты о чем? – спросила Чарли.

Однако Наталья уже отвернулась, чтобы поздороваться со стайкой ребят студенческого возраста, которые путешествовали с женским турне в качестве спарринг-партнеров. Дэн тоже был приглашен на вечеринку, но он, как всегда, отказался.

Джейк мягко потянул Чарли за руку.

– Ты уверена, что не хочешь поехать с Марко?

– Уверена. У меня матч завтра рано утром. Пошли.

Джейк колебался, и Чарли уставилась на него с подозрением.

– Джейк? Что происходит? Кто твоя цель?

Он раздраженно фыркнул, и Чарли невольно улыбнулась. Ему всегда шли темные костюмы с белой рубашкой, не застегнутой на верхнюю пуговицу. Он не был так красив, как Марко, но его высокий рост и всегда ухоженный вид – аккуратная модная бородка, идеально ровный загар, дорогая стрижка, которую он педантично корректировал у стилиста раз в двадцать один день – делали его привлекательным в глазах и мужчин, и женщин. Вне работы Джейк носил узкие обтягивающие джинсы и кашемировые свитера. Добавьте сюда очки в крупной черной оправе и винтажные кроссовки «Найк», которых у него был миллион, – и Джейка можно было принять за кого угодно, от модного гея из Челси до молодого, клевого нью-йоркского папаша. Чарли в тысячный раз задавалась вопросом, почему он до сих пор не встречается с кем-то потрясающим.

– Цель? Очень любезно. Как будто мне нужно устраивать охоту, чтобы

затащить жертву в постель.

– Я не так выразилась...

Чарли проследила за его взглядом. Джейк пристально смотрел на Наталью, раздающую воздушные поцелуи мальчикам-студентам. Даже на другом конце зала она притягивала всеобщее внимание.

– Глядя на нее, ты, наверное, думаешь, что женщины не так уж плохи?

– Ох, прекрати, Чарли! – огрызнулся Джейк и прежде, чем Чарли успела ответить, направился к двери. Она удивилась его резкому тону. Ничто не выводило Джейка из себя, никогда. И, уж конечно, не Наталья Иванова.

В гостиницу ехали молча. Чарли терпеливо ждала, что он извинится или объяснит свою выходку, но когда они вошли в вестибюль, Джейк торопливо попрощался и нырнул в лифт, не дожидаясь ее ответа. Она заглянула в бар, в надежде наткнуться на Марко, хотя понимала, что он наверняка уже спит. Войдя в свою комнату, она переоделась, завела будильник на телефоне и на всякий случай позвонила на ресепшен, чтобы напомнить о заказанном на утро звонке для пробуждения. Потом залезла под одеяло и выключила свет. Она лежала на спине неподвижно, вытянув руки ладонями вверх, и размеренно дышала (четыре счета – вдох, четыре счета – выдох), пока не почувствовала, как тело начинает расслабляться. Сегодня был отличный вечер – лучше, чем она могла ожидать. Они с Марко теперь официально пара, по крайней мере, в глазах публики. Вдох-выдох. Новый тренер ведет ее в нужном направлении, к вершине рейтинга, и его методы, похоже, работают. Вдох, длинный выдох. Завтра у нее будет трудная соперница – на этом уровне они все такие, – но Чарли испытывала удивительное спокойствие и полную уверенность, что она выиграет и пройдет на следующий этап турнира. Вдох-выдох. Все постепенно меняется к лучшему. Наступает ее время.

Глава 11. Сверкающая

Ки-Бискейн.

Март 2016 года

Комната отдыха для теннисистов на стадионе в Ки-Бискейн могла похвастать огромным патио с гигантскими окнами, окруженным пальмами. По мере того как разгоралось утро, Чарли снова порадовалась, что ее работа позволяет следовать за солнцем.

– Вижу, мои мужчины меня уже ждут, – сказала Чарли, кивнув Дэну и Тодду и поцеловав Джейку в щеку.

– Чего уставился в телефон? – рявкнул Тодд на Дэна. – Забери у нее сумку, отнеси в раздевалку и скажи дежурному, что мы будем в разминочной комнате через десять минут.

Дэн забрал сумку с ракетками Чарли и направился вниз по лестнице.

Комната отдыха, обычно забитая теннисистами и их тренерами, которые сидели на кожаных диванах, таращась в телефоны и айпады, в этот ранний час была полупустой. Гаэль Монфис и его тренер сидели в углу, попивая горячую воду с лимоном, а на кушетке спала девочка-подросток в спортивном костюме и ярко-розовых наушниках. Несколько телевизоров с плоским экраном показывали в основном пустые корты: на четвертом корте разминались парные игроки, соперница Чарли приступила к растяжке на седьмом, а в остальном все было тихо.

– Она рано, – сказала Чарли, кивая на соперницу на экране.

– Ты бы тоже пришла рано, если бы стояла на семидесятой строчке. Она знает, что проиграет, но учти, по корту она тебя погоняет. Будь готова к ее укороченным ударам, – произнес Тодд, не отрываясь от телефона.

– Чувствуешь себя хорошо? – спросил Джейк. Он тоже смотрел в свой телефон.

Их телефоны просигналили.

– У нее все готово, – хором объявили Джейк и Тодд.

– У кого «у нее»?

– У девушки от Мередит. Она здесь, и у нее все готово. – Джейк встал и перекинул через плечо ремень своей сумки.

– Простите, что?

Тодд и Джейк уже подошли к двери, ведущей к женской раздевалке.

– Ее зовут Моник, она принесла тебе новые наряды и все остальное, –

объяснил Джейк.

– Здесь кто-нибудь понимает по-английски? Я согласилась на помощь стилиста вне корта, а не в том, что мне надеть на игру.

Тодд жестом показал на ее костюм.

– Я в моде не разбираюсь, но даже мне ясно, что это – не костюм принцессы-воина. Или вообще что-то путное.

– Это то, в чем я выйду, – сказала Чарли, оглядывая свое бирюзово-розовое платье и такие же шорты. – У меня в сумке два таких же запасных комплекта плюс одобренные носки и кроссовки. Или вы забыли, что этого требует мой контракт?

– Все продумано, – успокоил Тодд. Его телефон опять запищал.

– Продумано? Что происходит?

По контракту с «Найк», Чарли была обязана носить ту одежду, которую они ей предоставят, в том цвете и стиле, который они выберут сами. Она могла иногда сделать какой-нибудь запрос, который в «Найк» обычно старались учесть – предпочтение вшитому в футболку спортивному бюстгальтеру, платье вместо топа и юбки, широкие бретельки вместо тонких, – однако большего влияния на выбор одежды она не имела. На каждом турнире все теннисистки, работающие с «Найк», появлялись в вариациях одного и того же цвета. Бирюзовый и ярко-розовый были не в ее вкусе, но если одежда оказывалась удобной и подходила по размеру, Чарли не роптала.

– Моник – фрилансер, одевала кучу знаменитостей. Так случилось, что она уже была в Майами на этой неделе, приехала на съемки для «Харперс Базар», – сказал Джейк, прокручивая свой рабочий «Блэкберри». – «Найк» дал мне письменное разрешение на ребрендинг, и рано утром оттуда прислали некоторые варианты. Нам позволено поиграть с цветом ради лучшей рекламы. Моник ждет тебя на примерку.

Джейк распахнул дверь раздевалки.

– Иди, – приказал Тодд. – И делай, что она говорит.

Чарли показала охране свое удостоверение и вошла в раздевалку, куда никому, кроме теннисистов – ни тренерам, ни физиотерапевтам, ни друзьям, – не позволено было входить. Интересно, как это удалось Моник.

– Шарлотт? Я Моник. Да, вижу, что вы действительно такая высокая, как говорили. Я не поверила.

– Кому не поверили? – спросила Чарли.

Моник заняла полраздевалки: портативная стойка для одежды, забитая толстовками с капюшонами, спортивными штанами, теннисными платьями, юбками, топами и футболками, раскладной столик с ворохом трусов,

спортивных бюстгалтеров, носков и различных головных повязок и напульсников. Что самое странное – все было черным.

– Вашему тренеру. Брату. Википедии. Метр восемьдесят два? В наши дни даже модели редко такие высокие. Но не волнуйтесь, я привезла нужный размер.

Моник, наконец, встала. На первый взгляд она казалась удивительно неопрятной, но, приглядевшись, Чарли заметила, что весь ее облик, граничащий с видом бездомной, был тщательно продуман: платиновые волосы по пояс с пятью сантиметрами черных корней, шелковые черные шаровары с резинкой на талии и лодыжках, спутанный клубок ожерелий из серебра, золота и кожи; мужская майка под обтрепанной мотоциклетной курткой, ботинки из змеиной кожи на толстом каблуке, которые, как ни странно, уместно смотрелись бы и на проститутке, и на скромной пожилой даме. Гвоздем программы было платиновое кольцо на четыре пальца в виде знака бесконечности, инкрустированное сверкающими камнями; таким образом, для выполнения даже самых простых действий оставалась только правая рука и большой палец левой.

– Я спортсменка, а не модель, – сказала Чарли, стараясь держаться спокойно. – Кроме того, в «Найк» меня измерили с точностью до миллиметра. Они знают мои размеры.

Моник рассмеялась. Не любезно.

– Ну, что поделаешь, спешка. Вчерашние поцелуи с Марко Вальехо изменили график вашего преображения, поэтому придется сделать все возможное в кратчайшие сроки. Сейчас быстро сообразим что-нибудь для матча в Ки-Бискейн, а затем – где вы в следующий раз? В Акапулько? – сделаем все как положено.

У Чарли было так много возражений, что она даже не знала, с чего начать.

– Сообразим что-нибудь?..

– Идите сюда, у нас мало времени. Разве вы не должны, типа, загружаться углеводами в восемь?

– Завтрак? Да, мне надо поспешить. – Чарли подошла поближе к стойке с одеждой. – Почему все черное?

– Воины носят черное, – заметила Моник, не оборачиваясь. Она подбирала топ к юбке.

– Я вообще-то предпочитаю платья, – сопротивлялась Чарли. – Я отвлекаюсь, когда футболка крутится в поясе при подаче.

– Хм... – равнодушно протянула Моник, – не много разнообразия в теннисной одежде, правда? Вот, я хочу, чтобы вы примерили. – Она

протянула ей относительно безобидные на вид черный топ на бретельках и прямую юбку.

– Никто не носит на корте черный, – проговорила Чарли, чувствуя, как нарастает паника. – Это теннис, а не ночной клуб.

– Примерьте, – твердо повторила Моник.

Чарли разделась догола и выпрямилась: спина прямая, плечи отведены назад, сильная, гордая и уверенная в себе. Она надеялась, что новому стилисту станет хоть немного неловко, но Моник ничуть не смутилась. Она медленно провела взглядом от ног Чарли к ее лицу, невозмутимо разглядывая каждый сантиметр обнаженного тела.

– Прекрасно, – объявила Моник после долгой паузы, в течение которой Чарли с раздражением поняла, что испытывает чувство неловкости. – Правда, гораздо лучше, чем все эти голодающие модели. Красивый живот, настоящие сиськи, плавные изгибы бедер. Некоторые сказали бы, что бедра слишком мощные, но вам идет. А за такую задницу вообще можно умереть. Как это у вас получается так высоко ее держать?

Чарли почувствовала, как запылали щеки.

– Не могу решить, расцеловать вас или ударить. Хочется и то, и другое. Моник откинула голову и зашлась заразительным смехом.

– Значит, я делаю правильно. Просто доверьтесь мне, ладно? Вас ждет успех.

Чарли кивнула и надела топ и юбку, предложенные ей Моник, – очень простые топ с юбкой, какие она надевала тысячи раз, с той лишь разницей, что они были черными.

– М-м, повернитесь. Хорошо, мне нравится, как сидит, но нам обязательно нужно немного убрать длину. – Моник рывком приподняла лямки бюстгалтера, из-за чего груди Чарли немного подпрыгнули. – Да, так лучше. Чуть ушью здесь и здесь. – Она сколола лямки парой булавок, нацарапала пару строк в маленькой красной записной книжке и снова повернулась к Чарли: – Хорошо, переодевайтесь обратно в эту безобразную бирюзовую штуку и идите завтракать. Когда вернетесь? Через двадцать минут?

Чарли кивнула.

– Успею.

– Вы собираетесь их ушить? Мне удобно так, как есть!

Чарли не хотела препираться, но она ни за что не позволит этой женщине испортить ее уровень комфорта на корте. В первую и главную очередь, она теннисистка, а не модель. Уимблдонское фиаско с обувью еще не стерлось из памяти: нельзя допускать в спортивном гардеробе изъянов.

Ни одного.

– Идите-идите, не мешайте. У меня мало времени. – Моник полезла в гигантскую холщовую сумку и вытащила оттуда... швейную машинку.

– У вас с собой шве...

– Идите!

Когда Чарли вышла из раздевалки, Джейк и Тодд набросились на нее с миллионом вопросов, но Чарли сказала, что пока не приняла решения. В столовой она заказала овсянку с миндальным маслом и нарезанными бананами и два сваренных вкрутую яйца, надела наушники и изо всех сил старалась сосредоточиться на айпаде, полностью игнорируя и брата, и тренера. Лучше смотреть эпизод сериала «Этот милый старый дом», чем поддаться растущей тревоге по поводу предстоящего матча. Чарли тщательно и молча жевала, а как только закончила, направилась обратно в раздевалку.

– Простите, я знаю, что вернулась слишком рано, но мне пора одеваться. Я не пожертвую своим временем на разогрев ради...

Моник подняла руку.

– Я закончила. Идите сюда.

Чарли подошла к ее импровизированной мастерской и заметила, что из-за шкафчиков за ними наблюдают две другие теннисистки. Чарли могла их понять. За те несколько минут, что ее не было, Моник умудрилась пристрочить вдоль нижнего края юбки тонкую ленту из черной кожи.

– Боже мой, вы прямо сейчас это сделали? Подождите, когда вы успели? И как? Моник, юбка выглядит потрясающе, но я не могу носить кожу на корте. Вы же понимаете, правда?

Моник фыркнула.

– Хватит говорить, раздевайтесь. Быстро.

– Но это – кожа!

– Это кожаный акцент, – поправила Моник. – Догола. Скорее.

Чарли взглянула на настенные часы. Чтобы успеть сделать весь комплекс растяжки и разогрева, через десять минут надо быть на корте. Чувствуя на себе взгляды двух девушек, наблюдающих за каждым ее движением, Чарли снова вылезла из бирюзового платья. Сначала она натянула черные шорты – почти такие же, какие носила обычно, только на заднице пришиты буквы Ш и С из блестящей ткани. Одна на левой ягодице и одна на правой, если точнее.

– Юбка задирается, наверное, миллион раз за матч? И весь стадион смотрит на вашу задницу, я права?

Чарли кивнула.

– Полагаю, именно поэтому мужчины смотрят женский теннис, – с видом знатока объявила Моник. – Было бы совершенно непростительно, если бы мы не воспользовались такой возможностью брендинга.

– Аминь, сестра! – сказала из-за шкафчика одна из девушек. – Моей заднице брендинг тоже не помешал бы. У вас больше нет букв?

Все засмеялись. Чарли прикрыла обнаженную грудь руками и слегка попрыгала перед зеркалом. Как и предсказывалось, ее юбка взлетала, и серебристые инициалы были хорошо видны.

– Теперь это.

Моник вручила ей черный спортивный бюстгальтер «Найк», который Чарли примеряла раньше, только теперь на спине, на месте пересечения трех бретелек, были пришиты кристаллы.

– У вас что, с собой и степлер для стразов? – спросила изумленная Чарли. Она натянула бюстгалтер через голову и с облегчением констатировала, что место, где Моник нашла стразы, прикрыто изнутри мягкой шелковистой тканью. Бюстгалтер был таким же удобным, как обычно, – даже лучше.

– Да.

– Я шучу!

– А я нет. Настоящий «Бидаззлер» из рекламного ролика начала девяностых. Плюс, на всякий случай, два запасных с «Ибея». Иначе я бы погибла. Вот, наденьте топ.

Моник взяла стандартный «найковский» топ на бретельках и ножницами вырезала на спине дырку размером с пиццу – чтобы открыть загорелые лопатки Чарли и стразы на ее спортивном бюстгальтере.

– Здорово смотрится! – крикнула Карин Гейгер и показала большой палец. – Мне тоже надо что-то такое попробовать, – засмеялась она, проводя руками по своим крупным квадратным бедрам.

– Спасибо. – Чарли улыбнулась. Следовало признать: она была согласна с Карин.

Уже без уговоров она натянула теннисную юбку. Хотя кожаный кант оставался заметен, ее ног не касалось ничего, кроме шелковисто-мягкой ткани. Выглядела юбка нескромно, зато была очень удобной.

– Как вы это сделали? Вы волшебница!

Моник только отмахнулась.

– Теперь волосы.

– Я заплетаю волосы в косу. Это не подлежит обсуждению! – крикнула Чарли.

Наряд выглядел прекрасно и ощущался на удивление удобно, но коса

должна остаться. За многие годы она перепробовала все – головные повязки, высокие и низкие хвостики, пучки всех размеров, – однако комфортно чувствовала себя на корте только с одной длинной косой. Она стягивала волосы лентой на макушке, заплетала хвост в косу и закрепляла косу простыми резинками – иногда вплетая в косу цветную ленту. Выбившиеся пряди сбрызгивала лаком для волос. И, если было очень жарко, надевала на лоб тонкую эластичную ленту.

– Знаю, знаю, с косой шутить нельзя, – сказала Моник, закатывая глаза. – Вот, сначала это.

Чарли приняла от нее две блестящие заколки и сунула их в рот. Обеими руками собрала свои темные волосы в хвост на затылке и перевязала его. За десять секунд сплела широкую косу и сбрызнула пряди лаком.

– Готово, – сказала она, мотая головой и косой, чтобы убедиться, что все в порядке. – Так мне нравится.

– Вы ведь иногда надеваете повязку на голову? Или козырек?

– Я могу надеть эластичную повязку, когда очень жарко, но лишь потому, что волосы впереди вылезают из хвостика и прилипают ко лбу. Козырек – нет. Кепки – нет. Я не люблю тени, которые они бросают на лицо: это мешает оценить глубину удара и скорость мяча.

– Угу, – пробормотала Моник, явно ничуть не заинтересованная теннисными деталями. – Просто дайте мне попробовать кое-что, хорошо?

Две другие девушки закончили переодеваться и ушли. Чарли подумала о том, где сейчас находится ее соперница. Их вызовут на корт менее чем через пять минут. Может, она уже там?

– Что вы хотите попробовать? Признаю, у меня были сомнения, и я до сих пор не уверена, что это отличная идея – играть в тридцать два градуса жары во всем черном, – но мне правда нравится, как это выглядит.

– Ткань впитывает пот, не пропускает ультрафиолет и все такое, – пробормотала Моник, роясь в своей гигантской сумке. – Не важно, что она черная. И вы видите сами, что ни кожа, ни стразы вам не мешают. Чертовски жаль, что в данном случае важно учитывать не только моду, но и функциональность. Идите сюда.

Чарли закончила шнуровать кроссовки – точные копии ее обычных кроссовок, полностью черные и усеянные витиеватыми узорами из стразов.

– Закройте глаза.

– Никакой косметики! Когда я потею, это полная катастрофа...

– Никакой косметики. Просто закройте глаза.

Чарли почувствовала, как Моник осторожно, чтобы не испортить косу,

надела что-то маленькое ей на голову и закрепила это что-то двумя заколками.

– Отлично!

Чарли открыла глаза. Моник подвела ее к высокому зеркалу, и Чарли изумленно уставилась на свое отражение.

– Да, немного нетрадиционно, но, думаю, это создает весь...

– Мне нравится, – прошептала Чарли. Она коснулась пальцами крошечной и невероятно изящной диадемы, прикрепленной прямо над линией роста волос. Блестящая, элегантная, она удерживалась на месте эластичной черной повязкой, которая сливалась с ее волосами.

– И правильно. – Моник удовлетворенно кивнула, с облегчением вздохнув.

Чарли потрогала крошечные фиолетовые камни, сложенные в форме сердечка.

– Аметисты. Зодиакальный камень моей матери, – прошептала она.

– Да, ваш брат мне говорил. Остальное – цветные и прозрачные стразы «Сваровски», как и все стразы на бюстгальтере и кроссовках.

Чарли перевела взгляд с украшенных стразами кроссовок на коротенькую юбку с кожаным кантом, оглядела сексуальный вырез на спине и ляжки со стразами, и, наконец, ее глаза остановились на маленькой диадеме. Да. Смотрится здорово.

– Идите! – сказала Моник.

Чарли обвила ее руками. Удивленная, Моник помедлила, но потом тоже обняла Чарли.

– Ну, ясно, вам нравится. Я рада.

– Очень нравится.

– Отлично. Когда нас не будут так торопить, сделаем еще лучше. Надерите там сегодня кому-то задницу, ладно?

Чарли поблагодарила Моник и весь путь обратно до комнаты отдыха чуть ли не скакала от восторга.

Когда она вошла, Дэн оторвал взгляд от книги.

– Ничего себе, – выдохнул он. – Выглядишь секси.

И сразу же забормотал извинения, должно быть, почувствовав себя неловко из-за столь дерзкой фразы, но Чарли пришла в восторг.

– Ты думаешь? – спросила она, крутясь перед ним. – Неплохо, правда?

– Не то слово, – сказал Дэн. – Великолепно.

Вошел Тодд с пластиковым стаканом кофе, свободной рукой схватил Чарли за предплечье и слегка повернул ее, рассматривая со всех сторон.

– Именно то, о чем я говорил! На грани. Слегка вызывающе.

Немного сексапильности. Средний палец тем детским платяицам, в которых ты вечно бегала.

– Так тебе нравится? – уточнила Чарли, прекрасно зная ответ.

– Да, черт возьми. Мне нравится. Этот образ говорит одновременно: «Трахни меня» и «Попробуй только трахнуть меня». Как такое может не нравиться?

– Ты здорово умеешь выражать свои мысли. – Чарли понимала, что ее должна была бы оскорбить его вульгарная оценка, и все же радовалась похвале, тем более от Тодда.

Чарли хотела разыскать Джейка и показаться ему, но тут по динамикам объявили о начале матча, Тодд взял ее за плечи обеими руками.

– Слушай меня внимательно, – сказал он, так близко подаваясь к ней, что она почувствовала запах кофе в его дыхании и увидела серебряные пломбы в коренных зубах. – Мы уже обсуждали стратегию. Ты знаешь, как порвать эту девицу. Тренируйся быть настоящей гребаной стервой. Она ничто для тебя – пятнышко грязи, которое ты сотрешь и забудешь сразу же, как растопчешь ее со счетом шесть – ноль, шесть – ноль. Ясно?

Чарли открыла было рот, но Тодд поднял руку. Его лицо придвинулось ближе.

– Ты воин, Шарлотта Сильвер, а воины побеждают. Чего они не делают, так это не обнимают своих противников, не спрашивают про здоровье и не ждут, что все их будут обожать. Поняла?

– Да, – сказал Чарли.

– Кто ты? – спросил он.

– Воин.

– Что воины делают?

– Побеждают.

– Что ты скажешь противнице, когда увидишь ее на корте через четыре минуты?

– Ничего.

– Правильно, ничего. Ни одного чертова слова. Она для тебя все равно что мертвая. Есть заботы поважнее, чем беспокоиться о том, как она себя чувствует. Например, как побить ее так сильно, что она захочет уйти навсегда. Ясно?

– Ясно.

– Тогда иди, Сильвер. И не возвращайся ко мне, если проиграешь.

Тодд повернулся и зашагал к противоположной стороне комнаты, где, Чарли знала, он закажет еще один огромный кофе, а затем пройдет на трибуны.

Дэн приподнял брови.

– Ну, это было... нечто.

В выражении его лица сквозило неодобрение, однако сейчас Чарли не дрогнула. Да, Тодд суров, но то ли возымели действие его напутственные слова, то ли так подействовал на нее новый костюм, она чувствовала себя такой же крутой, какой выглядела. Мог новый имидж придать столько уверенности? Раньше она не поверила бы в такое. А теперь смотрела на свой фантастический черный наряд и знала: «Да, черт возьми!»

Глава 12. Новая горячая пара

Ангилья.

Апрель 2016 года

– Принести вам что-нибудь еще? – спросил официант у бассейна. Его улыбающееся лицо выражало готовность исполнить любой ее каприз.

Чарли сняла наушники и на секунду задумалась.

– Кофе со льдом. Без кофеина.

Когда официант ушел, она огляделась, чтобы убедиться, что все еще одна у бассейна – неудивительно, учитывая, что было восемь утра, – и включила айпад.

Крис Эверт и Джон Макинрой комментировали на канале ESPN основные моменты турнира в Ки-Бискейн. Она прокрутила обзор мужских матчей, остановившись только, чтобы полюбоваться решающим очком пятого сета Марко – обмен двадцатью ударами в тай-брейке, когда он вернулся после поражения в первых двух сетах, чтобы выиграть не только матч, но и весь турнир. Ей особенно нравился момент, когда он подбросил ракетку высоко в воздух, упал на колени и поцеловал корт. Затем она промотала несколько женских матчей, пока не нашла свой. Матч в первом круге против канадки Дины Маллен стал тем прорывом, которого требовал Тодд.

Чарли порвала ее за тридцать девять минут со счетом 6:0, 6:0, что заставило бедную девушку в конце разрыдаться. Это ни для кого не стало неожиданностью – Чарли была безусловным фаворитом, как игрок выше рейтингом, – но она никогда не была так безжалостна за всю свою профессиональную карьеру. Джейк говорил, что благодарить нужно ее наряд принцессы-воина, который усилил в ней соревновательный дух. Тодд утверждал, что сработал его совет – не разговаривать с соперницей, не смотреть на нее и вообще никаким образом с ней не общаться. Чарли, смеясь, отмахнулась от обоих, говоря, что дело исключительно в ее опыте и решимости, хотя думала, что, возможно, правы оба. Она действительно ощущала себя в этом черном костюме сильной и жесткой и, чувствуя восхищенные взгляды зрителей, испытывала желание не только одолеть соперницу, но буквально раздавить ее. Правда, когда девушка в конце матча глотала слезы, Чарли машинально сделала пару шагов в ее сторону, чтобы сказать что-нибудь утешительное, – и остановилась, поймав гневный взгляд

Тогда. В ушах зазвучали его слова: «Ты – воин. Воины не обнимаются с противниками».

Матч второго круга прошел почти так же, как первый. Крис Эверт даже задалась вопросом, не видят ли они перед собой какой-то новый и улучшенный вариант Шарлотты.

– Такое впечатление, что на корт вышла совершенно другая теннисистка, – произнес за кадром голос Крис в тот момент, когда Чарли сделала победный, завершающий удар. – Прежде у Шарлотты Сильвер не наблюдалось гиперагрессивного, решительного стиля игры.

– Что это на ней, бриллианты? – спросил Макинрой.

– Стразы, – рассмеялась Эверт. – Вы слышали о ее последнем контракте? Она новое лицо «Сваровски». Не хочу сплетничать о цифрах, но, думаю, можно с уверенностью сказать, что эта девушка теперь может позволить себе бриллианты.

– Bravo ее пиар-команде, – откликнулся Макинрой. – Наталью Иванову затмить нелегко, однако, похоже, Шарлотте Сильвер это удалось. В настоящий момент она явный любимец публики.

– Она буквально за одну ночь превратилась из талантливой скромницы в беспощадную роковую женщину, – добавила Крис.

Дальше шел фрагмент, где Чарли посылает мяч в трибуны после своей победы в четвертьфинале. Да, надо признать, что ее новый имидж на экране впечатлял. И хотя она проиграла в полуфинале – Наталье, конечно, – многие соглашались с тем, что зрители смотрели только на Чарли.

– Надеюсь, меня не примут за сексиста, шовиниста или кого-нибудь еще, если я предположу, что поцелуи с ведущим игроком мужского тенниса на глазах у всего мира ее здорово подстегнули? Или так нехорошо говорить? – Камера показала Макинроя и Эверт, сидящих бок о бок в комментаторской кабине над кортом.

Эверт рассмеялась.

– Выразиться, наверное, можно было и получше, Джон, но в целом я согласна. Шарлотта Сильвер и Марко Вальехо – самая яркая пара в профессиональном теннисе после Штеффи и Андре.

– Или тебя и Джимми? Давай не будем об этом забывать, – сказал Макинрой.

Чарли промотала до финального победного матча Натальи. Оба комментатора восхищались ее ударами; и все же когда они обсуждали игру Чарли, в их голосах звучало больше восторга.

– Прошу вас, мисс, – произнес официант, ставя перед ней кофе со льдом. Он старательно отводил взгляд, чтобы не пялиться на тело Чарли.

Не получалось.

– Спасибо.

Официант помедлил, и Чарли подумала, что он ждет чаевых, но парень только сказал:

– Не хочу вас беспокоить, мисс Сильвер... я смотрел ваш матч в Ки-Бискейн... Вы были великолепны.

Чарли рукой прикрыла глаза от солнца и посмотрела на него снизу вверх. Высокий и худой парень лет восемнадцати с большим носом и россыпью веснушек на симпатичном юном лице. Белая рубашка поло с логотипом «Вайсрой Ангилья» аккуратно заправлена в темно-синие шорты.

– Зовите меня Чарли. Вы теннисный фанат? – спросила она с улыбкой. – Я не думала, что здесь кого-нибудь интересует теннис.

– О, нет, как раз наоборот, на острове много потрясающих игроков. А я тренирую команду в местной средней школе. Это волонтерская работа – у них нет денег даже на теннисные костюмы, – но дети по-настоящему увлечены теннисом.

– Здорово. С удовольствием пришла бы посмотреть. Сейчас у меня свободного времени не больше часа, а вот позже...

– Было бы круто! Дети вас очень любят, и я уверен, они...

– Как дела, красавица?

Марко присел на шезлонг рядом с Чарли. Широкие плечи и узкая талия рисовали совершенный по красоте треугольник из мускулов и загорелой кожи. По животу, рельефному, как стиральная доска, вниз сбегала дорожка темных волос – от его совершенной формы пупка до края обтягивающих плавок, неприлично низко сидящих на бедрах.

– Привет, – сказала она.

Вчера вечером они с Марко впервые открыто попросили на ресепшене смежные номера, не заботясь, что их могут услышать. Они не собирались проводить эту ночь вместе – сон сейчас был важнее, – но было здорово, что больше не нужно прятаться.

Марко прикрыл глаза рукой и посмотрел на официанта.

– Можешь принести бананово-клубничный коктейль с ложкой протеинового порошка? Мой тренер оставил шеф-повару коробку нужной марки, так что спроси у него. Спасибо.

Лицо мальчика порозовело, и он рысью побежал на кухню.

– Приятный парень. Он сейчас рассказывал мне, как...

– Слушай, красавица, я видел в расписании, у тебя тренировка на корте в одиннадцать, и хотел предложить поменяться.

Чарли поправила верх купальника. На перемычке, соединяющей

чашечки, сверкали две металлические буквы «Т», и они раскалились от солнца. Если она не поостережется, инициалы Трины Терк окажутся выжженными на ее груди.

– А у тебя во сколько?

– В четыре. Я последний. А хотелось бы немного полежать у бассейна.

– К сожалению, не могу. С заходом солнца начнется фотосессия, к тому времени я должна сделать прическу и макияж. Может, кто-нибудь другой с тобой поменяется?

Чарли приподняла очки и посмотрела на лазурное море. Она едва могла поверить, что приглашена на эту фотосессию. И вместе с Марко? В Ангилье? В голове не укладывалось.

– Да ладно тебе, – протянул Марко.

Он обхватил рукой ее грудь. Вместо того, чтобы почувствовать удовольствие от прикосновения, Чарли ощутила, как раскаленные металлические буквы обожгли ее кожу, и оттолкнула его руку.

– Перестань! Мы в общественном месте, – прошептала она.

– Если ты не заметила, публике нравится наблюдать за нашими шалостями, – произнес Марко с той дьявольской улыбкой, от которой у нее всегда замирало сердце. – Ну, как? Ты берешь четыре часа, а я закажу тебе массаж. Мой подарок.

Мальчик вернулся, Марко забрал у него стакан, не поблагодарив, и немного отпил через соломинку.

– Неплохо, – заявил он.

– Спасибо, – сказала Чарли официанту, широкой улыбкой компенсируя невежливость Марко. – Пока больше ничего не нужно.

– Да, мисс Сильвер. – Парень убежал.

Чарли повернулась к Марко:

– Я не могу. У меня корт с одиннадцати до двенадцати тридцати. К этому времени придет Дэн, а Тодд будет следить за тренировкой по «Скайпу». Дальше по расписанию у меня обед, а потом тренажерный зал. – Чарли взглянула на часы. – Почему бы тебе не попросить Наталью? У нее корт в девять.

– Ладно, забудь. – Марко, явно раздраженный, с размаху опустил стакан на столик, так, что его коктейль немного расплескался, и встал. – Увидимся позже. У меня полно дел. – И даже не улыбнувшись ей на прощание, пошел прочь.

– Марко? Ты злишься, что я не обменялась с тобой тренировками?

Он не остановился, хотя, несомненно, слышал ее, и пару мгновений спустя исчез в ресторане у бассейна.

Чарли вздохнула и воткнула в уши наушники. Во время турниров расписание тренировок на корте было болезненной темой. Действовала таинственная система, основанная на сочетании многих факторов: рейтинга, старшинства, времени матчей и напористости тренера в общении с планировщиками – но сегодня все было иначе. Гостиница предоставила им один корт, а на фотосессию для июльского выпуска «Вэнити Фэйр» было приглашено шесть теннисистов. Каждый получил девяносто минут на корте, и надо было спланировать свой график с тем расчетом, чтобы успеть подготовиться к вечерней сессии во время «волшебного часа» – короткого промежутка времени перед закатом, когда свет идеален для фотосъемки.

Чарли вернулась к айпаду и просмотрела в «Инстаграме» фотографии Ронина и Пайпер с благотворительного вечера по сбору средств для больницы Ронина. Все остальные супруги были одеты в однотипные платья с запахом от Дианы фон Фюрстенберг или черные брюки с жемчужно-белыми шелковыми блузками; Пайпер же красовалась в комбинезоне с леопардовым рисунком и на заоблачных каблуках. Пайпер единственная из знакомых Чарли могла красить губы красной помадой в любое время дня и не выглядеть при этом как проститутка. Чарли улыбнулась и взяла телефон.

Видела твои фотографии. Серьезное отношение к делу. Я под впечатлением.

Мгновенно пришел ответ: смайлик в виде руки, показывающей средний палец.

Нет, серьезно. Я видела такие же туфли полгода назад в пип-шоу на Таймс-сквер. Оч шикарно.

На этот раз Пайпер ответила изображением эмодзи, показывающего средний палец.

Я тебя тоже люблю. Я говорила, что я в Ангилье? Здесь произносят «Ангила». Просто подумала, что тебе надо знать.

Если бы ты не спала с самым горячим парнем на планете, я бы сказала, что ты скучнейшая из зануд.

Да, но я таки сплю с самым горячим парнем на планете, который теперь, кстати, мой офиц бойфренд.

Мне придется вылезти из кожи, чтобы затмить вас обоих, когда я стану подружкой невесты. Начинаю готовиться.

Хахахаха не гони лошадей!

Чарли отложила телефон в сторону и заметила, что сердце забилося чаще. Даже шутливое упоминание о возможной свадьбе с Марко вызвало одновременно и радостное возбуждение, и страх. Всего десять дней, как они стали парой официально, но, наверное, предыдущий год тоже можно посчитать...

Пришло письмо от Изабеллы, пиарщика WTA.

Привет, Чарли!

Шлю тебе ссылки на статьи о вас. Я включила сюда все упоминания, комментарии, интервью и фотографии, где речь идет о тебе, Марко или о вас обоих, начиная с приема для теннисистов в Майами. Поздравляю! Это огромный успех, и мы всегда ценим шанс привлечь внимание к нашему виду спорта. Надеюсь, вы оба получите удовольствие от фотосессии ВФ. Я в постоянном контакте с их журналистами, смело обращайся ко мне, если понадобится любая помощь.

*Всего наилучшего,
Изабель*

В конце письма было три десятка ссылок: от «Ю-эс уикли» до «О», журнала Опры Уинфри. «Пэйдж сикс» с придыханием расписывали их с Марко жаркие встречи «в самых дорогих гостиницах мира»; «Гоукер» дал глупое сексистское исследование «Почему теннисистки – единственные привлекательные женщины среди профессиональных спортсменок» с довольно унижительным комментарием по поводу баскетболисток и пловчих; «Е! Онлайн» откопал где-то десяток ее и Марко юниорских фотографий и демонстрировал эти снимки в сопровождении звонких фраз вроде: «Созданы друг для друга!», «Предназначены друг другу судьбой!» Большинство интернет-журналов и блогов разместили у себя фотографию, теперь известную как «Тот самый поцелуй», причем некоторые вырезали из снимка их лица и увеличили картинку, чтобы сделать ее похожей на тайный снимок папарацци, а другие размыли фон фотошопом, чтобы не было видно, что это всего лишь легкий поцелуй на красной дорожке перед сотнями людей. И все в один голос кричали: «Новая сладкая парочка!»

Чарли выключила айпад и сунула его в пляжную сумку. Опустив изголовье шезлонга, она закинула руки над головой и отдалась ощущению утреннего солнца на своей коже. Все так быстро произошло: новый тренер, новый имидж, новый бойфренд, новый агрессивный стиль игры. Если раньше у нее и были какие-то сомнения в правильности этого шага, то уже имелись ощутимые результаты, которые следовало принять во внимание: полуфинал в обязательном турнире Премьер-серии, взлет по рейтинговой таблице и больше внимания журналистов, чем при объявлении Кейт Миддлтон о второй беременности.

Чарли проснулась через полчаса выпавшейся и свежей, словно проспала все утро. Когда в последний раз она могла настолько расслабиться, чтобы заснуть у бассейна? Черт, когда в последний раз она вообще лежала у бассейна? Чарли останавливалась в сказочных отелях, бывала в экзотических городах и странах – и ничего не видела, кроме аэропорта, теннисного корта и интерьера гостиничного номера. Время от времени она ужинала в модном ресторане или посещала прием для теннисистов в шикарном ночном клубе, но все эти пятизвездочные заведения с лучшими шеф-поварами и знаменитыми клиентами могли находиться где угодно. Если бы не синдром смены часовых поясов и таможенные штампы в паспорте, то и не сообразить, где она сейчас – в Гонконге или Шанхае, Мельбурне или Окленде. Однажды Чарли отправила по электронной почте Пайпер, Джейку и отцу описание того, что увидела из окна машины по дороге из аэропорта Абу-Даби к гостинице, и отец напомнил ей, что на этой неделе она играет в Дубае.

Телефон показывал восемь минут десятого. Чарли не очень любила бегать, но она знала, что многие теннисисты считают пробежки единственным способом хоть немного осмотреть окрестности: это считается тренировкой, и в то же время можно увидеть достопримечательности. Она пошла в свой номер и, хотя частный бассейн на балконе с видом на океан выглядел очень соблазнительно, переоделась, зашнуровала кроссовки и сунула в спортивный бюстгалтер двадцатидолларовую банкноту – на случай, если попадется магазинчик, где можно купить воды. Пляж Мидс-Бей был практически пуст: только несколько родителей с маленькими детьми копошились в мелком прибое.

Ноги ритмично касались песка. Чарли взяла удобный темп и сосредоточилась на солоноватом аромате воздуха. Через несколько минут она пробежала мимо другой гостиницы, не столь шикарной, как «Вайсрой», но тоже довольно роскошной и наполненной радостным гомоном ребятишек. Еще через полмили пляж перегородил забор с объявлением

«Частная собственность», прикрепленным к внушительным воротам. За ними пышная растительность скрывала украшенный лепниной особняк, над пальмами виднелась черепичная крыша.

Свернув на мощеный тротуар, Чарли прошла по тропинке к дороге. Слева от нее находилась россыпь коттеджей, церковь и здание, похожее на школу. Она повернула направо и побежала в сторону очаровательной пешеходной улочки, усеянной магазинчиками и кафе, где туристы в огромных соломенных шляпах демонстрировали солнечные ожоги разной степени тяжести, а местные старушки выбирали у прилавка бананы. Киоск с пончиками в конце улицы рекламировал воду в бутылках, и Чарли устремилась туда.

– Эй! – вдруг раздался за спиной знакомый голос.

Чарли, вздрогнув, остановилась. Неужели Марко? Хочет извиниться?

Обернувшись, она не сразу узнала того, кто ее окликнул.

– Дэн? Что ты здесь делаешь?

Он сидел в зеленом пластиковом кресле с чашкой эспresso в руке.

– У меня к тебе тот же вопрос.

Чарли смахнула со лба пот и смущенно вытерла влажную ладонь о шорты.

– Вот, решила побегать. Единственная возможность выйти из гостиницы и немного осмотреться.

– Красиво, правда?

– В гостинице? Великолепно.

Дэн расхохотался от души.

– Хочу купить бутылку воды. Тебе взять?

Он указал на один из трех пустых стульев за его столом.

– Может, присоединишься ко мне? До тренировки у нас еще минут сорок. Здесь варят потрясающий кофе. Лучше, чем в Турции.

Чарли беспомощно огляделась. Почему ей вдруг стало так неловко? Потом поняла: она никогда не оставалась с ним наедине. После тренировки на корте Дэн обычно сразу же исчезал, и Джейк часто вслух задавался вопросом, чем он мог быть так занят после работы. Другие теннисистки часто проводили время со своими спарринг-партнерами – некоторые дружили, некоторые заводили интрижки, – но Дэн явно не желал ни того, ни другого.

– Не настаиваю, Сильвер. Если не хочешь, я не обижусь.

Еще одна улыбка, на этот раз слегка насмешливая.

Чарли села напротив него. Официант появился мгновенно.

– Девушке двойной эспresso, – объявил Дэн.

Чарли открыла рот, чтобы напомнить о запрете на кофеин, однако Дэн ее остановил.

– Доверься мне, Сильвер. Я никому не скажу.

– Спасибо! – Она молитвенно сложила руки. – А тебя что привело в эти края?

– Ты, вообще-то.

– Нет, я имею в виду сюда. В поселок.

Он пожал плечами:

– Просто рано утром вышел на прогулку и в конечном итоге оказался здесь. Я слышал, что на острове отличные кафе.

Одетый в шорты цвета хаки, простую белую футболку и кроссовки, Дэн выглядел спокойным и беспечным.

– И часто ты?

– Что? Гуляю? Пожалуй, часто.

– Так вот где ты пропадаешь, когда мы не тренируемся?

Он помедлил с ответом.

– Ну да. Пользуюсь возможностью посмотреть мир.

Официант вернулся и поставил перед Чарли и Дэном две чашки и кувшинчик с горячим молоком.

– Вот, сделаем так. – Дэн плеснул в чашку Чарли молока и добавил кубик белого сахара.

– Тодд оторвет тебе голову, – шутливо сказала Чарли.

– Да и черт с ним, – фыркнул Дэн. А потом, секундой позже: – Извини. Я уважаю Тодда как тренера и очень благодарен ему за эту работу. За то, что он выбрал меня.

Чарли потянулась через стол и коснулась его руки.

– Я не собираюсь бежать к нему и ябедничать. Не волнуйся.

Дэн уставился на руку Чарли. Она торопливо ее отдернула.

– Извини, – еще раз сказал он.

– Тебе не за что извиняться!

– Я действительно очень благодарен ему, даже если... с ним порой трудно.

– Трудно? – воскликнула Чарли. – Он козел первого класса! Но это между нами.

Дэн, наконец, улыбнулся.

– Ты говоришь, что он тебя выбрал... А что, была конкуренция? Потому что Тодд показывал мне видео с одним из твоих матчей – кажется, на последнем году в Дьюке, – и он тогда сказал: «Вот кто нам нужен. Я нашел того, кто изменит твою жизнь».

– Ну, очень мило с твоей стороны, но я не верю, что все было именно так. – Дэн покачал головой.

– Я серьезно! Он утверждал, что нам нужен ты, и только ты.

Оба отпили по глотку из своих чашек, и Чарли сразу поняла, что Дэн был прав: кофе здесь безумно вкусный.

– А чем ты занимался, когда Тодд тебе позвонил? Ты ведь два года как закончил колледж, верно?

Дэн кивнул.

– Я вернулся домой в Марион, штат Виргиния, и работал в хозяйственном магазине моих родителей. Играл в кое-каких местных турнирах – без особого удовольствия.

– Никогда не думал стать профессионалом? Тот одиночный матч произвел на меня впечатление.

Дэн пожал плечами:

– Иногда подумывал... Не было лишних денег, так что я, в основном, тренировал себя сам. Я хорошо играл, да, но не был уверен, что достаточно хорошо для профессионального уровня. Я не мог рисковать. Диплом колледжа – более надежный путь, чем надежды зарабатывать, играя в теннис. По крайней мере, так я себе говорил, – добавил он с улыбкой.

– А потом тебе позвонил Тодд...

– А потом мне позвонил Тодд и сказал, что я ему идеально подхожу. Полагаю, его привлекла цена моих услуг. Никто не стал бы это делать практически бесп... – Дэн осекся. – Я не то имел в виду. Боже мой, у меня сегодня рот не закрывается.

– Я знала, что оплата невысокая, но Тодд заверил меня, что это обычная ставка, – тихо сказала Чарли.

Дэн отмахнулся.

– Прекрати, пожалуйста. Вероятно, это мой единственный шанс путешествовать по миру и увидеть все эти невероятные места, прежде чем я вернусь в Виргинию и возьму на себя управление магазином. Надо быть сумасшедшим, чтобы отказаться от такой работы. – Он кашлянул. – И если совсем честно, у тебя невероятный талант и огромный потенциал, и я хочу быть рядом, когда ты выиграешь свой первый турнир Большого шлема. Я уверен, что ты выиграешь, и уверен, что это будет первая победа из череды многих.

– Правда? – Чарли захотелось его обнять.

Дэн улыбнулся и взглянул на часы.

– Давай, принцесса-воин, пора идти. У нас тренировка на корте.

Он достал бумажник, но Чарли быстро проговорила:

– Я заплачу.

– Думаешь, я настолько беден, что не могу купить тебе чашку карибского кофе?

Чарли закатила глаза:

– Нет, просто ищу предлог, чтобы достать деньги из лифчика.

И она запустила руку в вырез футболки.

Дэн смутился и отвел глаза, однако это не помешало ему шутливо бросить:

– Лучший аргумент, который можно было придумать. Давай, Сильвер. Я обгоню тебя на обратном пути.

– Неужели? Думаешь, сможешь победить меня только потому, что я девушка? – Чарли оставила на столе всю двадцатку и допила последние капли кофе. – Ну, побежали!

Дэн рванул вперед, и Чарли, смеясь, побежала за ним.

Глава 13. Королева тенниса

Остров Дэниэл, Южная Каролина.

Апрель 2016 года

– А-ах! – вырвалось у Чарли, когда она ударила точно центром ракетки по взмывающему мячу. Едва не задев сетку, мяч приземлился у задней линии; Чарли даже усомнилась, не ушел ли он в аут. Она редко издавала звуки на выдохе – считая их некрасивой и неженственной уловкой некоторых теннисисток, призванной отвлечь соперницу, – но сейчас это была чисто физиологическая реакция на удар, в который она вложила всю силу. Визгливый рык сорвался с ее губ непроизвольно. Она пришла в ужас – и все же вынуждена была признать, что выкрик принес облегчение.

– Тридцать – ноль, – объявила в микрофон судья со своего высоко поднятого над кортом сиденья.

– Требую повтора! – завопила Карин, указывая рукой на линию. – Аут!

– Мисс Гейгер требует повтора. Мы пересмотрим розыгрыш, – объявила судья.

Сердце Чарли забило от волнения. Они играли уже два с половиной часа, победа была в двух очках. Она глубоко вдохнула через нос, выдохнула через рот и стала медленно ходить, чтобы расслабить ноги. Потом взглянула на трибуны. Отец, Джейк, Дэн и Тодд, не отрываясь, смотрели на огромные экраны, где должно было начаться воспроизведение записи.

Медленно, очень медленно, по идеальной дуге мяч летел над сеткой, приближаясь к задней линии. Камера приблизила изображение настолько, что на экране стал виден только мяч и несколько сантиметров задней линии. Вот мяч медленно приближается к ней, и – бам! – крошечная часть нижней поверхности мяча задела самый краешек ленты. Камера подтвердила: да, был один сантиметр – возможно, меньше – перекрытия между мячом и задней линией. Чарли воздела кулак в воздух. На трибунах грянули аплодисменты. Тодд вскочил на ноги, вскинул руки над головой и закричал:

– Да, Чарли! Теперь добей ее!

– Счет остается тридцать – ноль, – спокойно объявила судья. – Карин Гейгер использовала последнее требование повтора.

Карин ударила себя ракеткой по ноге и громко выругалась по-немецки.

Стараясь сохранять спокойствие, Чарли подошла к линии и махнула

рукой подающей мячи девочке. Та сразу же подбежала и протянула ей два мяча. Чарли сунула первый в штанину черных шортов, второй ритмично отбила о корт – раз, два, три – и сразу затем подбросила в воздух. Полуденное чарлстонское солнце слепило, но она привыкла тренироваться при ярком солнечном свете. Чарли следила, как мяч взлетает к небу, а затем, едва только мяч достиг самой высокой точки, оттолкнулась ногами от земли, вытянула правую руку из-за спины и вложила в удар силу всего тела.

Мяч угодил во внутренний угол квадрата. Карин даже не успела добежать. Подача навывлет. Радар-экран в задней части корта зарегистрировал скорость подачи: 103 мили в час. Трибуны взревели.

– Сорок – ноль, – объявила судья на вышке. – Матчбол.

– Чарли! Чарли! Чарли! – скандировали трибуны.

– Прошу тишины на корте, – строго сказала судья, но болельщики и не думали униматься.

Соперница Чарли выглядела так, словно испытывала физическую боль. Собственно, наверное, так оно и было: матч шел уже два часа и тридцать восемь минут. Каждая из них выиграла по сету на тай-брейке, и счет третьего сета теперь был 5:4. Обе взмокли и тяжело дышали.

«Матчбол, матчбол, матчбол», – снова и снова мысленно повторяла Чарли, стараясь глубоко дышать, успокоиться и оставаться сосредоточенной. Если не обуздать бушующий адреналин, есть риск перегореть: руки начнут трястись, ноги – дрожать, концентрация нарушится. Чтобы хоть немного унять бешеное биение сердца, она размеренно вдыхала и выдыхала, направив все внимание на струны своей ракетки.

Снова подбежала девочка, подающая мячи. Чарли приняла от нее полотенце и вытерла лицо, потом взяла один мяч из тех двух, которые девочка держала на уровне ее глаз, и медленно зашагала к линии подачи. Момент истины. Здесь все закончится. Здесь Чарли возьмет свой третий титул в одиночном разряде на турнире Премьер-уровня. Прежде чем подбросить мяч в воздух, она взглянула на противоположную сторону и увидела, что Карин, вместо того, чтобы готовиться принимать подачу, согнулась пополам, опустив голову к коленям. Насколько Чарли могла видеть с такого расстояния, у Карин не было травмы и ее не тошнило, просто она выгадывает дополнительные секунды, чтобы отдышаться.

Правила игры диктовали, что Чарли, как подающая, должна ждать, пока соперник будет готов к приему, но они также гласили, что соперник должен быть готов к приему в течение разумного периода времени. Карин знала, что Чарли никогда не станет подавать мяч, если увидит, что

соперница не готова. Чарли знала, что Карин это знала. А еще она знала, что Карин намеренно тянет время, надеясь сбить ее с темпа, использует психологический прием, чтобы вырвать хотя бы небольшое преимущество в почти проигранном матче. Неспортивно, но действительно: Чарли чувствовала, как нарастает ее злость, пока она стоит на линии, снова и снова отбивая мяч о корт, ожидая, когда соперница поднимет голову в знак того, что готова продолжить игру.

Когда Карин потянулась руками к носкам кроссовок, Чарли посмотрела на трибуны. Тодд глядел прямо на нее, словно ждал ее взгляда. «Подавай!» – одними губами велел он. Чарли замерла. Она, несомненно, поняла его правильно – но разве так можно? Она глянула на судью – та казалась совершенно невозмутимой, – затем вновь на Тодда. Его глаза сузились; он с яростью во взгляде уставился на нее: «Давай!»

Именно об этом Тодд бесконечно твердил на тренировках. Ты играешь не с родственниками, не с друзьями, даже не с приятельницами; ты играешь с врагами. Они выходят на корт и прилагают все силы к тому, чтобы перехитрить тебя, сокрушить твою решимость. Они используют каждое, даже самое незначительное, преимущество, и если ты хочешь хотя бы иметь шанс их победить, ты должна отвечать тем же. Как настоящий соперник, а не как девушка, которая пытается завоевать титул Королевы сердец. Чарли ненавидела его нотации, но по крайней мере сейчас Тодд прав. Ее противниц не волнует спортивное поведение.

Больше не раздумывая, Чарли поставила ноги на ширине плеч, отбила мяч о корт один раз и подбросила его в воздух. Краем глаза она видела, что Карин успела отреагировать и вытянуть ракетку к мячу – и тот пролетел мимо. На это Чарли и надеялась: если принимающий пытается вернуть мяч, он считается готовым к приему.

В первую секунду никто не понял, что произошло. Затем судья на вышке подалась к микрофону и объявила:

– Гейм. Сет. Матч. Турнир. Поздравляем Шарлотту Сильвер с победой в «Вольво Кар Оупен» две тысячи шестнадцатого года.

Болельщики обезумели. Чарли воздела руки над головой и издала победный клич. Ликование болельщиков в сочетании с ее бешеным адреналином сделало все окружающее более четким и ясным. Вот оно. Победа. Победа, которая катапультирует ее в первую десятку рейтинга, а в турнирной сетке предстоящего Открытого чемпионата Франции она будет посеяна выше. Она стала серьезным соперником для сильнейших теннисисток мира. Ее победа приведет в восторг «Найк», подтвердит для «Сваровски», что они сделали правильный выбор, и, без сомнения,

привлечет новые спонсорские предложения. Чарлстон не самый крупный турнир года, однако престижный. Первое место в нем значило немало.

Чарли поправила свою крошечную диадему и взглянула на трибуны, туда, где сидела ее команда. Тодд сиял, Джейк, снимавший происходящее на телефон, помахал Чарли и жестом просил ее улыбнуться. Справа от Джейка было пустое место, где несколько минут назад сидел Дэн. «Куда он убежал? Не мог подождать десять секунд, чтобы меня поздравить?» – подумала она с раздражением. Ее отец сидел в ряду за тренером и братом. Он был единственным, кто держал руки на коленях, не аплодировал, не снимал ничего на телефон, а с немного грустным выражением лица наблюдал за ликующими Тоддом и Джейком. Кажется, он покачал головой? Чарли вытянула шею, чтобы лучше видеть. Отец поймал ее взгляд, улыбнулся, но улыбка вышла безрадостной. И она поняла.

– Э-э... простите, кажется, вас ждут, – пробормотала девочка, подающая мячи.

Девочка указала вперед. За сеткой, широко расставив ноги, прижав ракетку к животу, стояла Карин, с яростью глядя на Чарли.

– Ты не только продажная шлюха, ты еще и мошенница! – прошептала она.

Чарли отшатнулась, словно ее ударили. Она не ожидала таких слов от всегда приветливой Карин.

– Что?

– Я думала, ты другая. Я ошибалась.

Чарли замерла, ошарашенная. И это говорит девушка, которая весь матч кричала, грязно ругалась и ставила под сомнение каждое очко? Которая сама пыталась сжульничать на матчболе?

– Какой надо быть стервой, чтобы подавать, когда твой соперник не готов? – прошипела Карин, а затем внезапно схватила ее руку, резко встряхнула вверх-вниз и, растянув губы в фальшивой улыбке, громко сказала: – Отличный матч, Шарлотта. Можешь собой гордиться!

Бесцеремонно отбросив ее руку, Карин схватила сумку и быстро зашагала с корта.

Чарли послала несколько мячей на трибуны, потом стояла на корте, пока шла церемония вручения трофея, дала несколько интервью, позировала для фотографий со спонсорами турнира, а когда все закончилось, отправилась в раздевалку, которая, к счастью, была пустой. Она задержалась у зеркала, разглядывая свою черную юбку с кожаной отделкой, украшенные стразами кроссовки и сверкающую диадему, и вдруг показалась себе смешной в этом наряде, в котором всего три часа назад

чувствовала себя такой сильной. Потом, стоя под обжигающим горячим душем, она вспоминала слова Карин. Выходит, люди считают, что она встречается с Марко только потому, что он знаменит? Что она смошенничала ради победы? Но разве она такой человек?

Выйдя из душа, Чарли не спешила одеваться на праздничный ужин в ресторане «ФИГ»^[7], где ее будет ждать вся ее команда и еще не меньше двадцати человек – представители WTA и организаторы турнира. Будут ли они, поднимая бокалы с шампанским, думать, что чествуют мошенницу? Унизительная мысль... Может, сказать больно и убежать в гостиницу? Нет, это привлечет внимание; лучше посидеть за столом пару часов, а потом извиниться, сославшись на усталость. Если все сделать правильно, к девяти она уже будет в постели.

– Чарли? Ой, прости, не знала, что ты не одета...

Чарли вздрогнула от неожиданности, однако мгновенно узнала этот голос.

– Марси? Привет! Что ты здесь делаешь?

Ее бывший тренер улыбалась, и Чарли почувствовала волну облегчения. Они не виделись много месяцев, и Чарли часто думала о том, какой будет их первая встреча. Марси не изменилась. Ее прямые, очень густые светлые волосы были стянуты на затылке в аккуратный хвост, достаточно практичный для спортзала и вполне уместный на официальном приеме. Как всегда, она была одета очень просто и в белых джинсах и свитере с вырезом буквой V, подчеркивающих фигуру, казалась лет на десять моложе своих тридцати с хвостиком. С тех пор, как Марси ушла из профессионального спорта, минуло одиннадцать лет, тем не менее она по-прежнему выглядела так, словно в любую минуту может взять ракетку и в пух и прах разгромить какого-нибудь неосторожного глупца, посмеявшегося бросить ей вызов.

– Прости, что вот так врываюсь. – Марси бросила Чарли полотенце.

– Спасибо, – сказала Чарли, оборачивая маленький хлопковый прямоугольник вокруг груди. Она заметила, что брови Марси озабоченно сдвинуты. – Что-нибудь случилось?

– Я с плохими новостями... ну, по крайней мере, не с самыми приятными... Сейчас сюда придет женщина из допинг-контроля. Я слышала, как она спрашивала у администратора, где тебя найти. Я сообразила, что ты здесь, и хотела тебя предупредить. Она будет здесь с минуту на минуту.

– Серьезно? – Чарли постаралась не выдать свою радость: ей придется оставаться в раздевалке под надзором работника из допинг-контроля, пока

ее моча не станет достаточно концентрированной для проведения анализа. А после трехчасового матча, во время которого она выпила галлоны воды, это может занять час. Или два. Больше всего теннисисты не любили проходить тестирование сразу же после матча, потому что это могло занять целый вечер.

– Да уж, – сочувственно кивнула Марси. – Надеюсь, все пройдет быстро. Ты заслужила праздник.

– Вряд ли с тобой согласится Карин, – произнесла Чарли.

Марси сразу поняла.

– Не терзай себя. Теннис давно стал другим. Ты не пала духом после проигрыша в первом сете, взяла верх во втором и честно и справедливо победила в третьем. Остальное – ерунда.

Чарли прекрасно знала своего бывшего тренера: Марси не всегда говорит то, что думает. Да, Чарли продемонстрировала психологическую прочность, да, она определенно показала на корте впечатляющую стратегию и отличные удары, но в глубине души она понимала, что ей не следовало торопиться с финальной подачей, нужно было дождаться, когда Карин будет готова. Не важно, насколько подлыми были намерения соперницы. Чарли все равно бы выиграла, зато не стояла бы сейчас, голая в пустой раздевалке, слишком стыдясь себя, чтобы наслаждаться победой, которую действительно заслужила.

Дверь открылась, и вошла дородная женщина в тренировочных брюках и спортивной куртке с надписью: «Теннисная антидопинговая программа».

– Шарлотта Сильвер? Тереза Бэрд, из Программы допинг-контроля. Мы должны провести стандартный анализ мочи, чтобы подтвердить честность вашей победы. Вы даете согласие?

Согласие. Как будто у нее есть выбор! Время для проведения тестов выбрали сразу после матча явно в наказание за то, что она пропустила «допинговое окно» тогда, рано утром, когда спала в номере Марко. Если теннисист пропускает тест в назначенное им самим временное окно, инспекторы вправе появиться буквально в любое время и в любом месте: в ресторане, на бродвейском спектакле, в аэропорту, в квартире друга или на семейном ужине. Если вы отказываетесь проходить проверку в момент, выбранный инспектором, тест считался проваленным, и вы сразу же получали то же наказание, как если бы были виновны в применении допинга. Так что Чарли, конечно, не стала спорить.

– Я даю согласие. Но должна предупредить: я не уверена, что сейчас смогу пописать.

Женщина кивнула.

– Может, попробуем? Если не получится, вы оденетесь, и мы подождем.

Марси взглянула на Чарли, приподняв брови, словно говоря: «Да, похоже, будет весело». Чарли слабо помахала ей рукой и одними губами прошептала: «Спасибо».

– Марси, пожалуйста, скажи моему отцу и Джейку, что я задержусь, пусть они меня не ждут. Я приеду в ресторан, как только мы закончим. – С ее стороны было не очень красиво обращаться к Марси с такой просьбой – Марси, несомненно, будет неловко встречаться с ее родными, тем более, что с ними наверняка будет Тодд. Однако как только она официально дала согласие на тест, считалось, что тест уже начался, и ей не разрешат пользоваться телефоном, пока она успешно не попишет в баночку.

– Конечно, – сказала Марси, перекидывая сумку через плечо. – Еще раз поздравляю. Ты действительно заслужила победу. – Только когда она вышла, Чарли вспомнила, что ничего не спросила у Марси ни о ней, ни о ее муже.

– Готовы попробовать, мисс Сильвер? – скучающим голосом обратилась инспектор.

– Пожалуйста, зовите меня Чарли. Простите, забыла ваше имя. Мы собираемся вместе идти в туалетную кабинку, так что, вероятно, логичнее обращаться друг к другу по именам.

– Тереза Бэрд. Вы можете называть меня мисс Бэрд. – Она открутила крышку с пластиковой чашки.

– Ясно. Мисс Бэрд. Да, я готова.

Чарли подошла к первой кабинке. На глазах у инспектора, которая стояла возле открытой двери, Чарли присела над унитазом и приняла от мисс Бэрд пластиковый стаканчик. Обеими руками она придерживала полотенце, все еще обернутое вокруг ее тела. Мисс Бэрд кашлянула.

– Прошу прощения, в процессе сдачи мочи я должна ясно видеть емкость.

Чарли подняла голову.

– Правда?

– Да.

– Ну ладно.

Она позволила полотенцу упасть на пол. Держа чашку под собой, Чарли попыталась расслабиться. Наконец, через несколько долгих минут она почувствовала, как чашка в ее руке потеплела. Стараясь не расплескать ни капли, Чарли победно подняла ее – и сразу увидела, что моча

совершенно прозрачная. Бесцветная, как вода.

– Черт.

– Я подожду здесь.

Когда Чарли вновь появилась из душа, с облегчением заворачиваясь в полотенце, мисс Бэрд что-то писала в маленьком кожаном блокноте.

– Нам придется подождать, – пробормотала она, не поднимая глаз.

– Хорошо, – кивнула Чарли. – Можно я пока оденусь?

– Да, – процедила мисс Бэрд.

Чарли начинал раздражать ее неприветливый тон, но она напонила себе, что бедная женщина едва ли получает удовольствие от работы, которая заключалась в том, чтобы сидеть в туалетах с незнакомыми людьми. Вдохнув, Чарли направилась к своему шкафчику. Мисс Бэрд проследовала за ней и наблюдала, стоя на почтительном расстоянии, как Чарли натягивает спортивный костюм. Она переоденется в праздничный наряд, когда испытание закончится.

– Я пока крашусь, хорошо?

Мисс Бэрд проследовала за ней к раковинам, и пока Чарли сушила волосы, просматривала какие-то бумаги. Желудок Чарли заурчал от голода, но сейчас нельзя было есть, потому что тогда захочется пить, а лишняя жидкость только затянёт этот мучительный процесс. Чарли взглянула на часы: в ресторане уже ждут.

Чарли сделала еще попытку пописать. Безуспешно.

– Не волнуйтесь, рано или поздно получится, – сказала мисс Бэрд. Это было самое человеческое из всего, что она до сих пор говорила.

Зазвонил сотовый телефон Чарли. И она, и мисс Бэрд увидели на экране: «Папа».

Чарли смотрела, как он звонит, зная, что ей не разрешено брать трубку, однако на четвертом звонке мисс Бэрд жестом позволила ответить.

– Привет, пап. Я все еще в раздевалке. Со мной здесь инспектор из допинг-контроля, а я не могу пока сходить в туалет. Но она любезно разрешила мне взять трубку, чтобы ты мог поздравить меня с большой победой.

– Поздравляю, – сухо сказал отец.

– Папа. Мы оба знаем, что Карин специально тянула время.

– М-м. – Подобным бормотанием отец обычно выражал свое несогласие. Чарли понимала, что отец на нее злится.

– Правда, какой у меня был выбор? Судья не реагировала, а Тодд показывал, что пора подавать мяч. Если бы ситуация была обратной, Карин уже запустила бы этим мячом прямо мне в голову. Что я должна была

делать? Стоять, психуя все больше с каждой секундой и чувствуя, как каменеют мышцы, и ждать, когда она соизволит вернуться в игру?

– Я, конечно, не вправе тебя судить, – произнес он. – Но ты знаешь, как я смотрю на подобные действия.

– Превжняя благородная Чарли ждала бы хоть вечность и проиграла бы этот матчбол, а затем следующий, а дальше все скатилось бы в полное дерьмо. Ты видел, как такое случалось раньше! Марси первая поддержала бы меня. Она сказала бы, что я приняла верное решение, стала психологически сильнее. Если бы я не пошла на этот шаг, то проиграла бы турнир. Проиграла, потому что всегда пыталась всем угодить. Никого другого, похоже, не заботит вежливость, так почему она должна заботиться меня? Я не сделала ничего плохого! У меня есть полное право подавать мяч, когда я, черт возьми, сочту нужным!

– Ну, похоже, для себя ты все решила, – промолвил отец.

– Мисс Сильвер? Давайте попробуем еще раз, – предложила мисс Бэрд.

– Папа, мне пора. Увидимся в ресторане, как только...

– Я еду в гостиницу, – сказал мистер Сильвер.

Его голос показался бы совершенно нейтральным любому, кроме Чарли – она-то слышала в нем нотки разочарования.

– Вот как? Ты не будешь с нами праздновать?

– Уже очень поздно. А Джейк и Тодд горят желанием обсудить с тобой матч. Давай поговорим завтра перед моим рейсом.

Чарли помолчала.

– Ладно. Если ты так хочешь... – С пылающими щеками она отключила телефон и повернулась к инспектору: – Думаю, сейчас у меня получится.

На этот раз, погрузив в ее мочу бумажную палочку, мисс Бэрд объявила, что концентрация достаточная.

– Благодарю вас за сотрудничество. Можете идти.

Чарли поблагодарила ее и направилась обратно к своему шкафчику. Она вытащила из кармана куртки записную книжку и начала листать. Стилист подобрала для нее два варианта одежды, но без фотографий Чарли не знала бы, как правильно соединить все элементы наряда.

В этой записной книжке имелись таблицы подбора одежды на любой случай – интервью прессе, телевизионные интервью, приемы для теннисистов, авиаперелеты, семейные обеды и так далее. Чарли переворачивала страницы, пока не нашла таблицу, обозначенную как «Празднования». Из десятка вариантов в этом разделе Моник пометила

маленькими стикерами два; сейчас в шкафчике Чарли висели шелковый комбинезон на тонких бретельках, приспособленный резинками на талии и лодыжках, и короткий черный топ в паре с чем-то похожим на балетную пачку. Подумав, что она провела в туалете слишком много времени, чтобы, когда снова захочется писать, ломать голову, как снять и надеть комбинезон, Чарли выбрала второй наряд.

Стоя перед зеркалом, она одобрительно подумала, что Моник свое дело знает. Рукава-крылышки подчеркивали загорелые руки, между нижним краем топа и поясом юбки была видна полоска голой кожи, что подчеркивало ее грудь. Черные «лабутены», украшенные стразами «Сваровски», стройнили и удлиняли ноги, хотя Моник, вняв мольбам Чарли, все-таки согласилась на каблук в пять саниметров вместо десяти.

Телефон проиграл мелодию вызова по «Фейстайму», на экране возникла фотография Моник. Зная, что стилист не перестанет звонить, пока ей не ответят, Чарли провела по экрану пальцем и отвела правую руку с телефоном подальше от себя.

– Мне нравится вот этот вариант, – сказала она, перемещая экран, чтобы Моник могла осмотреть ее всю.

– Где ты, черт возьми? Разве ты не должна уже быть в ресторане? – Моник прищурилась. – Да, мне тоже нравится. Я не сомневалась, что юбка от Элис и Оливии подойдет идеально. Покажи обувь.

Чарли направила телефон на свои ноги.

– На самом деле мне довольно комфортно на такой высоте.

Моник недовольно цокнула языком.

– Если ты кому-нибудь проболтаешься, что я согласилась на низкий каблук, мы больше не друзья. Так и знай.

Чарли рассмеялась.

– Где диадема? Я оставила тебе пару запасных в косметичке на дне сумки.

– Да, я видела.

– Надень одну из них, на свой выбор. Ну, кто посмеет сказать, что я отказываю клиентам в творческой свободе?

– Они одинаковые, Моник. Только одна с черными камнями, а другая с розовыми.

– Да, но приятно же, что ты можешь выбирать? Хотя с этим нарядом и в свете того факта, что ты празднуешь огромную победу, я настоятельно рекомендую черную.

– Не знаю...

– Тогда бери розовую, если нравится. Я переживу.

– А не чересчур для Чарлстона? Это, типа, настоящий Юг. Город кашемировых «двоек». И я заявлюсь на ужин в тиаре?

– Еще как заявишься! – воскликнула Моник. – Плевать, пусть даже все остальные наденут тошнотворные розово-зеленые платypiшки от Лилли Пулитцер. Речь сейчас о тебе, и ни о ком другом. Ты принцесса-воин. И ты, черт побери, только что победила! Так что надевай чертову тиару и иди с гордо поднятой головой. Представь, что ты в Букингемском дворце. Ты – теннисная королева, вот и веди себя, как положено королеве!

Чарли видела на экране, как Моник ступила на забитый людьми траволатор в аэропорту.

– Левый ряд – для прохода! – крикнула Моник тем, кто тормозил ее движение. Едва сойдя с траволатора, она вновь обратила внимание на экран и рывкнула: – Живо! – так громко, что идущая рядом с ней семья из четырех человек испуганно обернулась.

Чарли аккуратно поставила телефон и достала из сумки черную диадему. Узор из кристаллов «Сваровски» на ней был маленьким и нежным, и их цвет сливался с ее волосами. Может, издалека диадема будет выглядеть просто как блестящий обруч для волос? Чарли вставила небольшие гребни в волосы с обеих сторон и поправила диадему, чтобы узор был по центру.

– Вот.

– Хорошо. И не снимай. Теперь нанеси тушь для ресниц, блеск для губ и иди. К следующему разу куплю тебе накладные ресницы. Думаю, они очень...

– Моник! На корте я не могу носить даже солнцезащитные очки, думаешь, я выдержу накладные ресницы?!

Но Моник уже отключила связь. Чарли улыбнулась, внезапно почувствовав себя лучше, и стала собирать свои вещи.

Глава 14. Великий план

Чарлстон.

Апрель 2016 года

Едва она села на заднее сиденье машины, как снова раздался звонок «Фейстайма».

– Следишь за мной? Надела я эту чертову тиару, надела!

– Шарлотта? Алло? – Сексуальный испанский акцент Марко заставил ее сердце на мгновение замереть.

– Марко? – Она взгляделась в экран. Он сидел в теннисном костюме на ковровом покрытии пола, а какой-то мужчина в кресле рядом прикладывал к его плечу пакет со льдом. Она ждала, когда Марко с ней заговорит, но он улыбался кому-то за камерой.

– *Gracias*, – сказал он, шепелявя на букве «s» классическим для испанца образом. – *Volver a verme pronto* [\[8\]](#).

Наконец Марко повернул лицо к телефону.

– Привет, – сказала Чарли, включая верхний свет над задним сиденьем. Ее обрадовало, что он следил за ее турниром. В Чарлстонском турнире участвовали только женщины, и, как правило, мужчины не обращали на него внимания: они соревновались в Монте-Карло на «Ролекс Мастерс», а поскольку Марко был не только фаворитом турнира, но и лицом «Ролекс», он был, несомненно, занят по горло. Она быстро посчитала время и поняла, что в Европе сейчас почти полночь. Его матч, видимо, закончился очень поздно.

– Чарли! Как жизнь? Что нового?

– Что нового? – смеясь, протянула она. – Да так, ничего особенного. Устала после победы.

Марко снова взглянул за камеру и подмигнул кому-то. «Где он? В комнате отдыха теннисистов? В своем гостиничном номере? В чужом номере?»

– Чарли? Слушай, можешь оказать мне огромную услугу? Из «Баболат» только что сообщили, что у них готов для меня новый набор ракеток. Если они отправят их в Европу по почте, посылка может задержаться на таможне. Если я отправлю их тебе в аэропорт Кеннеди, сможешь привезти их мне в Мюнхен?

– Твои новые ракетки?

– Ты ведь, кажется, говорила, что играешь в Мюнхене. И прилетаешь завтра, да? Или послезавтра?

То есть он помнит, что она вылетает на следующий день. Это логически означает следующее: либо он знает, что Чарли победила, и не удосужился об этом упомянуть, либо ему настолько все равно, что он даже не спрашивает, как все прошло. Оба варианта не радовали.

– Да. Сейчас еду праздновать, а завтра вылетаю.

– Пересадка в «Джи-эф-кей»? Или в Атланте? Они готовы отправить ракеты и в тот, и в другой аэропорт, если я дам им знать сегодня вечером.

– «Джи-эф-кей». – Ее голос был холоднее стали.

– Отлично. Скажу Бернардо, чтобы он позвонил твоим людям. Спасибо, детка.

– Это все?

– К сожалению, да, любовь моя, здесь уже очень поздно. С нетерпением жду встречи. – Марко послал в камеру воздушный поцелуй, хотя его взгляд по-прежнему был направлен вверх экрана. – *Besos!*^[9]

Чарли нажала на кнопку завершения вызова с такой силой, что чуть не выронила телефон. «Эгоистичный придурок!.. Как это будет по-испански?»

Телефон зазвонил снова. Ее сердце забилося при мысли, что он перезванивает, чтобы извиниться, но на экране высветилось «Джейк».

– Марси вам передала? Я еду. Меня выловил допинг-контроль, и я только-только смогла нормально пописать.

– Ты наша рок-звезда, Чарли! Ты выиграла Чарлстон! На корте выглядела просто невероятно! А как она пыталась напасть тебе в конце, а? И ты ей не позволила! Мы с Тоддом чуть с ума не сошли!

Чарли заулыбалась. Вот так надо поздравлять.

– Ты представляешь, как это скажется на твоём рейтинге? Не говоря уже о большом толстом призовом чеке?

– Да, он довольно большой.

– Довольно? Недооценка года. Сумасшедший карьерный взлет! Все сработало, Чарли! Тодд, новый имидж, психологический настрой – все сработало. Ты выиграла Премьер! Выиграла! И если тебе этого недостаточно, сейчас будет еще лучше.

– Лучше? Правда? Что может быть лучше?

– Мне позвонили по телефону.

– С ума сойти.

– Seriously, Чарли. Дослушай. погоди, это ты подъезжаешь?

Чарли посмотрела в окно и увидела у дверей ресторана Джейка с телефоном, прижатым к уху. Она отключилась и вышла из машины.

– Вау! Потрясающе смотришься, – обнимая ее, сказал Джейк. – Моник?

Чарли двумя пальцами приподняла края юбки-пачки и присела в реверансе.

– А кто еще? Если бы выбирала я, на мне были бы штаны для йоги.

– Отличная победа, Чарли! – прокричал с другой стороны улицы грузный мужчина в деловом костюме.

– Мы любим тебя, Чарли! – звонко крикнула одна из девочек-близнецов, которые шли со своими родителями.

Она помахала им рукой, и почти все, кто был на улице, замахали в ответ: толпа у пешеходного перехода, люди в очереди за мороженым, клиенты уличных кафе.

– Где Марко? – крикнула женщина с младенцем.

Чарли засмеялась, хотя одно упоминание его имени заставило ее сжать кулаки.

– В Монте-Карло! – крикнула она в ответ, надеясь, что беззаботно. – Тяжкая доля, да?

Толпа смеялась вместе с ней, и в этот момент она ощущала себя невероятно свободной. Легкой. Счастливой. Деньги, рейтинг, спонсорские контракты – все это чертовски круто, но то, что происходило сейчас, было самым лучшим.

Джейк повел ее в ресторан, а метрдотель проводил их к столику в дальнем углу. Огромный металлический канделябр, свисавший с центра потолка, отбрасывал причудливые тени, на столе стояло оловянное ведро с пышным букетом полевых цветов. Этот ресторан считался лучшим в Чарлстоне, возможно, и на всем Юге: звезда «Мишлен» и восторженные отзывы от каждого ресторанный критика по эту сторону Миссисипи. По словам Джейка, всего-то и понадобилось – позвонить часом раньше и назвать ее имя. Не Тодда. Не Марко. А ее, Чарли.

– Почему только на двоих? – спросила она. – Где остальные? Я думала, сегодня соберется вся команда.

– Время для моей хорошей новости.

– Марко приехал? – выпалила она, не подумав.

Джейк удивился.

– Марко? Разве он не в Монте-Карло?

– Да, в Монте-Карло. Я просто... вдруг он... Ничего. – Чарли почувствовала себя глупо. Ведь она только что с ним разговаривала и знала, что он в Европе. Скорее Обама прилетит на военном самолете, чтобы устроить ей сюрприз, чем Марко уедет в разгар турнира.

– Чарли, можешь на секунду сосредоточиться? – Джейк нетерпеливо притопнул ногой.

Она посмотрела на него с удивлением. Он редко так волновался.

– Что происходит? Почему у меня такое чувство, что ты сейчас скажешь, что кто-то умер?

– Никто не умер. Все гораздо круче. Мне позвонили... – Он произнес последнюю фразу шепотом, наклоняясь к ее уху.

– Шепотом сообщают только плохие новости, – прошептала в ответ Чарли. – Типа «у меня рак» или «я жду ребенка».

– Звонил помощник Зика Лейтона.

Чарли подняла брови.

– Чего хочет пиарщик Зика Лейтона? Билетов? Пропуска на турнир Шлема? Который из них? «Оупен»? Или они снимают что-то во Франции? Дай угадаю... Его помощник сделает вид, что это на самом деле для Зика, а у того вдруг возникнут неотложные дела, и его помощник будет вынужден привести на турнир всю свою семью. Разве с этим не может разобраться твой офис?

– Чарли! – зарычал Джейк. – Зик едет сюда, чтобы с тобой поужинать. Будет с минуты на минуту.

Чарли рассмеялась.

– Папа уже сказал мне в двух словах, как его ужасает мое неспортивное поведение. Бог знает, чем занят сейчас Тодд: возможно, изобретает новые методы пыток, чтобы заставить меня работать еще больше. А Дэн, я уверена, катается по Старому городу в конной повозке.

Джейк подтолкнул ее, чтобы она села, навис над ней и произнес:

– У меня нет времени, чтобы все объяснить. Зик снимал здесь сцену того байопика, который он делает со Стивом Кареллом и Дженнифер Лоуренс. Он в городе всего на одну ночь. И почему-то – мне не объяснили почему – попросил помощника договориться об ужине с тобой.

– Подожди. Зик Лейтон... тот самый Зик Лейтон приедет сюда? Чтобы поужинать с нами? Сейчас?

– Не с нами. С тобой. – Зазвонил сотовый телефон Джейка. Он прижал его к уху и покивал. – Хорошо. Мы готовы. Спасибо.

– Готовы? Мы не готовы! – залепетала Чарли. – Что происходит? Это что, свидание? Разве он не встречается с... как там ее? Израильская модель? Что я скажу Марко? Конечно, мы еще не определились с отношениями, но не думаю, что прилюдное свидание с другим мужчиной на данном этапе приемлемо. Это будет во всех таблоидах! Джейк, что, черт возьми, происходит?!

– Не свидание – ужин, – прошипел Джейк. – Теперь помолчи хотя бы секунду.

Внезапно шум в ресторане затих. У входной двери собралась большая группа людей, которая, словно в отрепетированном танце, двинулась к ней. Чарли невольно вспомнился старый видеоклип «Триллер». Во главе группы, в кожаных джинсах и черном свитере, шел не кто иной, как Зик Лейтон, самый известный актер на планете Земля. В первую очередь Чарли обратила внимание даже не на его знаменитые волосы (русые шелковистые волны), легендарный квадратный подбородок или походку – источающую силу, как будто каждый шаг подкреплял его уверенность в том, что он столь же изумительно великолепен, как утверждают все вокруг, – а на то, как он смотрел ей прямо в глаза, пока приближался. Твердый взгляд Зика Лейтона одновременно и успокаивал, и нервировал ее.

– Шарлотта Сильвер, – произнес он.

Его голос звучал так же знакомо, как голос брата. Зику было около сорока, знаменитым он стал в семнадцать; практически всю свою жизнь Чарли рассматривала его фотографии, читала о нем статьи, изучала черты лица, особенности характера и любые детали, какие только могла найти – как и все остальные гетеросексуальные женщины в возрасте от двенадцати до восьмидесяти и все геи, живущие на планете. Было странно и в то же время удивительно приятно видеть его во плоти.

– Пожалуйста, не вставайте.

И все же она захотела встать ему навстречу. Сама не зная, почему.

– Зик, я очень рада встретиться с вами, – сказала она бесстрастно, словно у нее не дрожали колени и не вспотели ладони.

Встав, Чарли сразу заметила, что была гораздо выше его. Что не так уж удивительно с ее метром восемьдесят два без каблуков. Потом, когда она поцеловала его в щеку (откуда в ней взялась такая смелость?!), Чарли увидела на лице Зика глубокие морщинки вокруг глаз и возле рта. Его экранная ипостась обладала загорелой, бархатистой, гладкой кожей и выглядела как нечто среднее между юным Лео и чисто выбритым Брэдом, однако вблизи он казался более грубым, более мужественным. И в тысячу раз более сексуальным.

Он жестом пригласил ее сесть и сам скользнул на стул рядом, ближе, чем это было необходимо. Она сразу же ощутила его запах, который, как ни странно, напомнил ей запах теннисистов-мужчин: пьянящая смесь ароматов травы и солнечного света. Снова на ум пришел Марко. Что она ему скажет? Впрочем, Чарли отогнала эту мысль. Если бы он хотя бы одним словом поздравил ее с самой крупной победой за всю ее карьеру, то

Чарли, возможно, отказалась бы от ужина. Возможно.

Она огляделась. Джейк исчез.

– Вы улыбаетесь. А мне расскажете эту шутку? – спросил Зик. От улыбки на его лице чуть ниже левого глаза появлялась крохотная ямочка. Почему она никогда не замечала ее раньше?

– О, ничего. – Чарли закашлялась. И что им теперь положено делать? Что вообще происходит?

Где-то сбоку сверкнула вспышка фотоаппарата.

– Простите, – сказал Зик, совершенно не раскаяваясь. – Я стараюсь не попадаться на камеры, но попробуй улизни, когда с тобой ездит огромный парень.

Чарли проследила за его взглядом. За окном ресторана собралась толпа зевак с айфонами, видеокамерами и фотоаппаратами. Каждый боролся за местечко поближе к окну, и высокий, широкоплечий лысый мужчина пытался их сдерживать.

– Они ведь слишком далеко, чтобы вас видеть?

– Да, – кивнул Зик. – Им все равно. Папарацци, вероятно, тоже скоро появятся, а вспышки их камер раздражают гораздо сильнее. Будем надеяться, что ресторан справится.

– Как вы живете? Это, наверное, ужасно досаждают.

– Вам наверняка приходится не легче, – любезно заметил он.

Чарли рассмеялась.

– Ну, не совсем.

– В течение многих лет у меня была своя система: задние двери, бейсболки и все такое. А потом произошел инцидент с сумасшедшей фанаткой, и пришлось нанять телохранителя. Который, как вы видите, весьма заметен.

Чарли смутно помнила какую-то историю о чокнутой фанатке, засевшей с гольф-клюшкой в домике у его бассейна.

Подошла официантка.

– Здравствуйте, мисс Сильвер. Здравствуйте, мистер Лейтон. Мы очень рады таким гостям. Позвольте для начала предложить напитки?

– Мне воду с лаймом, – машинально ответила Чарли.

Зик взглянул на нее, приподняв бровь.

– Разве мы не отмечаем вашу победу? Насколько я помню, кто-то выиграл престижный турнир. Разве это не дает вам права на что-нибудь чуть более праздничное?

– Могу ли я рекомендовать «Зеельбах»? – подала голос официантка. – Рецепт был утерян во время «сухого закона» и только недавно воссоздан.

Виски, горький бальзам, «Куантро» и немного шампанского – наш самый популярный коктейль.

– Конечно. – Чарли пожала плечами.

Зик поднял палец.

– Один для дамы, пожалуйста.

Когда официантка ушла, они какое-то время неловко молчали, затем Чарли выпалила:

– Что мы здесь делаем?

– Выпиваем. И, надеюсь, поужинаем. – Чарли не улыбнулась. Зик потянулся через стол и взял ее за руку. – У нас нет определенной программы, Шарлотта. Я сегодня снимал сцены в Чарлстоне и увидел по телевизору, что вы тоже здесь. Я большой ваш поклонник. По-моему, вы выдающаяся теннисистка, и, признаюсь, я читал о вас все, что мог найти. Поэтому я позвонил, чтобы узнать, смогу ли я встретиться с вами сегодня вечером. Черт возьми, не каждый вечер я могу сидеть напротив красивой женщины, которая к тому же очень талантлива!

Чарли с удивлением посмотрела на него.

– Серьезно? Вы ожидаете, я поверю? Сидеть напротив красивых женщин – ваша работа.

Зик поднял руки над головой, показывая, что сдается.

– Вы действительно хотите заставить меня сказать прямо?

– Что сказать прямо?

– Что у меня есть великий план заманить вас сегодня вечером в свою постель? Что я надеюсь, вы забудете на несколько часов о своем красавце бойфренде и простите мне наличие телохранителя и то, что, когда мы поедem обратно в гостиницу, за нами погонится не меньше шести сотен человек?

Чарли почувствовала, как сердце ухнуло в живот.

– Кажется, вы только что сказали это прямо.

– Неужели? – спросил Зик с лукавой улыбкой.

Никогда еще она не встречала настолько самоуверенного человека. В сравнении с мужчиной, сидящим напротив нее, Марко вдруг показался подростком. Она не ожидала, что в мире может существовать более прямолинейная категория мужчин, чем профессиональные спортсмены, но, очевидно, она мало общалась с кинозвездами.

Официантка принесла напитки. Чарли практически залпом выпила коктейль, Зик сделал глоток воды. Потом она вспомнила заголовки, мелькавшие в журналах несколько лет назад. Громкий развод со второй женой, родившей ему двух детей. Заявления о многочисленных изменах,

которые она сделала в суде во время спора об опеке. Автокатастрофа на тихоокеанском побережье в четыре часа утра с участием «Мазератти» и двух красивых женщин. Судебное решение о тридцатидневном пребывании в реабилитационном центре «Промисиз» в Малибу. Слухи об оргиях с кокаином в особняке на Голливудских холмах. Женщина, которая умерла, похоже, от передозировки на одной из таких вечеринок – хотя отряд антикризисных менеджеров быстро обработал эту историю и представил иную версию: проблемы с сердцем. Алкоголь, наркотики, женщины – все это осталось позади то ли благодаря блестящей пиар-кампании, то ли благодаря реальным усилиям самого Зика изменить свою жизнь и получить право встречаться с детьми. В настоящий момент Зик пребывал на вершине славы, хотя и вел новый, сокрушительно скучный, чистый до скрипа образ жизни. О том, является ли этот переворот искренним или показным, были написаны горы статей, и каждую неделю оба лагеря представляли публике новые доказательства. Никто ничего не знал наверняка. Плевать – Зик Лейтон стоил того, чтобы о нем говорили.

– Раньше вам женщины не отказывали? – спросила Чарли с интересом – и с кокетством.

– Чаще, чем мне хотелось бы признавать. Надеюсь, вы не станете одной из них.

Когда официантка появилась вновь, Зик попросил ее рекомендаций относительно меню. Он вопросительно взглянул на Чарли, и она кивнула. Зик заказал еду для обоих. Хоть убей, Чарли не смогла бы вспомнить, что именно. А еще, когда позже ее пытал Пайпер, она не смогла вспомнить, о чем они говорили в течение следующих двух часов. Зик до слез рассмешил ее историей, в которой фигурировала его мать и одна не в меру преданная фанатка, потом выяснилось, что он ужасно боится летать на самолетах (об этом она нигде не читала). Зик с большим интересом и знанием дела задавал ей вопросы о теннисе, теннисных турне, плотном графике переездов одиннадцать месяцев в году и, выслушав ее ответы, задавал новые, еще более серьезные вопросы. Как ни странно, слова о том, что он является большим ее фанатом, не были лестью: Зик отлично разбирался в теннисе, знал всех теннисистов, внимательно следил за ее матчами. Чарли помнила из какой-то статьи, которую читала в «Пипл» или «Интертеймент уикли», что у Зика имеется личный корт в его доме в Лос-Анджелесе и он часто играет – ей показалось милым, что он не стал об этом упоминать. Зик не щеголял именами знаменитостей, с которым общался, промолчал даже о подробно освещенной в прессе прогулке вместе с Джорджем и Амаль Клуни по озеру Комо на шикарной яхте султана Брунея и не пытался

впечатлить ее своим богатством.

Он смешил ее, внимательно слушал, скромно держался, и каким-то непонятным образом – хотя она не смогла бы толком объяснить этого ни себе, ни кому-либо еще – к тому времени, как они разделили на двоих порцию лимонного мороженого, Чарли забыла, что он знаменит. Забыла, что подростком она была в него влюблена. Забыла, что возле ресторана собралась огромная толпа, чтобы мельком его увидеть, и что она сидит рядом, пожалуй, с самым узнаваемым человеком из всех ныне живущих.

Наконец Зик посмотрел прямо ей в глаза и спросил:

– Может, поедem отсюда?

Чарли не стала думать о Марко или шумихе в прессе, которая, несомненно, за этим последует. Она не задумалась и о том, что некоторые ее тренировки длились дольше, чем она с ним знакома. Впервые за очень долгое время она не думала вообще ни о чем. Чарли всегда была хорошей девочкой, следовала всем правилам, которым научили ее другие люди. И с каким результатом? Пропустив так много удовольствий за годы тренировок, переездов, турниров и матчей, она знала, что не сможет отказать. Она не могла списать это на опьянение (выпила-то всего один бокал), преклонение перед кинозвездой или даже на обиду на Марко. Правда была гораздо проще. Правду она скажет Пайпер, когда позже они будут обсуждать каждую деталь, или Джейку, когда он выразит свое притворное неодобрение, потому что так поступают старшие братья. Она сделала это просто потому, что могла.

Чарли посмотрела Зику в глаза и улыбнулась.

– Поехали.

Глава 15. На следующее утро

Чарлстон.

Апрель 2016 года

Знакомые теннисисты жаловались, что, просыпаясь в очередной раз в новом месте, часто не могут вспомнить, где находятся: города и страны путались в голове, и повсюду они чувствовали себя не дома. Чарли, хотя обычно кивала в знак согласия, на самом деле всегда точно знала, где она: в гостиничном номере в Сингапуре, в арендованной квартире в Уимблдоне или в кресле самолета, летящего над Тихим океаном. Сегодня впервые за всю свою жизнь она поняла, о чем они говорили. Несмотря на то, что рядом с ней в постели лежал Зик Лейтон – или, возможно, именно поэтому, – она не сразу смогла вспомнить, где они находятся и как сюда попали.

– Привет, – пробормотал он, откладывая свой телефон. – Проснулась?

Она смущенно потянула к себе край одеяла, чтобы прикрыть грудь, Зик мягко откинул его обратно и поцеловал ее груди, нежно, словно очень хрупкие предметы искусства.

– Сколько времени? – спросила она, хотя отлично видела циферблат часов на прикроватном столике: 9.12 утра.

– Начало десятого. Я долго смотрел, как ты спишь.

– Долго? – Чарли перевернулась на бок и, ободренная его улыбкой, поцеловала его в губы. – Разве мы не заснули пару часов назад?

Зик перекатился и лег на нее сверху; она почувствовала, что он ее ждал, и застонала.

– Нельзя, – прошептал он, прихватив зубами ее нижнюю губу. – Тебе вроде надо на самолет?

Мюнхен. Или она уже пропустила свой рейс до Нью-Йорка?

– Насколько все плохо?

– Ну, недавно постучал менеджер отеля. Похоже, твоя команда очень хочет с тобой связаться...

– Где смотреть? – Чарли схватила телефон. Сразу же она увидела, что экран буквально разрывает от сообщений: два от отца, два от Джейка, одно от Тодда, четыре от Пайпер и даже одно от Натальи.

– Где хочешь. Наверняка везде написано одно и то же. И чтобы ты не удивлялась, возле отеля – настоящий митинг. Все знают, что ты здесь.

– Что я здесь? – Чарли была в панике. – Конечно, я здесь! Я здесь живу! Мы в моем номере! Пока мы не вышли из ресторана, я даже не знала, что ты тоже остановился здесь.

Зик поднял руки – «сдаюсь», – но не смог скрыть насмешливого выражения.

– Не убивай гонца.

Не читая сообщений, она открыла интернет-приложение «Нью-Йорк пост». Мгновенно на экране возникла фотография ее и Марко. Посередине молнией проходила ломаная красная линия, а заголовок красным жирным шрифтом гласил: «Обманщики».

Она закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Ее как будто ударили прямо в сердце. Обманщица. Обманывают только слабовольные – в спорте, в любви и в жизни. И вот теперь в этом обвиняют ее, самым крупным шрифтом, чтобы видел весь мир.

Чарли поудобнее перехватила телефон, но Зик положил на него руку.

– Может, не стоит? Ничего хорошего ты там не найдешь.

Она вырвала телефон из его руки и быстро прочитала первые два предложения:

Нет любви в этой игре! Похоже, ошиблись даже их близкие друзья: несмотря на многочисленные сообщения о страстных и жарких отношениях парочки, оказалось, что теннисные знаменитости Марко Вальехо и Шарлотта Сильвер встречаются – с другими.

Она взглянула на Зика, который внимательно за ней наблюдал. А потом ее осенило: «Обманщики». Во множественном числе.

Занимающий первое место в мировом рейтинге теннисист участвует в турнире «Ролекс Оупен» в Монте-Карло и только что прошел в полуфинал. Объект любовного интереса Вальехо все еще остается загадкой, однако многочисленные источники подтверждают, что он был замечен целующимся с белокурой красоткой на официальном приеме для теннисистов, с которого отбыл вместе с ней. Позже сладкую парочку заметили за еще одним поцелуем на балконе гостиничного номера великолепного испанца – девушка сидела у него на коленях, одетая, похоже, в мужскую футболку! Но не переживайте, Сильвер в долгу не осталась. Ее видели на романтическом ужине в ресторане не с кем иным, как с самим Зиком Лейтоном. Новая горячая парочка не только пила коктейли с шампанским и ела трюфельное ризотто, – телохранителя Лейтона позже

видели в аптеке (безопасность прежде всего!). И не похоже, чтобы Зик и Шарлотта пожелали друг другу спокойной ночи у лифта... Персонал гостиницы сообщил нам, что великолепный дуэт по-прежнему скрывается в номере кинозвезды. Следите за новой информацией!

Как будто это было недостаточно плохо, ниже шли фотографии. Четыре. На первой Шарлотта и Марко целуются на красной дорожке в Майами. На следующем снимке, видимо, сделанном издали и увеличенном, худенькая блондинка в огромной футболке с воротничком «Найк» сидела лицом к Марко у него на коленях, обхватив голыми ногами его бедра. Марко смеялся, а она целовала его в шею. Третья фотография показывала Чарли и Зика за столиком в ресторане прошлым вечером, смотрящих друг на друга с очевидной взаимной симпатией. Последняя была, к счастью, слегка размыта, но не настолько, чтобы нельзя было разглядеть перед кассиром телохранителя Зика с маленькой красной коробочкой.

— О-бо-же-мой...

Чарли даже не поняла, что произнесла это вслух, пока Зик не притянул ее к себе.

— Иди сюда. Все это ерунда. Обычные глупые сплетни. Не читай.

— О, боже мой. Я так унижена, я даже не знаю, с чего начать... — Сразу же в голову пришла мысль об отце. За этой мыслью быстро последовала другая, о матери. — Не-е-ет, — простонала Чарли, словно ей было физически плохо. Хотя она и правда начинала себя чувствовать плохо.

Она снова взяла телефон и начала читать сообщения.

Позвони мне как можно скорее.

Чи, где ты? Позвони мне, прежде чем что-нибудь будешь читать.

911! 911!

Он не маньяк-насильник, нет? Ты в порядке? Просто не похоже на тебя...

Хочу знать все подробности!!! Позвони, как только сможешь!!!

Твой рейс в Мюнхен перенесен на вечер, см. в электронной почте.

Чарли, пожалуйста, позвони мне. Спасибо.

Последнее сообщение было от Натальи. Она прислала фотографию, сделанную, вероятно, мобильным телефоном. Люди на фотографии явно не знали, что их снимают. Мужчина отвернулся; по прическе и фиолетовой клетчатой рубашке Чарли поняла, что это Марко. Он прижимался лицом к женской шее – точнее, девичьей; лица девушки не было видно. Наталья подписала фотографию: «Узнаешь кого-нибудь?»

Опечатка отвлекла ее, но всего на секунду. Девушка и правда казалась знакомой. Не теннисистка, даже не юниор и не любитель – это Чарли могла сказать точно. Может, подруга жены какого-нибудь теннисиста? Или кого-то, кто работает на турнире? Правильный ответ, вероятно, самый простой: скорее всего, симпатичная местная девушка, из тех, кто целый год ждет, когда в город приедет мужское турне, а знакомой она кажется потому, что похожа на любую симпатичную теннисную группу.

Пока Чарли разглядывала снимок, от Натальи пришло еще одно сообщение: скриншот интернет-страницы. Чарли увеличила масштаб и увидела анкету этой девушки на американском сайте «Au-Pair»^[10]. И тут Чарли вспомнила: Элин. На самом деле ее звали иначе, но так в шутку называли ее теннисисты, потому что она была очень похожа на бывшую жену Тайгера Вудса – тоже красотку-няню. Звали девушку Софи Ларссон, и она работала в семье тренера одного из теннисистов. Шведка, восемнадцать лет, имеет опыт работы с детьми различного возраста, от карапузов до подростков (не работала с младенцами, но уверена, что справится). Свободно владеет шведским, немецким, английским, итальянским, немного голландским и планирует поступить в университет, чтобы изучать журналистику. Естественно, «обожает путешествовать».

«И спать с теннисистами», – подумала Чарли, закрывая сообщение.

Маленькая мисс «люблю детишек и говорю на всех языках» с готовностью кинулась на Марко Вальехо. Наверное, добавит теперь в анкету и испанский.

– Я иду в свой номер. – Голос Зика вернул ее в реальность. Когда он успел встать и одеться?

– Что? Прости. Я, э-э... для меня это все ново...

Он обошел вокруг кровати, сел рядом с ней и не возражал на этот раз, когда она натянула одеяло до подмышек.

– Постарайся не слишком переживать, хорошо? Через месяц-другой все об этом забудут. – Когда Чарли не ответила, Зик протянул руку и взял ее за подбородок большим и указательным пальцем. – Мои люди уже

выступили с заявлением, что я твой большой поклонник и мы по-дружески поужинали. Ничего нет странного в том, что из ресторана мы уехали вместе. Не такое уж совпадение, что мы поселились в одной гостинице, учитывая, что это лучшая гостиница в Чарлстоне. Когда не поступает новой информации, слухи имеют тенденцию быстро затухать.

Чарли поняла, что он еще не читал про Марко. Или читал, но его это не волнует. Да и с чего бы? Как он сказал, они оба – совершеннолетние, а сама она – достаточно взрослая, чтобы предвидеть, по крайней мере, некоторые из последствий. По правде говоря, она действительно все это предвидела – и не остановилась.

– Хорошо. Спасибо. – Она с улыбкой ответила на его поцелуй. В какой-то момент этой ночи он превратился из Зика Лейтона – кинозвезды в Зика – сексуального парня, веселого и щедрого на комплименты, с отличной фигурой и умеющего чертовски хорошо делать массаж. Может быть, это произошло потому, что она заметила его смущение, когда он раздевался, или это произошло, когда он мочился, не закрыв дверь ванной комнаты, или когда он скорчил ту физиономию в постели... Так или иначе, она поняла, что он обычный человек, и это принесло одновременно и облегчение, и разочарование.

– Какой у тебя номер? – спросил Зик и записал его в свой телефон под ее диктовку.

Зазвонил ее мобильный.

– Ну вот, у нас есть номера друг друга. Оставайся на связи, ладно? Я знаю, что у нас обоих сумасшедшие графики, но прошлой ночью я прекрасно провел время, Шарлотта.

– Просто Чарли.

Они рассмеялись.

– Чарли. У тебя ведь сейчас начинается европейская часть турне? Грунтовый сезон?

Она кивнула, слегка впечатленная его познаниями.

– А я еду снимать в Сидней, но потом вернусь в Штаты и останусь там надолго. Может, еще встретимся этим летом?

– Я пришлю тебе билеты на «Оупен». Приходи, если сможешь.

– Я каждый год туда хожу. У меня своя ложа.

– А ты когда-нибудь был на турнире в качестве гостя теннисиста с высоким номером посева? Нет? У нас лучшие места.

Он усмехнулся.

– Ты классная, Чарли Сильвер, ты это знаешь?

Прежде чем она успела ответить, он поцеловал ее в щеку и направился

к двери. Зик Лейтон ушел, одарив ее на прощание своей фирменной улыбкой.

Чарли тут же набрала номер Пайпер.

– Это правда?! – закричала подруга. – Я видела фотографии, но не могу поверить!

Чарли в ответ кашлянула, и Пайпер буквально завизжала:

– Боже мой! У тебя был секс с Зиком Лейтоном! С Зиком Лейтоном!!!

Тут какая-то журналистка пишет, что вы просто друзья, и пытается выдать коробку презервативов за коробку леденцов, но я знала! Я просто знала!

Чарли посмотрела на обертки от презервативов на полу и улыбнулась.

– Да. С ним было довольно весело.

– Видела бы ты меня сейчас, – выдохнула Пайпер. – Я хожу по комнате. Кстати, здесь шесть утра. Я проснулась в три ночи, чтобы пойти в ванную, взглянула на свой телефон – и господи боже, Чарли! Зик Лейтон!

– Ты знаешь, как ни странно, он самый обычный парень.

– Да, и все-таки нет! Если это хитрость с твоей стороны, чтобы не рассказывать мне каждую чертову подробность, то не надейся – не сработает. Ты можешь себе представить, что я переспала с Мэттом Дэймоном, а потом сказала: «Подумаешь, ничего особенного»?

– Я и не говорю, что ничего особенного, только...

– Сколько раз? Какие позиции? Он внимательный любовник? Он играет в кино такие чувственные роли, и мне кажется, что в постели он должен быть просто изумительным. Давай начнем прямо с этого. Об ужине расскажешь потом.

Чарли рассмеялась. Отчасти ей было неловко обсуждать такие интимные детали с подругой, но ее раздражало – ужасно хотелось всем поделиться. Так ведь делают подружки? Она пропустила многие развлечения юности: игры в бутылочку, поцелуи в кино, тайные встречи с мальчиками... Устоять было трудно.

– Ну, что рассказывать... Ничего сверхъестественного, – протянула она, улыбаясь в ожидании реакции Пайпер.

Реакция не разочаровала.

– Я кладу трубку. Seriously, отключусь прямо в эту секунду, если не начнешь говорить!

– Ладно-ладно. Мы вернулись в гостиницу в начале одиннадцатого. Зик сначала прошел в свой номер, на случай, если кто-нибудь за нами следит, а через несколько минут спустился ко мне. Принес маленький динамик, свой телефон и даже где-то раздобыл свечу...

– Настоящий профи! У него был с собой маленький шейкер для

коктейлей? Так всегда делают в кино.

– Он проходил реабилитацию, помнишь?

– Разве не показную? Типа, ради детей? Или ради имиджа? Не верю, что всерьез.

– Я думаю, что все серьезно. Он не пил за ужином, а я выпила всего один бокал.

– У тебя был трезвый секс с Зиком Лейтоном?! Да ты что?

Чарли отняла трубку от уха.

– Можешь не кричать? У меня лопнут барабанные перепонки.

– Ответь мне просто и ясно: вы оба были абсолютно трезвыми?

– Да.

– О, боже! Вы поженитесь! Чарли! Ты станешь женой Зика Лейтона!

– Пайпер, прекрати. Кроме первого раза с Марко в Палм-Спрингс, я больше никогда не занималась сексом нетрезвой. Я в месяц выпиваю не больше одного бокала. Ты раньше – тоже. Забыла?

– Брр... секс на трезвую голову – ничего хуже не придумаешь, клянусь. Я вот выхожу за Ронина – то есть собираюсь провести с ним всю свою жизнь и завести детей, – и мы оба выпиваем бутылку вина, прежде чем приступить к делу. Такова человеческая природа, Чарли.

– Ну, не знаю, что тебе сказать. Так или иначе, у меня был трезвый секс с Зиком Лейтоном. Три раза. Сначала в душе. То есть началось в душе, а потом мы оказались на полу и...

Пайпер застонала.

– Я едва дышу. Помнишь его сцену в душе, фильм «По всему миру»? Когда он хватает в объятия Рэйчел Макадамс, вокруг – пар и вода, и это самая эротичная сцена на свете? Вот так я себе все и представляю.

Чарли взглянула на душевую кабину, стенки которой все еще были влажными, и слегка покраснела.

– Ну, в общем, довольно похоже.

– О, безумно эротично!.. Ладно, давай с самого начала. Ты победила в Чарлстоне – поздравляю, кстати, – и он тебе позвонил? Или позвонили его помощники? Выкладывай.

Чарли знала, что нужно встать и начать разбираться с хаосом. Пока она говорила с Пайпер, без перерыва звонили отец и Джейк. Письма от Тодда стали появляться на экране каждые три минуты. В дверь дважды стучала горничная. Предстояло скорректировать планы поездки в Европу и сообразить, что делать со статьями о ней и Лейтоне. А еще был Марко, ее вроде как бойфренд, которому она публично изменила и который ей тоже изменил. И чьи теннисные ракетки она должна перевезти из «Джи-эф-кей»

в Мюнхен, рейсом, на который она вряд ли попадет. Однако любопытство Пайпер и удовольствие от воспоминаний о прошедшей ночи были слишком сильны.

К черту все. Мир не развалится, если она еще десять минут поболтает с лучшей подругой. Чарли упала обратно в спутанный ком нежных простыней и пушистых покрывал и, вытянув ноги, как балерина, начала медленно поднимать каждую поочередно высоко в воздух.

– Войдя в ресторан, я сразу поняла: что-то случилось...

Она не думала о том, понравилось ли ей быть легкомысленной девчонкой. Не думала о том, с каким удовольствием она нарушила парочку правил. Очень со многим предстоит разбираться – с Марко, таблоидами, отцом и братом, – но все это позже. А сейчас была история, которую ей не терпелось рассказать.

Чарли расплылась в улыбке. А потом говорила, говорила и говорила.

Глава 16. Кто лучше в постели?

Париж.

Май 2016 года

Чарли заметила на эскалаторе отца, и что-то в его позе не позволило ей сразу к нему побежать. На мгновение она замялась, наблюдая, как отец бессмысленно смотрит в пространство. Он выглядел старше. Тревожные морщинки, казалось, навсегда врезались в его лицо и были заметны даже с такого расстояния.

Сойдя с эскалатора, он растерянно огляделся. Затем его глаза остановились на Чарли, и выражение лица сразу же изменилось. Он широко, искренне улыбнулся и как будто стал выше ростом – хотя в глазах сохранилась легкая отчужденность.

– Чарли! Что ты здесь делаешь? – спросил мистер Сильвер. Он обнял Чарли, и она сразу ощутила запах дыма.

– Что, я не могу встретить папу?

Он сжал руками ее плечи и поцеловал в обе щеки.

– У тебя разве нет дел поважнее, чем встречать своего старика в аэропорту? Спасибо уже, что купила мне билет на самолет. Я собирался взять такси.

Чарли тактично пропустила его замечание о билете мимо ушей, понимая, что ему неудобно, когда она за него платит.

– Неужели не помнишь со своих теннисных времен, что такое французские таксисты? Они не изменились. Я злейшему врагу не пожелала бы прокатиться в парижском такси.

Отец рассмеялся, предложил ей руку, и они вместе пробрались сквозь толпу, собравшуюся в зоне получения багажа. Мистер Сильвер приехал без чемодана, поэтому они быстро вышли на улицу, где их ждал автомобиль, предоставленный Чарли турниром.

Устроившись на сиденье, отец покачал головой.

– Как жаль, что твоя мать не может это увидеть, – произнес он. Его голос слегка дрогнул. – Машину с шофером, награды, хвалебные статьи. Открытый чемпионат Франции. Тебя.

– Я тоже о ней вспоминала, – тихо сказала Чарли. Они выехали с территории аэропорта Шарль де Голль и теперь проносились мимо ферм и полей. Чарли всегда удивляло, что один из самых оживленных

международных аэропортов стоит в окружении такой идиллической местности. – Сегодня ее день рождения.

– Да. Ей исполнилось бы сорок девять. Боже мой, не могу себе представить! Почти пятьдесят. Для меня она застыла во времени тридцатипятилетней, красивой молодой матерью. В твоём возрасте у неё уже были ты и Джейк.

Чарли смотрела в окно. Мама всю жизнь посвятила детям и мужу. Она пожертвовала карьерой, чтобы дома их всегда ждал уют; она готовила еду и возила их в школу, помогала с домашним заданием и устраивала на дни рождения вечеринки-сюрпризы; всегда болела за Чарли с трибун. Одобрила бы сейчас мать её поведение? Да, Чарли добилась успеха. Но при этом уволила своего тренера и наставника, благородного и преданного человека. Заработала обвинение в том, что победила в турнире нечестным путем. Оказалась втянутой в публичный скандал с участием двух мужчин, с которыми спала без любви. «Осталась при своем мнении» в споре с отцом, – а у него явно какие-то неприятности. Чарли заметила, что отец давно не говорил о том, как гордилась бы ею мать. Раньше он постоянно об этом твердил. «Твоя мать была бы счастлива, если бы знала, какой ты станешь. Она бы очень гордилась тем, что сумела воспитать такого человека. Ты похожа на неё». Он произносил эти слова так часто, что они потеряли для неё смысл, но теперь она отдала бы что угодно, чтобы услышать их снова.

Чарли повернулась к отцу:

– Спасибо, что приехал в такую даль. Тебе наверняка нелегко было так надолго оставить работу.

Он посмотрел на неё с удивлением.

– О чем ты говоришь? Что значит расстояние, когда твоя дочь посеяна под четвертым номером в турнире Большого шлема? Ты выиграла Чарлстон и Мюнхен, и у тебя вполне реальный шанс выиграть Открытый чемпионат Франции. Открытый чемпионат Франции! Неужели я позволю себе пропустить такое событие?

Мюнхен. Пожалуй, самый странный турнир за всю её жизнь. Чарли была уверена, что ей не удастся показать хороший теннис – слишком многое отвлекало. После победы в Чарлстоне она чувствовала себя то на седьмом небе от счастья, то в ужасе от газетной шумихи по поводу Зика Лейтона, то в полной растерянности перед изменой Марко с сексапильной нянькой. Она ругала себя всю дорогу, пока летела в Германию. Мало того, что она переспала с едва знакомым мужчиной – стыд какой! «Секс на всю ночь» был слишком большой физической нагрузкой для спортсмена

элитного уровня, даже и без алкоголя. Бессонная ночь в сочетании со сменой часового пояса обязательно скажется, и по корту она будет ползать – вялая, медлительная, неспособная сосредоточиться. Надо же было самой все испортить, когда в ее жизни все только-только начало складываться!

К тому моменту, как Чарли заселилась в мюнхенскую гостиницу «Мандарин Ориентал», она пребывала в полном раздрае: уставшая, сонная, сгорающая от стыда. Тодд встретил ее бешеной тренировкой и советом: «Держись подальше от Марко. Весь турнир. Не смей отвлекаться. Ясно?» Каким-то образом ей это удалось. Они обменялись парой сообщений – удачи в завтрашнем матче, очень занят, скоро увидимся – и все. Тяжело объясниться и признать, что оба «сходили на сторону», но делать вид, что ничего не произошло, еще тяжелее.

Чарли предполагала, что вылетит еще в первом круге – проиграв теннисистке, которая попала в турнир по вайлдкарте. Потребовалось три непредсказуемых сета ее худшего тенниса, чтобы, наконец, добиться победы в первом круге. Второй круг прошел не лучше. К одной четвертой финала Чарли была уже отдохнувшей, но все еще на нервах, и она сама удивилась, что ей удалось собраться и выиграть в двух сетах. Когда пришло время встретиться с Натальей в полуфинале, Чарли не сомневалась, что проиграет, но Наталья жутко отравилась чем-то в ночь перед матчем, и ей пришлось сняться с турнира. Так Чарли попала в финал. В финале она вновь столкнулась с Карин Гейгер, которая по рейтингу была второй после Натальи, однако, как и Чарли ранее в этом турнире, Карин была не на пике формы. Она не смогла выполнить первую подачу, а ее игра у сетки быстро рассыпалась. К концу второго сета она собралась и дотянула до равного счета. Чарли буквально повезло выиграть матч со счетом 6:4, 7:5. Она стояла на корте неподвижно целую минуту, пока до ее сознания не дошло: она выиграла не только один, но два крупных турнира. Подряд. Эта победа поднимет ее в мировом рейтинге до первой пятерки и даст отличное сеяние в Открытом чемпионате Франции. Мечты начинали сбываться.

– Чарли? Ты слушаешь? – Отец хмурясь смотрел на нее.

– Что? Почему ты так на меня смотришь? – Она понимала: наверняка потому, что его дочь вовлечена в скандальный любовный треугольник; но, конечно же, он никогда не признается.

Он улыбнулся.

– Просто беспокоюсь о тебе.

Они въехали в черту города и мчались теперь вдоль Сены. Парижские здания становились все выше.

– Я только что выиграла Чарлстон и Мюнхен! Разве есть повод для

беспокойства? – Она пыталась говорить беззаботно.

– Ты похудела.

– И хорошо! Тодд с самого начала говорил, что, избавившись от пяти лишних килограммов, я стану подвижнее. И он прав! В первом круге матч был очень тяжелым, и в прошлом году я не смогла бы дойти до конца, – а на этот раз я собралась. Переборола себя. Я избавилась от лишнего жира, но продолжаю наращивать мышечную массу. Может, в прошлом году не случилось бы той травмы, если бы я была в боевом весе.

– Понимаешь... – Отец, казалось, тщательно подбирал слова. – Меня тревожит, что Тодд требует от тебя слишком многого. Один только режим физподготовки чего стоит. Не говоря уже о самих теннисных тренировках.

– Я сейчас тренируюсь ненамного больше, чем с Марси, – возразила она. Чистое вранье, и они оба это знали.

– Расскажи подробнее.

– Да ладно!

– Мне интересно.

Чарли вздохнула.

– Понедельники, вторники и среды – полные дни. Три часа тенниса, полтора часа тренажеров, обед, перерыв, затем два часа тенниса и еще час тренажеров. Четверг – полдня: теннис и тренажеры только утром. Пятница и суббота – полные дни. Воскресенье – отдых. Не так уж плохо.

Чарли закашлялась, надеясь, что ее ложь звучит правдоподобно. Правда заключалась в том, что режим был более изнурительным.

– Милая...

– Папа, при всем моем уважении должна заметить, что ты немного отстал от спортивной жизни. Пятнадцать лет назад теннисистки могли выехать на одних только сильных ударах и грамотной стратегии. В трех сетах победила бы теннисистка, которая еще держалась на ногах. А сейчас, после того, как появились все эти безумно атлетичные девушки? Когда они тренируются так же много – если не больше, – чем мужчины? У меня нет выбора. Чтобы побеждать, надо тренироваться.

– Да, наверное, теннис сильно изменился, – тихо проговорил он.

– Я видела записи старых матчей Мартины и Крисси. Мартина выиграла свой первый турнир, когда была прямо-таки толстухой! Можешь себе представить?

Остаток пути они молчали. Когда автомобиль подъехал к «Ле-Морис», Джейк уже ждал возле входа. В дутом жилете «Монклер», свитере, джинсах и в кашемировой шапочке точно такого же оттенка голубого, как его глаза, он смотрелся отлично. В тысячный раз Чарли задалась вопросом,

почему брат до сих пор ни с кем не встречается. Он красив и подтянут, уверен в себе. Она видела пару его прежних приятелей, и все они были похожи на него: не чрезмерно женоподобные и не накачанные громилы с бицепсами, рвущими рукава. Чарли знала, что лет в двадцать Джейк прошел через распутный период, когда был завсегдатаем гей-баров. Риск подхватить гепатит заставил его вернуться к моногамии. Теперь, насколько ей было известно, Джейк если с кем-то встречался (обязательно после целой серии медицинских анализов), то хранил партнеру верность. Но его отношения обычно длились не больше пары месяцев. Лишь однажды он привел домой на День благодарения очаровательного инженера-электрика Джека, который в свободное время пытался сделать карьеру на комедийной сцене и смешил их умными, колкими шутками о политике, текущих событиях и своей рыжей шевелюре. Мистер Сильвер тогда удивил обоих детей – весь вечер держался спокойно и приветливо. Чарли потом говорила, как сильно ей понравился Рыжий Джек, как мило смотрелась бы на свадебных приглашениях надпись «Джейк & Джек» и как они могли бы назвать своего первенца Джон, Джилл или Джейми. Однако уже к Рождеству Джейк снова был один, и о Джеке они больше не слышали.

Отец и Джейк обнялись и постояли так пару мгновений. Когда они отстранились друг от друга, Джейк окинул мистера Сильвера пытливым взглядом, словно блудного сына, который, наконец, вернулся домой.

– Что происходит? – спросила она, глядя то на одного, то на другого.

Мистер Сильвер вымученно улыбнулся.

– Ничего, дорогая. Я просто всегда рад видеть своих детей.

– Серьезно, вы смотрите друг на друга так, словно кто-то умер. Чего я не знаю?

На лицах отца и Джейка появилось странное выражение, но Чарли не успела определить, какое именно, потому что Джейк вдруг схватил ее за руку.

– У тебя сейчас интервью с французским «Эль». Папа, ты поднимешься к себе или пойдешь с нами?

– А как ты думаешь? – весело откликнулся отец и проследовал за ними.

Чарли ощутила укол вины – ей хотелось, чтобы он выбрал другой вариант.

– Мне переодеться? По контракту со «Сваровски» на всех интервью я должна носить что-то с кристаллами.

Ей приходилось бежать, чтобы не отставать от Джейка, когда он шел через мраморный вестибюль. По крайней мере, три человека, мимо

которых они проходили, театральным шепотом назвали своим спутникам ее имя.

– Держи, – сказал Джейк, протягивая сумку, на которой черными стразами были выложены инициалы Чарли. Он подтолкнул ее к дамской комнате. – Выбери пару вещей. Мы ждем тебя в гостевом люксе на втором этаже. Ты должна быть там в пять. Иди!

Чарли вошла в роскошную туалетную комнату с ковром на полу, резными деревянными панелями и горящими ароматизированными свечами. Быстрый взгляд в зеркало подтвердил то, что она уже чувствовала: темные круги под глазами и сухие шелушащиеся губы. Обычно блестящие волосы выглядели тусклыми и тяжелыми, лицо побледнело даже под загаром. Неудивительно, что отец обеспокоен.

Порывшись в косметичке размером с солдатский вещмешок, Чарли достала круглую щетку, свой любимый сухой шампунь «Оскар Бланди», беспроводной утюг, бронзатор, тушь для ресниц и блеск для губ. Теперь ей стало понятно, зачем Наталья всюду возила с собой стилиста и визажиста. За десять минут, в течение которых Джейк прислал ей на телефон пять сообщений, она добилась явных улучшений.

В гостиничном люксе уже ждали Джейк, Тодд, отец, невероятно шикарная француженка (видимо, журналистка), фотограф, ассистент фотографа и юноша, которого представили как переводчика.

– Он будет исправлять мои ошибки, – кокетливо смеясь, сказала журналистка Сандрин на безупречном английском.

Чарли поздоровалась со всеми и мысленно приказала себе не нервничать. Она до сих пор не привыкла к интервью, отличным от рядовых послематчевых вопросов об игре. Журнал «Эль» вряд ли волнует ее стратегия на предстоящем Открытом чемпионате Франции, когда все заголовки кричат о Зике Лейтоне и Марко Вальехо.

– Дорогая, садитесь, где вам удобно. – Сандрин обвела гостиную рукой с безупречным маникюром. – Мы поговорим, а затем сделаем несколько фотографий. Хорошо?

Чарли кивнула и села в одно из мягких кресел. Она заставила себя улыбнуться, хотя на самом деле ей ужасно хотелось убежать в свою комнату, принять горячий душ и заказать ранний ужин. На следующие несколько дней запланированы более интенсивные тренировки, чем обычно, и нужно хорошо отдохнуть.

В дверь постучали, и официант ввез в гостиную тележку с чайным сервизом. С большими церемониями он расставил на столе между Чарли и Сандрин тарелки, полные замысловатых пирожных, и чашки с блюдами из

тонкого фарфора. Наливая чай из тяжелого серебряного чайника, он полушепотом заверил Чарли, что чай был «sans кофеин». Чарли поблагодарила его, официант поклонился, пробормотав: «Мадемуазель».

– Шарлотта, дорогая, – начала Сандрин с шикарным французским выговором, – скажите, каково это – быть фаворитом «Ролан Гаррос»? – Она произнесла «фаворит» как «фаворет».

Чарли медлила с ответом и краем глаза увидела, как Тодд дернулся, будто персонаж из фильма ужасов.

– Фантастически. Я много трудилась, чтобы получить такую возможность.

– Как думаете, вы сумеете победить здесь, в Париже?

Чарли хотела сказать о том, как уверенно она себя чувствует на грунтовом покрытии, и хотя обычно грунтовые корты для американцев представляют большое неудобство, она выросла на кортах «Хар-Тру» в Бирчвуде и научилась использовать их особенности в свою пользу. Чарли, возможно, даже упомянула бы свой новый режим тренировок и подчеркнула бы преимущества работы с Тоддом, – но тут он снова дернулся, и она просто ответила:

– Да. Я уверена, что могу победить. Осталось выйти на корт и сделать это.

«В турнире по красноречию мне точно не выиграть», – подумала Чарли. Однако подергивания Тодда сменились довольной ухмылкой.

– А что изменилось? Менее года назад вы получили травму в первом круге на Уимблдоне. Некоторые утверждают, что травма была... как вы говорите... сомнительная. Как вы объясните свое триумфальное возвращение? – Сандрин уставилась на нее, поджав свои идеально розовые губки.

– Сомнительная травма? – Чарли обернулась к переводчику, полагая, что здесь какая-то ошибка, однако тот кивнул: все верно. – Я порвала ахиллово сухожилие и сломала левую руку. Потребовалось хирургическое вмешательство, затем месяцы реабилитации. Как такое можно назвать «сомнительной травмой»...

– Да, вы правы, конечно, – небрежно отмахнулась Сандрин, сверкнув широкой акульей улыбкой. – Но давайте поговорим о более интересных вещах. О романтике! Читатели хотели бы узнать о ваших свиданиях с двумя красивыми мужчинами. Скажите, каков ваш окончательный выбор – Зик или Марко? Или оба? – В тишине комнаты колокольчиком прозвенел ее смех.

– Мисс Биссет, как вы, несомненно, помните, мы договаривались

перед интервью, что вы можете спрашивать о поездках и тренировочном расписании Шарлотты, однако ее личная жизнь обсуждению не подлежит. – Джейк говорил твердо, но Чарли заметила его беспокойство.

Сандрин снова рассмеялась, не отводя взгляда от Чарли.

– Шарлотта, дорогая, вы ведь не возражаете против того, чтобы дать нам небольшое разъяснение, правда? Женщины во всем мире, включая меня, были бы счастливы разделить постель с любым из этих мужчин. А вам достались оба! Согласитесь, нельзя просто опустить эту деталь!

Джейк вскочил на ноги.

– Мисс Биссет, я вам уже напомнил...

– Нет, ну правда?

У нее был вид самодовольной кошки, проглотившей беззащитного птенца.

– Мисс Биссет, или мы вернемся к обсуждению выступления Шарлотты на предстоящем Открытом чемпионате Франции, или...

– Вы хотите знать, кто из них лучше в постели? – Чарли невинно похлопала ресницами. – Или кого из них я предпочитаю в целом? Хотелось бы точнее понять ваш вопрос.

– Чарли! – Возглас Джейка мгновенно напомнил ей о матери: он так же произнес ее имя, с ударением на втором слоге, в то время, как большинство людей делали ударение на первом. В этот момент ее словно перенесло на двадцать лет назад. Возможно, отцу это тоже что-то напомнило – он встал и молча вышел.

Сандрин вновь обратила пристальный взгляд на Чарли, и теперь в ее взгляде сквозило уважение. Журналистка взяла с тарелки печенье, но не стала его есть, а положила рядом с чашкой.

– Что ж, нам интересно и то, и другое, дорогая. Что вы чувствуете?

– Шарлотт... – предупреждая сказал Тодд. Чарли повернулась и с удивлением увидела справа от него Дэна, который сидел, уставившись в пол. Когда он сюда прокрался?

– Что я чувствую... хм... Я чувствую, что никогда за всю свою жизнь не была лучше подготовлена к турниру. Как вы знаете, я с детства играла в основном на грунтовых кортах, поэтому на таком покрытии я чувствую себя очень комфортно. Благодаря моей замечательной команде... – Она помахала Тодду и Дэну, – ...я чувствую себя сильнее и выносливее, чем когда-либо прежде. Травмы меня больше не беспокоят, и сейчас я в прекрасной форме.

Если Сандрин и заметила, что Чарли изменила тему разговора, она не подала виду.

– Как бы вы ответили людям, которые напоминают нам, что вы еще не выигрывали ни в одном турнире Большого шлема? На самом деле... подождите, это у меня где-то здесь... – Сандрин полистала блокнот. – На прошлой неделе была статья, где процитировали Наталью Иванову: «За последние несколько месяцев Шарлотта показывает значительное улучшение своей игры. Конечно, у нее отличные удары, и в целом она сильная теннисистка. Но я думаю, всем известно, что теннисист считается просто любителем, пока он не выиграл Шлем». Что бы вы на это ответили?

Чарли делано рассмеялась. На самом деле ей хотелось вскочить со стула и выхватить блокнот у Сандрин. Наталья так сказала? Когда?

– Что бы я ответила? Нет необходимости отвечать. Настоящим ответом станет моя победа.

– То есть вы чувствуете себя уверенно?

– Очень. И вы увидите ответ через две недели. Возможно, Наталья со мной не согласится, но слова мало значат. В отличие от побед.

Чарли встала, явно застав Сандрин врасплох, и протянула руку. Сколько интервью она молча терпела бестактные и оскорбительные вопросы, всегда слишком робкая или вежливая, чтобы их пресечь? «Больше никогда», – подумала она и повернулась к фотографам.

– Надеюсь, пятнадцати минут будет достаточно, чтобы сделать хороший снимок. Боюсь, с моим сегодняшним расписанием я не могу выделить больше времени.

Пока переводчик передавал ее слова фотографам, Чарли взглянула на свою команду. Джейк и Тодд сидели с ошарашенным видом, а Дэн улыбался. Он поймал ее взгляд и поднял вверх оба больших пальца. Потом Джейк что-то обсуждал с Сандрин, а Чарли просматривала в телефоне новые сообщения. Осознавать, что она контролировала это интервью, было удивительно приятно. Конечно, если не задумываться о том, что появится в печати.

Первые два дня тренировок в «Стад Ролан Гаррос» прошли как по маслу. Чарли, будто заведенная, перемещалась из тренажерного зала на корт и обратно, не забывая делать растяжку до и после каждой тренировки и тщательно следуя инструкциям физиотерапевта о том, как продолжать силовой тренинг, не истощая свою энергию. Тодд организовал по «Скайпу» несколько сеансов у известного диетолога, который специализировался на профессиональных спортсменах. Хотя ничто из сказанного диетологом не являлось для Чарли новостью, было нелишним иметь под рукой человека, разрабатывающего рекомендации для каждого приема пищи. Рассчитать

правильное количество нужных организму углеводов, белков и жиров было сложно, но очень важно: когда ежедневно сжигаешь за работой несколько тысяч калорий, своевременная дозаправка имеет решающее значение. Чарли должна была принимать пищу каждые два часа, поэтому на второй день в конце последней спарринг-тренировки Чарли повернулась к Дэну с вопросом:

– Хочешь пойти со мной перекусить? Я должна съесть белковый смузи и йогуртовое парфе – говорят, французы делают его великолепно.

– К сожалению, сейчас не могу.

– Что? У тебя намечена прогулка по Сене? Нет, вряд ли – мы здесь два дня, наверняка этот пункт уже выполнен.

Он усмехнулся.

– Частный тур по Лувру? Нет? Тогда шопинг? Впрочем, ты не похож на охотника за «Эрмес». Хотя на гениальный магазин, который заставляет покупателя стоять в очереди целый час, прежде чем соизволит продать ему бумажник за две тысячи долларов, наверное, стоит посмотреть.

Дэн полез в теннисную сумку и достал потрепанный виниловый бумажник на липучке.

– Вот он, мой «Эрмес». Девушкам нравится.

Теперь рассмеялась Чарли.

– Да ладно тебе, удели пару минут. Успеешь осмотреть свои достопримечательности.

Дэн посмотрел на часы. Пару секунд он колебался, а потом сказал:

– Хорошо, думаю, минут десять у меня есть. Но только если пойдем прямо сейчас. – Он перекинул свою сумку через плечо и наклонился, чтобы взять сумку Чарли.

– У тебя свидание? – поддразнила Чарли. Щеки Дэна слегка порозовели. – Боже мой, я угадала! У тебя свидание! Когда ты успел закадрить парижанку? Мы по двенадцать часов в день проводили на корте!

– Никакое не свидание, – промямлил Дэн. – Просто девушка из моей старой школы. Она в Париже проездом, случайно узнала, что я тоже здесь. Мы встречаемся выпить кофе.

– Звучит эротично, – пошутила Чарли, едва поспевая за ним по коридору к столовой. – Ничто так ясно не говорит «я хочу с тобой переспать», как кофе.

Они сели за столик у окна с видом на пустой корт.

– Что будешь? Я принесу.

– А можно попросить кофе? – кокетливо улыбнулась Чарли.

Он вернулся с двумя йогуртовыми парфе, эспрессо для себя и

овощным смузи для Чарли.

– Серьезно, Дэн. Твоя девушка в Париже всего один день, и ты ведешь ее на кофе? Плохой ход.

– Ах, школа романтики Шарлотты Сильвер. Ну, и куда я должен ее пригласить? Прямо в свой номер? Свидания ни к чему?

Чарли, должно быть, заметно вздрогнула, потому что Дэн сразу же принял виноватый вид.

– Прости. Я не хотел...

– Не извиняйся. В последнее время я точно не эталон нравственности.

– В любом случае, это не мое дело. – Дэн отпил кофе, не поднимая глаз от стола.

– Ты понимаешь, что мы с тобой каждый день проводим вместе больше времени, чем с кем-либо другим? Я думаю, это нормально, что мы беспокоимся друг о друге.

Дэн улыбнулся.

– Ну, в таком случае, пытливые умы хотели бы знать...

– Что? Кто лучше в постели? Зик или Марко?

– Вообще-то я собирался спросить, что у тебя с одним из них. Но если ты хочешь ответить на свой вопрос, я не против.

Чарли вздохнула.

– Даже не знаю, что сказать. С Зиком была, конечно, разовая встреча. Будет что вспомнить в старости. А пока приходится себе повторять, что стыдиться мне нечего.

Дэн кивнул, и на секунду она пожалела, что разоткровенничалась. Кто он такой, чтобы ее судить? Потом Дэн спросил:

– А Марко?

– Хм, Марко... Приятно, когда есть с кем пообщаться на турнирах, кто-то, кто понимает твой образ жизни. Но он был не слишком ко мне внимателен и до того, как возникли эти драмы с няней и Зиком, ну а после... Мы это не обсуждали.

Глаза Дэна расширились.

– Не обсуждали? Весь мир обсуждал, а вы – нет?

– Не совсем.

После того случая Чарли и Марко мельком увиделись в вестибюле мюнхенской гостиницы «Софитель». Он спешил на тренировку, а Чарли шла к своему номеру.

– Привет, красавица. – Марко поцеловал ее в щеку, словно ничего не случилось.

– Привет. Получил свои ракетки? На ресепшене сказали, что их

оставили в твоей комнате.

Марко посмотрел на нее, прищурившись.

– Кинозвезда, Чарли? Он ведь старый?

Чарли старалась не улыбнуться. Значит, ему не все равно.

– Нянька, Марко? Она ведь почти ребенок.

– Она для меня ничего не значит. Тебя не было, а она была. Но сейчас ты здесь. Я скучал по тебе.

Они посмотрели друг на друга. Презирая себя, Чарли согласилась встретиться с ним позже тем вечером...

Голос Дэна вернул ее в настоящее.

– Я правильно понял? Вы оба собираетесь встречаться, с кем хотите?

– Скажи мне, что ты действительно об этом думаешь, Дэн? Честно.

– Хочешь знать, что я думаю? – Он взглянул ей в глаза. – Я думаю, что ты встречаешься с козлом, и просто потому, что он оказался под боком.

Чарли почувствовала, что краснеет.

– Я пошутила. Я не хочу знать, что ты на самом деле думаешь.

– Мы должны беспокоиться друг о друге.

– Тогда, по крайней мере, проводи анализ тщательнее. Да, я встречаюсь с козлом, потому что он оказался под боком. Но еще потому, что он очень, очень красивый.

– Мило.

– Ну, очевидно, ни он, ни я не думали, что у нас что-то настолько серьезное, чтобы мы не могли ходить на свидания с другими.

– Свидания? Это теперь так называется?

– И по какой-то странной случайности нас обоих одновременно поймали на измене. Поэтому ни один из нас не может предъявить другому претензии.

– Значит, вы оба просто делаете вид, что ничего не случилось?

– Да.

Дэн закатил глаза.

– Я как будто говорю с сумасшедшей.

– Слушай, я много работаю, я побеждаю в турнирах, и я, конечно, не первая, кто пытается втиснуть в свою жизнь хоть немножко веселья. Агасси употреблял метамфетамин за несколько лет до победы в Открытом чемпионате Франции. Вот просто сравни.

– Эй, я не осуждаю! – воскликнул Дэн, подняв руки.

– Да уж, конечно, – усмехнулась Чарли.

Мимо их стола пробежала светловолосая девочка четырех-пяти лет. Чарли смотрела на ее прыгающие косички, пока девчушка бежала по залу.

Затем, когда Чарли уже хотела повернуться к Дэну, мимо них, вслед за ребенком, промчалась высокая блондинка.

– Боже мой, это Элин... – пробормотала Чарли.

– Кто?

– Нянька Марко!

– Разве Элин – не имя бывшей жены Тайгера Вудса?

– Не могу поверить, что она здесь.

– Каковы шансы, что двух великолепных блондинок-нянек зовут Элин?

– Ее имя – не Элин! – прошипела Чарли.

Нянька схватила визжащую маленькую девочку и стиснула ее в объятиях. Девочка весело вырывалась.

– Ты только что сама назвала ее Элин...

– Не могу поверить, что она здесь. Хотя о чем я? Она ведь работает няней в семье тренера Раджа.

Чарли бросила на нее еще один быстрый взгляд, и Софи, должно быть, почувствовала – подняла голову и посмотрела прямо на Чарли. С улыбкой.

Чарли быстро повернулась к Дэну, который только что встал.

– Она посмотрела прямо на меня. И улыбнулась! Вот нахалка! Эта полулегальная няня спит с моим бойфрендом, а потом имеет наглость мне улыбаться! И, конечно, я должна быть в пропитанной потом одежде, когда она выглядит как супермодель...

– Чарли, ты бредишь. У меня нет слов...

– Идет. Боже мой, она идет сюда. Дэн, ты куда? Сядь! Не оставляй меня здесь одну! – прошептала Чарли, не шевеля губами.

– Вижу, у вас намечается веселье, а мне, как ни жаль, пора. Увидимся завтра в восемь на десятом корте. Пока.

Но она не слышала ни слова из того, что он говорил. Софи шла прямо к ней, ведя свою подопечную за руку.

Конечно, Софи не могла не узнать Чарли – она как-никак была четвертой лучшей теннисисткой мира, – однако Чарли не собиралась признавать, что часами гуглила информацию об этой девушке.

– Вы ведь Шарлотта Сильвер? – спросила Софи. Вблизи она выглядела еще моложе. И свежее.

– Да.

Чарли вдруг подумала, что наверняка у нее в зубах застряла еда, и остро осознала, как ее волосы прилипли к голове после долгого дня тренировок. На ней не было ни одного подобранного стилистом предмета одежды, ни одной стразы... ничего, кроме широкой футболки, спортивных

штанов и кроссовок в запекшейся глине. Так несправедливо!

– Вам, конечно, не привыкать к таким словам, но я ваша большая поклонница! – Девушка говорила с очаровательным акцентом, и ее улыбка казалась искренней.

– Спасибо, очень приятно, – сдержанно произнесла Чарли.

– Я восхищаюсь вашим мастерством.

Софи опустила на корточки, и Чарли мгновенно пришла в голову ехидная шутка насчет мастерства.

– Эта дама – известная теннисистка, – объяснила Софи девочке. – Она не просто принцесса, она принцесса-воин! И она может выиграть этот турнир!

Глаза ребенка расширились. Софи, похоже, говорила от чистого сердца, и Чарли до такой степени устыдилась своих мыслей, что даже готова была простить ей «даму».

– Она плинцесса?

Софи кивнула.

– Самая настоящая!.. Это Анабель. Анабель обожает принцесс.

Чарли протянула девочке руку. Та непонимающе на нее уставилась. Чувствуя себя глупо, не зная, как разговаривать с четырехлетней, Чарли сказала:

– Очень приятно познакомиться, Анабель. К сожалению, мне нужно идти. Надо встретиться... кое с кем.

Она замялась в конце фразы лишь потому, что не могла придумать убедительное оправдание, но сразу же поняла, как это прозвучало. Софи, видимо, тоже так поняла и покраснела самым очаровательным образом. Неудивительно, что Марко не смог устоять.

– О, конечно. Мы не станем вас задерживать, да, Анабель? К тому же нам пора вызволять твоего братика из детского сада. Пойдем, дорогая. Попрощайся с мисс Сильвер.

Мисс Сильвер? Чарли посмотрела на Софи, однако лицо девушки не выражало ничего, кроме вежливости.

Они обе помахали ей на прощание, и Чарли поняла, что она, похоже, единственная, кто испытывал в этой ситуации неловкость. Достаточно было вспомнить фотографию, где Софи сидит на коленях Марко в его футболке, чтобы представить, как они провели остаток ночи.

По пути в раздевалку она переписывалась с Джейком.

Ужин в отеле сегодня вечером?

Его ответ прилетел мгновенно.

Прости, сегодня не могу. Закажи еду в номер и отдыхай. Ты весь день тренировалась.

Почему не можешь? Свидание?

Что-то вроде того.

?????????

Ты его не знаешь.

Все равно! Скажи!

Чарли оставила телефон в шкафчике и, выйдя из душа, первым делом его схватила. Джейк ответил три раза подряд:

Он милый.

Но есть сложности.

Расскажу позже, а пока и обсуждать нечего.

Чарли закатила глаза. Потом снова взглянула на экран.

Если у Джейка вечером свидание, значит, отец ужинает один. Она набрала его номер, и после третьего гудка он взял трубку.

– Привет, пап.

– О, Чарли. Привет.

– Я только что вернулась в отель. Ты здесь?

– Неприятное было интервью сегодня, да? – Он пытался скрыть разочарование в голосе, но безуспешно.

– Да. Задавать такие вопросы о моей... э-э... личной жизни было довольно бестактно.

– Я и сам не святой... Когда ты даешь людям повод говорить о себе, вряд ли их можно винить за вопросы.

Чарли молчала.

– Это была идея Тодда? Из какой-нибудь книжки «Черный пиар – тоже пиар»?

– Нет, папа, я сама наделала дел.

Если он хотел пристыдить ее, то добился успеха. Наверное, будет лучше, если она поужинает в одиночестве.

– Ты не хочешь пойти со мной? Я ужинаю с друзьями из моего теннисного прошлого, – предложил отец, будто прочитав ее мысли.

– Нет, спасибо. Закажу что-нибудь в номер и буду смотреть диски. Тодд оставил мне целую кучу записей прошлогодних матчей. Мы можем поужинать вместе завтра.

Раньше отец сказал бы что-то вроде «Завтра – после твоей большой победы» или «Это будет праздничный ужин», сейчас же он только заверил, что завтра утром будет сидеть в первом ряду ее ложи, и пожелал ей спокойной ночи.

В номере на столе Чарли нашла конверт с DVD-дисками. К конверту прилагалась записка, торопливо нацарапанная на гостиничном бланке:

Смотри сначала Акапулько, потом Сингапур и Штутгарт. Обрати внимание на ее высокую готовность к риску на решающих очках и потрясающую вторую подачу. Автомобиль заберет тебя завтра в семь.

Тодд.

Вздыхнув, Чарли вставила в проигрыватель первый диск и стала ждать, когда он загрузится. Позвонила в обслуживание номеров, заказала лосося с овощами на пару. Когда на том конце линии ее спросили, приборы для одного или для двоих, ей пришло в голову, что в последнее время она часто ест в номере одна. Марси всегда ужинала вместе с Чарли. Они просили поставить столик перед телевизором и смотрели сериалы: «Люби или продай», «Братья по недвижимости», «Охотники за домами». Марси, в трениках и пушистых носках, пила вино, Чарли ела какой-нибудь десерт, и они высмеивали всех, кто имел наглость появляться перед ними на экране. Джейк говорил, что их язвительный хохот доносился до другого конца коридора. Представить такой вечер с Тоддом было невозможно, и Чарли поняла, как сильно ей не хватает Марси.

Запись трехсетевого матча шла около часа. Потом Чарли посмотрела на свою пустую тарелку и едва могла припомнить, что ела. Она взяла телефон, чтобы посмотреть время, и сразу увидела текстовое сообщение:

Привет, небольшая вечеринка с ребятами прямо сейчас. Приедешь? Марко.

Чарли перечитала сообщение три раза. Да, не приглашение на романтический ужин, но все же перед началом турнира Большого шлема никто не станет засиживаться: все быстро поедят и разойдутся по номерам.

Мог бы и не приглашать. Красотка-няня в Париже и наверняка готова с ним встретиться. А если не она, то есть десятки других. Тот факт, что он подумал о Чарли, что-то да значил.

Привет! Я бы с удовольствием, но сейчас не могу...

Чарли ответила не раздумывая. Она уже поужинала, а завтра утром ей предстоял на удивление жесткий матч первого круга. Вот уж точно не стоит отвлекаться на Марко.

Тут же на экране возникло новое сообщение:

Сидим в кондитерской за углом, скоро вернемся в номер Ринальдо, будем играть в футбольную видеоигру. Все пойдут спать рано, просто приходи сказать привет. Скучаю по тебе.

Он скучает по ней, он скучает, скучает!.. Она быстро разыскала в телефоне «Бланк Спейс» и включила громкость. Зазвучал сахарный голос Тейлор Свифт: «Я сделаю плохого парня хорошим за уик-энд». Чарли вспрыгнула на кровать и, держа бутылку воды как микрофон, начала пританцовывать, ритмично крутя бедрами.

Раздался стук в дверь. Она спрыгнула на пол, переводя дыхание, но отнюдь не смутившись. В коридоре стоял посыльный с ресепшена. Он потупил глаза, словно знал, что Чарли только что устроила себе танцевальную вечеринку под подростковую музыку. Посыльный передал просьбу другого теннисиста выключить музыку. Еще не было даже семи, но на этаже, где живут спортсмены, правило соблюдать тишину действовало двадцать четыре часа в сутки. Чарли смиренно кивнула, извинившись, и рассмеялась, как только закрыла дверь. Наверное, так и сходят с ума?.. Она схватила телефон и направилась в ванную, быстро бегая пальцами по клавиатуре.

«Через 30 мин.», – написала Чарли.

Всего на час, ничего страшного.

Глава 17. Как по-французски «катастрофа»?

*Открытый чемпионат Франции.
Май 2016 года*

Сердце колотилось так, что было трудно дышать. Чарли медленно шла к задней линии. Ручейки пота стекали по шее в черный топ, и пыль от грунта налипла на мокрые икры. Снова и снова в ушах звучало напутствие Тодда, мантра, которая не приносила ни успокоения, ни осознанности: «Атакуй и тащи каждый мяч. Атакуй и тащи. Атакуй и тащи. Бей под левую руку, которая слабее, вытаскивай ее к сетке». Элеонора Маккинли тоже предпочитала играть жестко, быстро возвращать мяч сопернице и не тянуть время между розыгрышами.

Помощники Тодда собрали все материалы. Элеонора не любила загружать себя размышлениями о прошлых очках – как проигранных, так и выигранных. Она предпочла бить сильно и идти на риск, а не бесконечно перебивать мячи туда-обратно, дожидаясь, когда соперница допустит ошибку. Она будет неуверенно себя чувствовать на медленных кортах «Френч Оупен». Тодда всегда приводило в восторг, когда игрок выкладывал в интервью такие важные сведения о своей игре, и вел досье на каждую теннисистку в турне.

Дойдя до края корта, Чарли подняла взгляд на болл-боя, мальчика, подающего мячи, и едва заметно ему кивнула. Он подбежал к ней с двумя мячами и по одному высоко поднял их в каждой руке, словно драгоценные камни. Чарли помотала головой. Мальчик тут же спрятал мячи в карман и протянул ей полотенце. Она тщательно промокнула лоб, щеки и шею, затем вытерла предплечья и ладони. Как только она вернула полотенце, мальчик снова протянул мячи. Легким кивком Чарли указала в сторону его правой руки, и он положил мяч на ее протянутую ракетку. Один мяч она сунула под черную, украшенную стразами юбку, а другой отбивала о корт, пока шла обратно к задней линии, готовясь подавать. Ей пришло в голову, что она делает именно то, что в финале Чарлстона делала Карин – тянет время, чтобы нервировать соперницу. Чарли отогнала эту мысль. Сейчас другая ситуация. Вместо того чтобы быть в одном очке от победы в турнире, она была в одном очке от разгромного поражения в первом круге.

Элеонора прыгала на носках, терпеливо дожидаясь возобновления игры. Ей очень шло серое теннисное платье с жесткой плиссированной юбкой.

Чарли пыталась выровнять дыхание. В голове, как кадр кинофильма, вдруг возникла картинка прошлого вечера: она сидит в кресле, по-хозяйски закинув ноги на ноги Марко. Сейчас, на корте, из ее губ выходили не соблазнительные струйки дыма, зависающие во влажном воздухе гостиничного номера, а быстрые и неглубокие вдохи человека, знающего, что он на грани больших неприятностей.

Чарли поняла, что дальше медлить нельзя. Пора. Матчбол не в ее пользу, и матч, похоже, грозит полной катастрофой. «Нет! Так нельзя думать. Впусти в голову ужасную мысль – и ты пропала. Атакуй и тащи. Сделай, наконец, твердую подачу, атакуй ее слева, и если она сможет вернуть мяч, воспользуйся преимуществом того, что ее ответный удар, безусловно, будет слабым. Ударь укороченным, чтобы она побежала к сетке, и держи ее там, потому что у нее нет хорошей сеточной игры».

Чарли заняла позицию на задней линии, три раза отбила мяч о корт и подбросила его в воздух. Она сразу увидела, что подброс получился отличный, и мысленно поблагодарила мышечную память, развитую за тысячи тренировочных подач. Бедра и руки работали совершенно синхронно, чтобы соединить ракетку с мячом. Это была жесткая, быстрая, идеальная подача. Но Элеонора, казалось, просчитала в точности, где приземлится мяч, она уже была там и ждала, словно заранее получила карту с указанием точной траектории мяча. Она бросилась на него, едва он отскочил, и с шокирующей быстротой отбила. Застигнутая врасплох, Чарли пробежала четыре шага и, пользуясь преимуществом грунта, дающего возможность проскользнуть оставшиеся полметра, сделала дальний выпад. Она успела вовремя, но смогла лишь достать мяч струнами ракетки и подтолкнуть его в воздух. И даже не имело значения, что она вернулась на позицию быстро, потому что Элеонора развернулась боком, уперлась ногами и ударила смех над головой так чисто и с такой силой, что Чарли не видела приближения мяча, пока не почувствовала удар в шею. Этого удара было достаточно, чтобы обеспечить ей жуткий красный рубец и последующий фиолетовый синяк, но мяч к тому же попал в самый центр дыхательного горла, буквально перекрыв доступ кислорода. Чарли согнулась, опустив голову к коленям и хватая губами воздух. Она знала, что так бывает, знала, что, если просто замедлить дыхание, все очень быстро пройдет и через считанные секунды удастся нормально наполнить легкие. Однако паника усиливалась, без сомнения, усугубленная осознанием того,

что она только что проиграла матч первого круга в первом турнире Большого шлема, в котором имела реальные шансы на победу. И поэтому она продолжала задыхаться.

А затем почувствовала чье-то прикосновение и подняла голову. Элеонор присела рядом с ней и сильными круговыми движениями растирала ладонью спину между лопатками Чарли.

– Попробуйте замедлить дыхание, – пробормотала девушка. – Извините, я не хотела.

Из-за высокого номера посева Чарли и ее побед в двух предыдущих турнирах за их матчем следило больше теннисных фанатов, чем обычно в первом круге. Каждый хотел увидеть, как одетая в черное принцесса-воин с диадемой в темных волосах разгромит свою явно более слабую соперницу на пути к победе в Открытом чемпионате Франции. Теперь те же самые зрители прыгали, как сумасшедшие, скандируя имя Элеонор.

Когда дыхание Чарли пришло в норму, унижение и стыд охватили ее еще более остро. Внезапно ощущение руки соперницы на своей пропитанной потом одежде, не говоря уже о выражении сочувствия на ее лице, стало невыносимым. Чарли увернулась из-под чужой руки и заставила себя встать.

– Я в порядке, – прошипела она. – Настолько в порядке, насколько можно быть, когда твоя соперница пытается выиграть любыми возможными путями.

Глаза Элеонор округлись от удивления. Ни одна из них не замечала шума вокруг.

Чарли не могла остановиться:

– Тебе сегодня удивительно повезло.

Девушка внимательно смотрела на нее; затем, очевидно, решив сохранять достоинство, протянула руку и сказала:

– Хороший матч.

Чарли вяло пожала руку Элеонор и пошла к своему стулу. Мысль об унижительном поражении легла тяжелым грузом. Она быстро собрала сумку, не обращая внимания на крики болельщиков и просьбы об автографах. После ее позорного поведения самое малое, что Чарли могла сделать для Элеонор – поскорее уйти с корта, чтобы та могла насладиться победой. Чарли хотела спрятаться ото всех в раздевалке и сидеть там как можно дольше, а потом стоять под горячими струями. Но когда в туннеле, ведущем с корта, ее перехватила Изабель, стало ясно, что пытки не кончились.

– Мне нужно в душ, – твердо сказала она.

– Прости, Чарли. Мне очень жаль, но тебя ждут для послематчевого интервью.

– Это всего лишь поражение в первом круге, черт побери, – проворчала Чарли, не останавливаясь. – Всем плевать.

Изабель твердо положила руку на плечо Чарли.

– Когда на таком раннем этапе терпит поражение фаворит турнира, никому не плевать. Я знаю, тебе сейчас тяжело, и постараюсь, чтобы все прошло по возможности быстро и безболезненно. Иди за мной.

Чарли последовала за ней в небольшой конференц-зал, где на стене за подиумом с микрофонами висел баннер Открытого чемпионата Франции. Несколько репортеров и фотографов переговаривались, однако, едва она зашла в комнату, все замолчали. Тишина продлилась ровно шесть секунд, потом посыпались вопросы.

– Какие чувства вы испытываете, выбыв из соревнования в первом круге турнира, в котором вы были фаворитом на победу?

– Был ли в игре Маккинли конкретный аспект, с которым вы не смогли справиться? Или вас подвела собственная игра?

– За последние несколько месяцев вы кардинально сменили имидж. Сколько присутствовало сегодня на корте от принцессы-воина, а сколько – от прежней Шарлотты Сильвер?

Вопросы едва ли можно было назвать оригинальными – даже если бы она не слышала их раньше, Чарли легко предсказала бы, что сегодня их зададут, – но она с трудом припоминала заученные ответы. «На турнирах Большого шлема всегда так: нельзя предугадать, что случится», «Имидж не значит ничего, если ты не выигрываешь», «Мне придется пересмотреть некоторые моменты с тренером и заново собрать силы», «Конечно, я расстроена, но через несколько недель я буду готова выступить на корте Уимблдона». Чарли механически произносила заранее подготовленные фразы, без выражения, дожидаясь, когда ей позволят убежать в душ. Еще пару минут, твердила она себе, чувствуя, как сжимается горло.

– Как вы считаете, вас сегодня победила Элеонор или вы победили сами себя? – спросил Шон, опытный теннисный репортер. Он путешествовал с женским турне и имел репутацию любителя юных теннисисток.

– Разумеется, Элеонора играла сегодня хорошо. Думаю, все с этим согласятся. Она показала красивый теннис. Я, к сожалению, была не в лучшей форме.

– Как вы думаете, почему?

Заметив странный блеск в его глазах, Чарли насторожилась.

– Масса причин. У меня было слишком много невынужденных ошибок в первом сете, включая непростительное количество двойных. И не удавалось стабильно удерживать внимание. Конечно, прежде бывали ситуации, когда я могла собраться после проигранного сета, но сегодня мне это не удалось.

Шон многозначительно кашлянул, и Чарли инстинктивно поняла: должно произойти что-то ужасное. Он полез в портфель и вытащил айпад с огромным экраном. Айпад был уже включен, донесся тихий голос Джейка:

– О, господи. Нет.

– Шарлотта, как вы думаете, ваше сегодняшнее менее чем звездное выступление на корте имеет отношение вот к этому? – спросил Шон с ехидством.

Джейк сделал шаг вперед и сжал ее руку.

– Плохо, Чарли, – прошипел он ей на ухо. – Давай заканчивать.

Он попытался потянуть ее за собой, однако Чарли обернулась.

– Простите, у меня сегодня не было времени просмотреть новости...

Шон развернул к ней экран, чтобы она могла прочитать заголовок. Его легко было разглядеть, шрифт был на полстраницы: «Развенчана? Принцесса-воин проваливает тест». Проваливает тест? О чем они? Чарли лихорадочно соображала, пытаясь понять, что она сейчас прочитала. Она получила результаты Чарлстонского теста неделю назад, и, конечно, там было все чисто на сто процентов. Допинг? Нелепость. Каждые несколько лет проходил слух о той или иной теннисистке в турне – особенно о необычно мускулистых, – но по большому счету все соглашались с тем, что постоянное тестирование и разговоры о допингах излишни. Теннис – совсем не то, что велогонки или бейсбол; теннисисты применяли допинг крайне редко и уж точно не в масштабах пандемии.

– Могу лишь сказать, что это неправда, – уверенно ответила Чарли. Она не сомневалась, что газеты напечатают опровержение.

Теперь Шон поднял в руке телефон. Экран был слишком мал, чтобы разглядеть изображение, однако в комнате вдруг стало подозрительно тихо. Проигрывалось видео. Не сразу, но Чарли поняла, что запись сделана в гостиничном номере прошлым вечером.

– Чарли... – проговорил Джейк.

Что-то в том, как он пророкотал это предупреждение, напомнило ей, как рычал ее имя Марко, когда они занимались сексом.

Прошлым вечером она постучала в дверь номера Ринальдо, собираясь остаться там ровно на один час – немного пофлиртовать с Марко, убедиться, что между ними все еще что-то есть, отвлечься от мыслей о

завтрашнем матче. Три предыдущих дня она безупречно соблюдала режим тренировок, ела и спала точно по графику и смотрела все записи, которыми ее снабжал Тодд. У нее есть полное право поболтать с Марко и его приятелями, выпить «Пеллегрينو» и чуть-чуть развеяться.

Ее удивило, как много собралось народу. Марко сидел перед телевизором вместе с Ринальдо и еще тремя теннисистами. Все четверо азартно кричали, передвигая свои экранные футбольные аватары гигантскими джойстиком. У окна, потягивая шампанское, хихикала группа длинноногих длинноволосых клонов в коротких платьях и на высоких каблуках. Каждую минуту-две звенел их дружный смех; впрочем, внимания на них никто не обращал. На диване расположилась Наталья – она вытянула ноги, положив их поперек колен Бенджи, а тот массировал ее босые ступни. В зоне кухни стояли несколько теннисисток – американки и канадки, все не старше двадцати лет. В леггинсах и спортивных куртках они смотрелись заметно менее гламурно, чем модели. Теннисистки смотрели на Наталью, как будто перед ними сама Кэти Перри. Кто-то заказал в номер горы салатов, фруктов, приготовленные на гриле куриные грудки, охапки паровой брокколи и батарею бутылок с газированной и негазированной водой.

– Привет, – произнесла Чарли, не обращаясь ни к кому конкретно и чувствуя себя очень неловко.

Марко повернул голову и расплылся в самой обольстительной улыбке.

– Привет, детка, – сказал он, и его глаза сразу же вернулись к экрану. – Посиди тут. Я через минуту закончу.

Чарли кивнула Наталье (та кивнула в ответ) и направилась к мини-кухне. Юные теннисистки, стоявшие плотной кучкой, пропуская ее, сделали шаг назад.

– Привет, Чарли, – проговорила одна из них, милая семнадцатилетняя девушка из Флориды. – Удачи тебе завтра.

Чарли улыбнулась. Было так странно чувствовать себя в двадцать пять лет кем-то вроде деревенского старейшины.

– Спасибо. Тебе тоже. С кем играешь?

Девушка порозовела.

– Я играю не завтра, мой матч в первом круге против Атертон.

– Потрясающий игрок, хотя порой нестабильна. Думаю, у тебя есть шанс.

Девушка просияла. Ее подруги заулыбались.

– Правда?

Чарли кивнула.

– Только не засиживайся здесь допоздна! – добавила она тоном заботливой мамы. Потом наклонилась к ним ближе и прошептала: – К тому же эти парни все идиоты. Симпатичные, не отрицаю, но совсем еще мальчишки.

– Легко вам говорить, когда у вас такой красавчик, – засмеялась другая девушка. Чарли знала ее как многообещающую теннисистку из Монреаля, которая недавно выиграла юношеский турнир «Оранж Боул» и сразу же перешла в профессионалы.

Девочки захихикали, и Чарли задалась вопросом, не обсуждали ли они ситуацию с нянькой. В теннисном мире мало кто умеет хранить секреты, и наверняка это была главная тема для болтовни в раздевалках.

Как раз в этот момент сзади подошел Марко. Он обнял ее, прижался лицом к ее шее и, целуя, прошептал:

– Я рад, что ты пришла.

Марко галантно представился девушкам, умело делая вид, что не замечает, как все они покраснели и захихикали. Чарли ненавидела себя за то, что чувствует себя польщенной.

Он взял ее за руку и повел к дивану. Дверь люкса открылась, вошли еще люди – теннисисты, их друзья и подружки, несколько спарринг-партнеров. Последним вошел Джейк.

– Ты разве не должна быть уже в постели? – удивленно спросил он, подходя к ним и пожимая руку Марко.

– Еще нет и девяти, – сказала она, кладя голову на плечо Марко. – Осмотрись. Половина комнаты завтра играет.

Джейк строго поднял бровь. Чарли показала ему средний палец. Марко рассмеялся. Одна из моделей подошла к Джейку и вручила ему бокал пива, которое он принял с очаровательной улыбкой.

– Будешь пить? – удивилась Чарли.

– А что? Мне завтра не играть.

Очень скоро импровизированная тусовка превратилась в полноценную вечеринку. Кто-то убавил свет и включил телеканал с европейской лаунж-музыкой. Модели пританцовывали возле окна, куря и чокаясь бокалами, к ним начали стекаться мужчины. Теннисисты пили только воду, однако некоторые из них курили электронные сигареты. Чарли и Марко сидели в обнимку на одном кресле, буквально слившись в единое целое, и она не замечала окружающего. Когда она встала, чтобы пойти в туалет, Джейка нигде не было видно. Молодые теннисистки тоже ушли, большинство оставшихся в номере пили и танцевали. Она постучала в дверь ванной и, когда никто не ответил, потянула на себя дверную ручку.

До нее не сразу дошел смысл увиденного. У раковины, тесно прижавшись друг к другу в маленьком помещении, стояли Наталья и Лекси, юный феномен из Монреаля. Ни та, ни другая, казалось, не заметили Чарли. Ей, конечно, следовало просто закрыть дверь, но она застыла, пораженная тем, что увидела: вроде бы ничего сексуального, и все же не вполне платоническое. Наконец Наталья обернулась, видимо, почувствовав, что они не одни. Только тогда Чарли увидела, что Наталья в левой руке держит какой-то сверточек, а правой рукой вытирает под носом. Лекси пока не заметила Чарли – она наклонилась к раковине и кредитной карточкой сосредоточенно собирала маленькие кучки белого порошка.

Глаза Натальи и Чарли встретились, и в лице Натальи полыхнула ярость.

– Проваливай, – зарычала она. – И если скажешь кому, пожалеешь!

Последние слова прозвучали, когда Чарли уже закрывала дверь. Она пересекла гостиную, где компания уже затеяла игру с участием алкоголя, покерных фишек и мисок для хлопьев, – и прошла в спальню, чтобы найти другую ванную комнату. Там она увидела тесную группу из Марко, Ринальдо и модели. «Они тоже?» – в ужасе подумала Чарли, однако сразу же увидела, что они просто смотрят какое-то смешное видео на телефоне модели.

– Чарли! Иди ко мне, детка, – сказал Марко, протягивая ей руку.

Модель затянулась электронной сигаретой, которую держала в своих прекрасно ухоженных пальцах, и передала сигарету Марко. Ни один теннисист ни при каких обстоятельствах не стал бы курить обычное «Мальборо», но многие полагали, что испарители безвредны. Чарли была уверена, что накануне матча все спортсмены заботятся о своем организме... Впрочем, потом она застала первую ракетку мира за нюханьем кокаина.

Марко затянулся. Кончик электронной сигареты ярко засветился, словно и в самом деле горел. Томный поток пара выглядел совсем как дым, только не имел никакого запаха.

Кто-то просунул голову в комнату и окликнул модель. Та коснулась рукой плеча Марко и даже не потрудилась замаскировать свой взгляд, полный разочарования, прежде чем уйти.

– Красивая, – не удержалась Чарли от комментария.

– Кто? – спросил Марко, притягивая ее к себе и целуя в губы. – На, затянись. Это поможет тебе расслабиться.

– Мне и так хорошо, – сказала Чарли, покусывая его нижнюю губу.

Он проскользнул рукой под ее рубашку и стал гладить по спине. Не

успела она опомниться, как он стиснул ее в объятиях и страстно поцеловал в шею.

– Может, вам уединиться? – крикнул кто-то.

Они, смеясь, оторвались друг от друга.

– Пойдем в мой номер? – предложил Марко.

Он протянул руку и помог ей встать с кровати. Чарли прошла вместе с ним в гостиную. Повсюду пили, курили, целовались. Парни с восторгом наблюдали, как Наталья танцует под Бейонсе. Бенджи среди них не было. Чарли оглядела комнату и поняла, что он ушел.

– Держи. – Марко протягивал ей электронную сигарету.

– Я не хочу.

– Просто поддержи для меня. Сейчас вернусь.

Марко удалился в зону мини-кухни. Все вокруг смеялись и разговаривали, и Чарли вдруг стало неловко стоять в одиночестве. Только из желания выглядеть чем-то занятой она поднесла испаритель к губам и глубоко затянулась. Горло слегка обожгло. Это просто водяной пар, думала она, медленно выдыхая струю.

Она сразу же почувствовала, как расслабляются все мышцы. Плечи опустились, мысли успокоились. Она затянулась снова. И снова.

Прошло пять секунд или пять минут – Чарли мгновенно потеряла счет времени, – и она поняла, что сигарета повлияла на ее сознание. Все вокруг стало мягче и тише. Мужчины хрипло смеялись едва слышными голосами. Чарли увидела Марко, окликающего ее с другого конца комнаты, но ее больше заинтересовали движения его губ, чем слова, которые он говорил. Краем глаза она заметила вспышку, потом еще одну... Все происходило словно в замедленном движении.

– Эй, не круто, – произнес кто-то.

Наталья в ответ лишь пожала плечами. Раскрасневшиеся щеки и блеск пота на ключицах делали ее еще красивее.

Чарли не видела, как подошел Марко, не слышала ни слова из того, что он сказал, только вдруг почувствовала руки Марко на своей талии. Она обернулась и увидела его улыбку.

– Ты в порядке, любовь моя? – В прищуренных глазах читались насмешка и беспокойство.

– Я чувствую себя немного странно, – удалось выговорить Чарли, хотя она сомневалась, что сказала это достаточно громко.

– Ты слегка под кайфом, вот и все. – Марко вылил половину воды из бутылки и передал остаток Чарли. – Я не ожидал, что ты затянешься.

Чарли хотела сделать всего глоток, но вода оказалась очень вкусной, и

она выпила все. И сразу же снова ощутила жажду.

– Затянусь? – спросила она, стряхивая последние капли воды в рот.

– Там был ТГК^[11].

– Что?

– Травка. Я сделал всего одну затяжку – слегка снять напряжение.

– Я сейчас курила травку? В вечер перед матчем?

– Одна затяжка – как бокал шампанского. Это не повлияет на твою игру.

– Я затянулась больше одного раза!

Марко нахмурился и притянул ее ближе.

– Тише. Пойдем, отведу тебя в номер. Все будет в порядке.

– Не будет! – прошептала Чарли, наверное, очень громко, потому что несколько человек обернулись. – Это нужно прекратить. Прекратить немедленно!

Все ее тело, которое секунду назад покачивалось в расслабляющих волнах, теперь охватила паника. Она никогда, никогда за свои двадцать пять лет не курила травку.

– Чарли, успокойся. Тебе не о чем волноваться.

Марко крепко взял ее за руку и потащил к двери. Выйдя в коридор, она изумилась, увидев, каким ярким все выглядит, и в то же время каким нормальным. Молодой отец нес на руках спящего ребенка, мать следом везла пустую коляску; официант нес поднос с невероятно аппетитным на вид мороженым; нарядная пара дожидалась лифта.

– Пойдем по лестнице, – сказал Марко, потянув ее за собой.

Мужчина и женщина у лифта обернулись и посмотрели на них.

– Они меня узнали! Увидели, что я под кайфом! Завтра это будет во всех газетах!

– Заткнись! – прошипел Марко ей в самое ухо.

Чарли ошеломленно умолкла. Как на корте, так и вне корта Марко считался настоящим монолитом ровного настроения и сдержанных эмоций. Целые статьи были написаны о его психологической прочности и достойной восхищения невозмутимости, и Чарли никогда, ни разу не замечала щели в этой броне. До сих пор.

Пока она шла за ним к выходу на лестницу, кое-что привлекло ее внимание. Слева приоткрылась дверь – как раз, когда они проходили мимо. Хотя в комнате было темно, Чарли разглядела внутри две мужские фигуры и услышала шепот. Голоса ей были знакомы. Она остановилась на секунду, чтобы посмотреть, но Марко потянул ее за собой. Вроде бы там Джейк, судя по голосу... Спустившись на два этажа и подойдя к номеру Чарли,

Марко достал ключ из заднего кармана ее джинсов и отпер дверь. Он утешительно пробормотал, что действие наркотика скоро пройдет и надо просто лечь спать, убедился, что у нее есть вода и будильник заведен на шесть тридцать, поцеловал Чарли в щеку и ушел.

– Я позвоню на ресепшен, чтобы тебя утром разбудили. Удачи завтра. Все будет отлично...

– Чарли? Чарли? Вы меня слышите? – Голос был мужской, но принадлежал не Марко. Ее окликал Шон, а она по-прежнему стояла на подиуме, отвечая на вопросы после проигрыша в первом круге Открытого чемпионата Франции.

– Да, конечно.

– Можете ли вы прояснить слова о том, что вы провалили тест? – спросил Шон, еще раз махнув оскорбительным заголовком.

Чарли беспомощно оглянулась на Джейка. Тот сделал шаг вперед и взял микрофон.

– Я однозначно заявляю, что так называемый «провал теста» ни в коей мере не имеет отношения к сегодняшнему выступлению Шарлотты.

– А что насчет видео, размещенного на «Ютубе» вчера поздно вечером? Можете ли вы его прокомментировать?

В комнате теперь достаточно успокоились, чтобы стала слышна запись, которую Шон включил на своем телефоне. Чарли не могла разглядеть, что происходит на маленьком экране, зато услышала женский крик – несомненно, ее собственный: «Это нужно прекратить. Прекратить немедленно!»

Джейк откашлялся и наклонился к микрофону.

– Шарлотта не станет сейчас это комментировать. Спасибо за понимание.

Со всех сторон зашумели, но Джейк сжал руку Чарли точно так же, как Марко вчера вечером, и вытащил ее из комнаты.

Глава 18. Линдси Лохан от тенниса

Топанга-Каньон.

Июнь 2016 года

– Я унижена, – простонала Чарли. – Ты хотя бы знаешь, как меня теперь называют?

– «Скандальная принцесса»? И что? Не так уж плохо. – Чарли слышала, как Пайпер скоблила ложкой по миске, а затем проговорила с полным ртом: – На самом деле звучит даже шикарно. Травка легальна в целой куче штатов. Точного числа не знаю, в очень многих.

Чарли раздраженно фыркнула.

– Джейк злится, однако, по крайней мере, вроде понимает, как все случилось. А Тодд просто в ярости. Вот. – Она достала телефон и прокрутила список сообщений. – «Никогда бы не подумал, что ты способна на такую эпически неопишемую тупость». «Тупость» написана большими буквами. На всякий случай, чтобы я не пропустила.

– Обычное дело для Тодда.

– Не обманывай меня и себя. Это явно не последнее, что у него есть сказать. Он устроит мне ад. Если вообще не уволит.

– Чарли, это ты – его босс, а не наоборот.

– Не важно.

– Извинишься, скажешь ему, что осознала свою ошибку, и он успокоится. Как и все остальные.

– Может быть. Но отец! Он так разочарован, что даже не стал со мной разговаривать.

– Твой отец еще скучает по милой девочке с косичкой, которая говорит «спасибо» и «извините», даже когда через нее перешагивают. Ничего, привыкнет.

– Иногда я ловлю его взгляд... Он смотрит на меня с таким выражением, словно не понимает, кто перед ним. Это просто ужасно, – прошептала Чарли.

Стены в бирчвудском коттедже, куда переехал отец, были тонкие, как бумага, а отец занимал соседнюю комнату. Он предложил, что сам пока перейдет в гостиную, а ей предоставит свою спальню. Чарли не хотела причинять ему неудобств, и спор о том, кому спать в гостиной, быстро накалился. Этот спор вынес на поверхность множество разных вопросов,

ни один из которых они не были готовы решать: о его новом жилье и финансовом положении, о ее поведении в последнее время, о работе Тодда, об обоюдном отчуждении, которое она и отец давно чувствовали.

Когда после унижительного проигрыша она купила билет из Парижа в Лос-Анджелес, Чарли не думала ни о чем, кроме возвращения домой. Зачем обзаводиться собственным домом, если проводишь в поездках сорок восемь недель из каждых пятидесяти двух? Она допускала, что, наверное, приятно иметь свою квартиру – но зачем платить аренду, оплачивать коммунальные услуги и обставлять мебелью место, где бываешь пару недель в году? Тем более, когда она накопила так много авиамиль, что могла практически бесплатно летать в любое место и останавливаться в любой гостинице? А для тех случаев, когда ей нужен день-два, чтобы отдохнуть и расслабиться, у нее был отцовский дом. До сих пор. Если бы Чарли помнила, что отец переехал в удручающий гостевой домик, который пришел в такой упадок, что уже не годился для размещения гостей спортивного клуба, она, вероятно, поселилась бы в гостинице. Или не поехала бы домой вообще. И от этих мыслей она чувствовала себя еще хуже.

– Помиритесь. Тебя же не арестовали за проституцию? Вот от этого было бы трудно оправиться. Большой проблемой мог бы стать героин. И ты, насколько я знаю, никого не убила. Думаю, мир как-нибудь переживет, что ты покурила косячок.

– Я не курила косячок!

– Да какая разница? Курила, нюхала или вдохнула пар из электронной сигареты... Чарли, расслабься. Кому какое дело?

– Кому какое дело?! Ты, случайно, не заметила, что видео, где я объявляю, как облажалась, набрало сотни тысяч просмотров?

– Согласна, неприятно. Но те, кто тебя любит, знают, что произошло.

Чарли приглушила канал ESPN, по которому несколько дней, что здесь жила, она смотрела мучительные репортажи с чемпионата Франции. Когда чемпионат закончится – и Наталья, разумеется, выиграет, – до Уимблдона останется всего три недели. Марко на экране методично уничтожал молодого американца в третьем сете.

– Я профукала свой шанс в Большом шлеме из-за дурацкой вечеринки в гостиничном номере с кучей людей, которых я даже не знаю. Что это говорит о моей преданности спорту?

Снова послышался скрежет ложки о миску.

– Не мне рассуждать о преданности спорту. Я бросила теннис при первой же возможности. Ты, конечно, другая. Это твоя жизнь. К лучшему

или худшему – а иногда и то, и другое, – но это твоя работа. И ты делаешь ее по-настоящему хорошо. Можешь ты позволить себе немного пожить нормальной жизнью? Чуть-чуть повеселиться? Разве случится катастрофа, если ты не станешь номер один? Если не выиграешь Шлем? Что в этом такого ужасного?

Чарли смотрела на фотографии в рамках, которые отец держал на прикроватном столике. Снимки были сделаны за пару лет до того, как матери поставили диагноз. Они тогда решили отправиться в поход на ночь. Семья Сильверов несколько часов ехала до Редлендса и поставили палатку на красивой поляне у реки. Джейк терпеливо учил Чарли разжигать костер – сначала хворост, затем поленья, – а их родители пытались починить капризную походную плитку. Она ясно помнила, как на валуне установили фотоаппарат и отбежали позировать для семейного снимка. Плитку так и не сумели починить, но хот-доги на открытом огне получились великолепные. Маленькая Чарли жутко перепугалась, когда завyli гиены: стремглав выбежала из палатки, которую делила с Джейком, и ворвалась в палатку родителей, где проспала всю ночь между ними.

– Родители многим пожертвовали, чтобы я этого достигла, – прошептала она.

– Знаю, дорогая. Но ведь и ты тоже. Насколько мне известно, о теннисной карьере не мечтали ни твой отец, ни твоя мать. Только ты. Так что, наверное, тебе нужно решить, до сих пор ли ты этого хочешь. Ничего нет страшного в том, чтобы изменить курс. Извини, если я рассуждаю, как какой-нибудь диванный психоаналитик, но на все в жизни есть только один шанс. Хочешь стать лучшей в мире теннисисткой – борись за это! А мы тебя поддержим. Но если ты готова послать все к черту, то, может, это тоже неплохо. Тебе решать, Чарли.

– Почему все постоянно уговаривают меня уйти из спорта? – раздраженно спросила Чарли. – Малейшее препятствие – и весь мир советует мне бросить. Я люблю теннис! И чертовски много работала, чтобы стать лучшей. Так что, да, я хочу стать первой.

– Ну, судя по твоему поведению, не очень. Можешь со мной поссориться. Но кто-то должен был сказать тебе правду.

Чарли некоторое время молчала.

– Вот как ты разговариваешь с Линдси Лохан от тенниса? Немного больше уважения, пожалуйста!

Пайпер засмеялась.

– Да, я тоже читала ту статью. Потрясающе. Знаешь, как она меня развеселила?

Раздался стук в дверь.

– Чарли? Выйдешь на минутку? – усталым голосом позвал ее отец.

– Конечно, папа, сейчас! – крикнула она. А потом тихо сказала в телефон: – Во сколько завтра?

– Празднества в резиденции Стоктон начинаются в полдень. Предупреждаю: будут в основном подруги моей матери и их дочери. Услышишь много о новейших «Рейнджроверах», преимуществах велосипедных тренажеров и как ныне сложно найти приличную уборщицу.

– Я приду! Ничто не смогло бы меня сейчас так развеселить, кроме дам-расисток из высшего американского общества, выпивающих за завтраком. Спасибо, дорогая. Увидимся в полдень.

– До встречи. И спасибо, что прийдешь. Я очень рада, что ты продула в чемпионате Франции, потому что иначе тебя не было бы на моем празднике предсвадебных подарков.

– Не благодарю.

Чарли положила трубку и поднялась с кровати. Она впервые заметила, как разохся старый деревянный комод, как истерлись банные полотенца. В детстве она никогда не замечала подобного.

– Ты уходишь? – спросила Чарли, падая на уродливый клетчатый диван, который сдавался вместе с коттеджем. Когда она спросила о просторном вельветовом диване своего детства, мистер Сильвер сказал, что продал его. Практически ни один из предметов мебели из старого дома не помещался в его новом жилище.

Отец сменил привычный тренировочный костюм на брюки цвета хаки и рубашку поло с короткими рукавами. Его мокрые волосы были аккуратно зачесаны назад, на ногах красовались новые мокасины.

– Да, я встречаюсь... с приятелем. Ужинаем вместе.

Чарли думала, что он поужинает с ней. В конце концов, она проводила дома всего несколько дней в году. Но она не подала виду, что расстроена.

– Не знала, что у тебя планы. Хотела приготовить твое любимое филе и печеный картофель. Оргия углеводов и красного мяса, как тебе нравится.

Чарли улыбнулась, однако тут же пожалела, что употребила слово «оргия».

Отец, казалось, мучительно что-то обдумывал.

– Так, насчет этого... марихуаны...

Чарли уставилась в пол.

– Папа, прости. Знаю, что для тебя это, наверное, суперунизительно. Я не хотела... Не думала... В общем, я уже объяснила, как все произошло.

Мне очень жаль...

Он подошел и сел рядом с ней на диван.

– Милая, я как раз собирался сказать, что ты не должна себя терзать. Все совершают ошибки. Бог свидетель, я наделал их немало.

– Ой, да ладно. Я гуглила тебя тысячу раз. Кроме свиданий со всеми теннисистками из первой полусотни рейтинга, там ничего нет. Ты чист, как снег.

Он отвел глаза.

– Однажды у меня был роман с замужней женщиной...

Чарли замерла.

– Мне было двадцать. Молодой идиот. Ей – двадцать шесть, замужем за тренером моего друга, гораздо старше ее, тогда, наверное, лет сорока. Она была несчастлива с ним. И мы думали, что влюблены. Я говорил себе, что ничего плохого не делаю, потому что сам не женат. – Он закашлялся. – Ну вот. Думаю, ты понимаешь, что все закончилось плохо.

– Что произошло?

– Нас застали вместе в Уимблдоне. На съемной квартире... Это было ужасно. Ее муж обезумел, угрожал убить меня и развестись с ней. Развестись с громким скандалом. Об этом узнали все в турне и несколько недель только нас и обсуждали. Она больше никогда не говорила со мной – они, кстати, все еще женаты, – а я чувствовал себя самым большим куском дерьма... Так что, Чарли, я понимаю. Понимаю, каково это – день за днем переезжать из отеля в отель, бегать с тренировки на тренировку. А теперь, с Тоддом и твоим усиленным графиком? Огромная нагрузка. Не убивайся. Мы все знаем, что ты не наркоманка, так же как и я не был тогда завзятым разрушителем семей. Мы все порой совершаем ошибки. Мы извиняемся и учимся на своих ошибках, и жизнь продолжается. – Он приподнял ее подбородок пальцем. – Хорошо, детка? Не будешь убиваться?

Она поцеловала его в щеку, чувствуя прилив благодарности.

– Постараюсь. Если скажешь, куда ты сейчас идешь.

– Хм... У меня свидание.

Он не смог бы удивить ее больше, даже если бы объявил, что работает в ЦРУ. Конечно, отец вел далеко не монашеский образ жизни, пока Чарли и Джейк были в поездках, однако он никогда не ходил на свидания, если они приезжали. Или, если ходил, они об этом не знали. Очевидно, здесь было что-то более существенное.

– Свидание? Кто счастливица?

– Это... хм... вообще-то, ты с ней знакома.

– Знакома?

– Ты, наверное, давно ее не видела. Я тоже. После того, как умерла твоя мать... – Он закашлялся. – Мы вроде как заново познакомились.

– Заново познакомились? Так это не первое свидание?

– Нет, не первое. Она... старый друг.

– Что за загадки, папа?

И вдруг Чарли поняла. Она не знала, как именно догадалась, но была уверена, что права.

– Это Эйлин, – сказал отец, подтвердив догадку.

Эйлин. Конечно. Она мысленно вернулась в прошлое, вспоминая намеки, которые постоянно ей попадались. Однажды отец сообщил, что Аманда, подруга детства Чарли, влюбилась в австралийца и уехала с ним в Австралию. Когда Чарли спросила, откуда он узнал о девушке, с которой она давно потеряла связь, отец пробормотал, что как-то столкнулся с Эйлин. Когда это было? Год назад? Раньше?

Когда за обедом в клубе Говард стал спрашивать о каком-то новом друге, мистер Сильвер осадил его взглядом. А когда в годовщину смерти матери они с отцом посещали могилу? Они пришли вместе, Джейк был в отъезде, однако перед памятником лежал великолепный букет пионов. Мистер Сильвер не удивился – и не ответил на вопросы Чарли. И, конечно, неожиданное появление Эйлин на показательном матче в UCLA. Как она сразу не поняла?

– Ты встречаешься с Эйлин? С маминной Эйлин?

– Чарли, я понимаю, это... странно, но некоторые вещи трудно объяснить.

– Ничего себе.

На заднем плане бубнил телевизор. Что-то о резком увеличении цен на нефть. Они с отцом не смотрели друг на друга.

– Чарли, ты должна знать еще кое-что. Это более серьезно.

– Более серьезно, чем что?

– Мы не просто встречаемся. Мы... хотим пожениться.

Как ни странно, первой мыслью после того, как отец объявил, что женится на лучшей подруге ее матери, было: «Почему все вокруг женятся?» Затем Чарли подумала о свадьбе – когда она состоится, не совпадет ли с ее графиком тренировок, что она наденет – и сразу же подумала, что Аманда и Кейт станут ее сводными сестрами. Потом она вспомнила про брата. Неужели Джейк знал – и не сказал ей?

– Чарли?

Она слышала, но голова была перегружена лихорадочными мыслями, а затем чувством вины за то, что эти мысли так эгоистичны.

– Чарли? Скажи что-нибудь. – Его голос прозвучал жалобно.

Отец отчаянно нуждался в ее поддержке, и Чарли подумала, что более добрая, более чувствительная дочь попыталась бы его успокоить. Особенно после того, как он только что советовал ей не терзать себя из-за ее собственной колоссальной ошибки. В конце концов, он женится не на какой-нибудь нимфетке моложе собственной дочери. Нет, он решил провести остаток своих лет с женщиной доброй и щедрой, наполненной бесконечной энергией и заботой о близких. С женщиной, которая двадцать четыре месяца возила маму Чарли на химиотерапию, к консультанту по подбору парика и на шопинг для поднятия настроения. Которая свозила ее мать в Барселону, тщательно продумав детали путешествия, чтобы учесть все необходимое для человека с неизлечимой болезнью. Она водила Чарли на теннис в те выходные, когда отцу приходилось работать, а мать была слишком больна, чтобы подняться с постели; она помогала Джейку с геометрией, а потом с тригонометрией; многие месяцы после смерти подруги Эйлин ставила нужды своих детей на второе место, чтобы постоянно присутствовать в доме Сильверов, готовила им французские тосты и суп из тунца, гладила белье и утешала Чарли и Джейка, когда те просыпались среди ночи в слезах. Она стала заменой их маме в самые трудные месяцы – так что странного, если теперь она станет их мачехой? И почему Чарли не может отложить свои чувства в сторону на десять секунд, чтобы обнять отца и улыбнуться ему?

Отец встал и начал ходить по комнате.

– Понимаю, ты, наверное, в шоке, – тихо сказал он.

– Пятнадцать лет после того, как Эйлин исчезла из нашей жизни, ты редко упоминал о ней, а теперь говоришь, что вы женитесь?

– Она помогала нам, когда у нас больше никого не было.

– И сразу исчезла, когда ее муж стал сердиться, что она слишком много времени проводит в нашем доме. И фактически мы никогда больше ее не видели.

Отец вздохнул.

– Тяжело... нет, невозможно понять, что происходит в чужой семье. Эйлин заботилась о нас, когда мы больше всего в ней нуждались. Она делала это бескорыстно, из любви к твоей матери. Которая, кстати, сделала бы то же самое для нее. И все же Эйлин была матерью двух маленьких дочек, и у нее был муж, которому она тоже была нужна. Очевидно, у них еще раньше возникли сложности – не знаю, помнишь ли ты, но спустя пару лет они развелись. Вряд ли ее можно винить за то, что она прислушалась к Брюсу и попыталась больше времени отдавать своей семье.

– Так она это объясняет? – Чарли сама ненавидела себя за этот язвительный тон – и ничего не могла с собой поделать.

– Наверное, я плохо объясняю. Ты знаешь, я не силен в таких разговорах. – Он встал и взял ключи с маленького крючка на стене у двери. – Я вернусь не поздно. Спокойной ночи, Чарли.

Чарли смотрела на закрывшуюся дверь не меньше пяти минут, пока по ее лицу не покатились слезы.

Просигналил телефон: пришло письмо – от Тодда.

Шарлотта, давай рассматривать этот инцидент как твой первый и последний промах, по крайней мере, если ты хочешь, чтобы я продолжал с тобой работать. Твой брат подробно объяснил мне, как все вышло. Я знаю, что ты не собиралась курить марихуану, и я также знаю, что «провал теста» – всего лишь результат пропущенного временно́го окна для допинг-контроля. Это хорошая новость. Дерьмовая новость состоит в том, что никто, кроме меня, не понимает ни того, ни другого. Джейк, Мередит и я разработали программу по улучшению ситуации.

Ты должна:

- 1. Разместить утвержденное нами извинение перед фанатами на своем веб-сайте и на своих страницах в «Инстаграме» и на «Фейсбуке».*
- 2. Объяснить прессе, что значит «провал теста».*
- 3. Убедить меня, что никогда больше не станешь посещать «вечеринки в номерах» и прочую подобную ерунду во время турнира.*
- 4. Для подготовки к Уимблдону добавить в ежедневное расписание по часу тренажерного зала и тренировки.*

Полагаю, не нужно напоминать, как тебе следует вести себя на яхте Боно в эти выходные. Если я уловлю хотя бы дуновение травки или скандала, мы расстанемся. Хорошего путешествия.

Тодд.

Прежде чем закрыть письмо, Чарли перечитала его еще раз. Для одного вечера эмоций было более чем достаточно.

Глава 19. На яхте Боно

Мегаяхта в Средиземном море.

Июнь 2016 года

Тодд встречал ее у зоны выдачи багажа. Тренер организовал для всех большую квартиру в центре Уимблдона, где они смогут поселиться за две недели до начала турнира. Чарли будет тренироваться на местном травяном корте и успеет адаптироваться к смене часового пояса и другому питанию. С трудом верилось, что после травмы прошел целый год, а до следующего Большого шлема – двенадцать месяцев тренировок и поездок. Но сначала была яхта.

– Привет, – смущенно сказала Чарли, не зная, протягивать ей руку для рукопожатия или можно его обнять.

Тодд схватил ее сумку.

– У тебя все? Только сумка с ракетками? Где остальное?

– Шесть ракеток и одежду для яхты я привезла в ручной клади, а остальные ракетки и экипировку отправила на указанный тобой адрес в Уимблдоне. Из «Найк» уже доставили костюмы?

Тодд хмыкнул.

– Моник проверяет каждую деталь под микроскопом, чтобы убедиться, что все соответствует стандартам Уимблдона. Неожиданностей я не допущу.

– Отлично. Спасибо, – кивнула Чарли.

– Это, пожалуй, единственное, о чем тебе не нужно беспокоиться. Все остальное, безусловно, твои проблемы.

Чарли молчала, пока они шли до машины. Водитель повезет ее из Хитроу в Лутон, один из малых аэропортов на окраине Лондона, откуда она вылетит в Неаполь, и Тодд сказал, что поедет до Лутона с ней. Чарли получила приглашение на эту благотворительную акцию в последнюю минуту – Винус Уильямс слегла с гриппом, – однако отказаться сейчас было бы все равно что признать проблемы с наркотиками. Или, как выразилась Мередит: «С тем же успехом можешь лечь в Хейзилдин»^[12].

Тодд открыл перед Чарли заднюю дверцу «Ауди» и жестом велел ей садиться. Она не заметила Дэна, сидевшего впереди рядом с водителем, пока он не повернулся, чтобы поздороваться.

– Что ты здесь делаешь? До понедельника мне спарринг не

понадобится. – Прозвучало грубо, но она совсем не это имела в виду.

Дэн покосился на Тодда.

– Что происходит? – спросила Чарли.

Тодд сел на заднее сиденье рядом с ней. Водитель завел машину.

– Дэн едет с тобой в Италию, – сказал Тодд.

– Прости?

– Ты меня слышала.

– Ты приставил ко мне няньку?

Дэн отвел глаза.

– Он мой надсмотрщик? Чтобы я снова не вляпалась...

– Называй как хочешь, Сильвер, – оборвал ее Тодд. – Итак. Я понимаю, почему эта поездка необходима с точки зрения пиара... Мередит настаивала, чтобы ты приняла это приглашение, и поэтому я не стану возражать. Но я очень надеюсь, что там ты будешь лишь позировать для камер, махать рукой фанатам и выглядеть счастливой и трезвой. Иначе я сочту это вторым промахом.

– Я не какой-нибудь несдержанный подросток, Тодд.

– Кто тебя знает.

– Это несправедливо. Я...

Тодд поднял руку, призывая к тишине.

– Я говорил с Джейком и Изабеллой. Они разработали все твои извинения и объяснения. В ближайшее время мы пришлем тебе тексты. Изабелла также предоставит сценарий интервью с утвержденными ответами на те вопросы, которые тебе наверняка будут теперь задавать. От сценария не отступай ни при каких обстоятельствах. Тебе запрещены любые вольности. Ясно?

Прежде чем Чарли успела ответить, зазвонил его телефон. Тодд надел наушники и раскрыл ноутбук.

Несколько минут в машине было тихо. Чарли обиженно смотрела в окно.

– Я не буду тебе надоедать, – подал голос Дэн. – Не волнуйся.

– Частный самолет доставит меня на мегаяхту, которая будет совершать круиз вдоль Амальфитанского побережья. Меня не волнует, что ты мне будешь надоедать, – отрезала Чарли.

Дэн кивнул, и остаток пути до Лутона все молчали. На въезде водитель показал какую-то бумагу, и автомобиль сопроводили прямо до взлетной полосы, где сотрудник британской иммиграционной службы проверил их паспорта – даже не пришлось выходить из машины. Затем носильщик аккуратно уложил сумки Чарли и Дэна в багажный отсек готового к взлету

«Гольфстрима V».

Тодд молча бросил ей рюкзак.

– Что там? – спросила Чарли, расстегивая молнию. В рюкзаке оказался портативный DVD-плеер – какими пользуются в самолетах дети – и стопка дисков. Конверты были подписаны маркером: «Мюнхен, полуфинал 2014», «Шарапова, март 2015», «Гейгер – Атертон, Сингапур 2015». И так далее.

– Найди время посмотреть и будь готова их обсуждать. В понедельник я пришлю за тобой машину, – бросил Тодд, едва глядя на Чарли. – Надеюсь, обойдешься без сюрпризов. Если, конечно, не хочешь слить Уимблдон, как Ролан Гаррос. Тогда без меня.

Чарли смотрела на свои руки.

– Хорошо. Рад, что мы поняли друг друга. – Тодд повернулся к Дэну: – Несешь за нее личную ответственность. Никакой выпивки, сигарет или наркотиков. Никакого гребаного шоколада. Защита от солнца – пятьдесят. Восемь часов сна. Ясно?

– Кристально, – отрапортовал Дэн.

Тодд захлопнул дверцу автомобиля, и машина уехала.

– Ты как? – поинтересовался Дэн, взглянув на нее.

– Отлично, – процедила она сквозь зубы.

Когда они направились к трапу, зазвонил телефон Дэна, но он его отключил.

– Парижская девушка? Как тогда все прошло?

Дэн покраснел.

– Рада за тебя. Давно пора завести подружку, верно?

– Не срывай на мне злость, – спокойно произнес он, пропуская ее первой на трап.

Красивая чернокожая стюардесса в белоснежной форме приветствовала их, назвав каждого по имени, и предложила самим выбрать места в салоне.

– Кроме двух сидений в центре. Это любимые места владельцев.

Чарли опустилась в мягкое кожаное кресло в конце салона и жестом пригласила Дэна сесть напротив. Они приехали первыми, но ожидалось и другие пассажиры.

Стюардесса протянула им серебряный поднос с бокалами шампанского и стаканами воды. Чарли взглянула на Дэна и демонстративным жестом взяла воду. Ей сразу же стало неловко.

– Прости. Я не хотела создавать напряженность.

– У меня ничего нет с парижской девушкой, – вдруг принялся объяснять Дэн. – Я, наверное, еще не пережил прошлые отношения.

– Как ее звали?

– Кэти.

– Долго вы были вместе?

– Три года. Мы встретились в мой последний год в Дьюке. В писательском классе.

– Писательском? – удивилась Чарли. – Не знала, что ты интересуешься литературой! Я думала, для тебя существует только теннис. И бизнес.

Дэн немного приосанился.

– Я вообще-то написал роман. И даже надеюсь в ближайшее время его продать.

– Seriously? – изумилась Чарли.

– Да. Почти закончил редактировать. Я стараюсь писать в свободное время: в самолетах, в гостиницах... Когда еще будет такая работа, чтобы и зарабатывать, и иметь свободное время? На самом деле только благодаря тебе у меня есть такая возможность.

Чарли обдумала его слова.

– Я очень рада за тебя. – Она покачала головой. – Родители поддерживают?

– По-разному. Я первый в семье, кто поступил в колледж. Они хотели, чтобы я изучал экономику и смог поднять семейный бизнес.

– Как сюда вписывается теннис?

– Я люблю играть, и мне нравится работать с тобой.

– И ты никогда не думал пойти дальше? Ты же в любой момент меня сделаешь.

Дэн рассмеялся.

– Как сказал бы Тодд, ты всего лишь девчонка.

Чарли шутливо шлепнула его рукой.

– Если серьезно, я не особо стремился к успеху в теннисе. Я не был готов пожертвовать всем остальным в своей жизни – писательством или колледжем.

– Или девушками.

– Или девушками. От девушек я точно не мог отказаться.

– Позволь напомнить, что мужчины-теннисисты не страдают от отсутствия девушек, – улыбнулась Чарли.

– Что верно, то верно. И все же такой график и тренировки – не для меня.

Чарли отпила воды.

– Ты рассказывал о Кэти. Милой, нежной южанке Кэти.

Дэн рассмеялся.

– Моя Кэти родилась и выросла в Нью-Йорке и до детского сада считала няню своей матерью. Она крепкий боец. Всегда знала, чего хочет. И чего хочу я, тоже знала. Я никогда не встречал такой девушки. Частные школы, особняки и французские гувернантки. Неловко признавать, но меня это соблазнило.

– Понимаю, – тихо сказала Чарли. Она тоже с восхищением взидала на семьи, с которыми ее отец работал в Бирчвуде. Ее очаровывало нечто большее, чем богатство: они с рождения привыкли к привилегированному положению в обществе и шли по жизни с такой спокойной, грациозной легкостью... Весь мир лежал у их ног.

– Кэти не послушалась семьи, когда они меня не одобрили. И хотя у нее нет необходимости работать, она стала успешным фотографом. Сама всего добилась. Она классная.

– Так почему ты не с ней?

Дэн поднял глаза.

– Потому что невозможно представить, чтобы Кэтрин Синклер с Парк-авеню вышла за Дэна Рейберна из Мариона, штат Виргиния, чьи родители владеют хозяйственным магазинчиком.

– Ей же хуже, – пробормотала Чарли, стараясь не встречаться глазами с Дэном.

– Да уж, конечно, – печально улыбнулся он. – Я видел на «Фейсбуке», что она вышла замуж за Лохлана Доббса Третьего. Через шесть месяцев после того, как мы расстались. За два года родила двух мальчиков, тоже с римскими цифрами после имен. Сейчас они строят дом рядом с домом ее родителей в Амагансетт, а пока переехали из Грамерси в скромный таунхаус за десяток миллионов долларов на Семьдесят четвертой улице. Не то чтобы я за ней следил.

Чарли рассмеялась. Ей захотелось его обнять.

– Вижу. Ты удивительно нелюбопытен!

Прежде чем она успела напомнить Дэну, что он, вообще-то, потягивает «Эвиан» в салоне частного самолета и летит к Средиземному морю, чтобы провести несколько дней на борту одной из самых роскошных в мире яхт, с трапа донеслись голоса.

– Ну и ну, смотрите, кто пролез! – пронзительно воскликнула Наталья.

Она осторожно ступала на десятисантиметровых платформах своих босоножек, перекинув через руку шлейф длинного платья. Бенджи, входя следом за ней, ударился головой о притолоку. Его руки были размером с ракетку для пинг-понга.

– Привет, Наталья, – пробормотала Чарли, твердо решив держать себя

в руках. – Привет, Бенджи. Как дела? Ты не в тренировочном лагере?

– Сезон еще официально не начался, – ответил он, устраивая свое огромное тело в одном из кресел через проход от Дэна. – Мне сказали, что на этом кораблике, куда мы направляемся, есть шикарный тренажерный зал, так что тренировки я отработаю. – Он встретился взглядом с Чарли. – Я не знал, что ты будешь. Очень рад. С тобой кто-нибудь еще едет?

Чарли показала на Дэна и познакомила их. Наталья смотрела в окно и болтала по телефону на русском.

– А остальные? – спросил Бенджи.

– С Марко мы встретимся в порту. За ним и еще несколькими теннисистами отправили самолет в Лондон.

– М-м, ясно, – пробормотал Бенджи.

– Марко придет, да? – тихо сказал Дэн. – То есть все-таки придется работать надсмотрщиком.

Чарли повернулась к нему, изобразив притворное возмущение.

– Серьезно?

– Ты же слышала Тодда. Никаких визитов среди ночи. Приказ тренера.

– Будешь караулить под дверью?

– Если придется.

Элеонор Маккинли, канадка, которая победила Чарли в первом круге Открытого чемпионата Франции, вошла в самолет и со всеми поздоровалась.

Чарли заставила себя помахать ей рукой. Мать Элеонор – в элегантном брючном костюме, с большой сумкой «Луи Вюиттон» – села с ней рядом и что-то прошептала на ухо. Затем появился Ринальдо, главный соперник Марко на корте и самый близкий его друг в турне.

– Привет, Ринальдо, – улыбнулась Чарли, вставая, чтобы поцеловать его в обе щеки. – Ты без Елены?

Он покачал головой.

– Осталась дома с ребенком.

Полет в Неаполь занял меньше двух часов, а потом гостей доставили к причалу. На волнах гордо покачивалась «Леди Лотус» – восьмидесятиметровая мегаяхта, два года назад сошедшая со стапелей по заказу богатого китайского бизнесмена, который, по слухам, терпеть не мог и яхты, и море. Говорили, яхту он купил лишь потому, что для Запада это был статусный символ, а сам он только однажды посидел на сверкающей новенькой палубе – босой, в дизайнерском костюме и галстук. Яхта выходила из гавани, когда ее фрахтовали, и прокат обходился в семьсот пятьдесят тысяч долларов в неделю. На этой неделе ее зафрахтовал Боно

для благотворительного теннисного матча на борту, ради которого и были приглашены шесть теннисистов высшего ранга. Десяток супербогатых любителей тенниса платили по триста тысяч долларов за то, чтобы провести несколько дней на борту яхты, посмотреть, как профи сыграют несколько матчей, и, если им захочется, самим поиграть с лучшими в мире теннисистами. Все деньги шли на борьбу со СПИДом в Африке. Боно ежегодно проводил подобное мероприятие, и, естественно, и теннисисты, и филантропы мечтали получить сюда приглашение.

На палубе выстроился экипаж – не меньше двух десятков человек, плечом к плечу, руки за спиной, сверкающие улыбки. Поднявшись по трапу, прибывшие сняли обувь и положили ее в индивидуальные плетеные корзины, на которых уже были бирки с их именами. Чарли и Дэн вышли на главную палубу, где улыбающаяся стюардесса предложила прохладные, пахнущие лимоном полотенца. На белой рубашке стюардессы было вышито «Леди Лотус», а ее темно-синяя юбка открывала загорелые ноги. Всюду, куда бы Чарли ни посмотрела, ей улыбались матросы или стюарды в такой же форме, с такими же ослепительными зубами и блестящими волосами.

– Добро пожаловать, мисс Сильвер и мистер Рейберн. Меня зовут Джоанна. Рады приветствовать вас на борту, – обратилась к Чарли и Дэну девушка лет девятнадцати-двадцати. – Вы знаете, что для вас подготовлена двухместная каюта? Из-за нехватки отдельных кают?

– Да, конечно, – ответил Дэн, не давая Чарли возмутиться. Трудно было представить, что в этом плавучем городе не нашлось какой-нибудь лишней комнатки.

– Мы взяли на себя смелость приготовить для вас отдельные кровати, – продолжила Джоанна. – Каюта просторная. Во время нашей экскурсии по яхте я покажу, где находятся дополнительные ваннные комнаты, если вы не захотите пользоваться вашей общей.

Чарли наверняка протестовала бы сильнее, если бы не была поражена окружающей обстановкой. Джоанна провела Чарли и Дэна через автоматические раздвижные двери в громадный салон, сплошь из белой кожи с акцентами из орехового дерева. Длинный диван мог вместить двенадцать человек, а кресла и стулья – еще не менее десятка; на столах лежали изготовленные на заказ настольные игры, на книжных полках вдоль стены стояли первые издания классических романов и фотокниги о прошлых круизах с участием знаменитостей. Еще одну стену занимал огромный экран. Напротив телевизора висели два Уорхола и Лихтенштейн.

Лестница на выходе из салона привела на нижнюю палубу – с

шикарным тренажерным залом, спа, парной, сауной, а также горячим и холодным бассейнами. Рядом находился уютный салон красоты с оборудованием для ухода за лицом и маникюра. В районе третьей солнечной палубы, где гостям показали плавательный бассейн с искусственной волной, Чарли поняла, что уже перестала ориентироваться.

– Чарли! Смотри! – воскликнул Дэн, когда они проходили мимо помещения в нижней части яхты, где владелец держал свои «игрушки»: гидроциклы, водные лыжи, вейкборды, акваланги и два катера для перевозки групп на берег или игр на воде.

– Вижу, – сказала она, немного смущаясь, что Дэн так непосредственно выражает свой восторг.

– Невероятно. Просто невероятно, – бормотал он, оглядывая все вокруг.

Но и Чарли не сумела скрыть потрясения, когда Джоанна проводила их в каюту. Королевского размера кровать с кожаным изголовьем стояла на белом шелковом ковре. Один пульт регулировал освещение, температуру, затемнение окон и подогрев пола в ванной комнате, другой пульт с сенсорным экраном заставлял выезжать из стены спрятанный в ней телевизор и предлагал к просмотру более тысячи фильмов и две сотни сериалов. Динамики, в которых могла звучать любая из двадцати тысяч песен по вашему выбору, были установлены на потолке, в изголовье кровати и в ванной. Джоанна потянула за ручку на одной из стен, и словно из ниоткуда появилась вторая кровать. Она уже была застелена и включала в себя ширму, которую можно было поднять или опустить, создавая отдельный спальный уголок для Дэна. Чарли с облегчением вздохнула.

– До обеда вы можете чувствовать себя совершенно свободно, – сообщила Джоанна. – На третьем этаже кормовой палубы круглосуточно открыт холодный буфет. Сегодня во второй половине дня мы ожидаем еще гостей, поэтому обед немного задержится. Если что-нибудь понадобится, пожалуйста, поднимите любую телефонную трубку, и вам немедленно ответит стюард. Есть ли у вас сейчас какие-нибудь пожелания?

Чарли огляделась.

– Я хотела бы сходить в тренажерный зал. Вы не могли бы попросить, чтобы принесли мой багаж?

– Он уже распакован. Сложенная одежда помещена в комод, обувь – в коробках под кроватью, туалетные принадлежности – в ванной комнате. Платья и костюмы сейчас гладят и потом развешат на вешалках в вашем шкафу. Кстати, если понадобится стирка, просто оставьте все в корзине в ванной, горничная забирает вещи для стирки каждое утро. Мы приносим

свои извинения, что не можем предложить ежедневные услуги химчистки; они доступны только на берегу.

– Спасибо, – удалось выдавить Чарли.

Джоанна улыбнулась, вышла и закрыла за собой дверь.

– Безобразие, – сказал Дэн, усаживаясь на краю своей кровати.

– Нет химчистки? Что за дерьмовая яхта? – поддакнула Чарли.

– Я сдаю билет.

Оба расхохотались. Чарли пришлось утирать слезы со щек целую минуту. Она так не смеялась уже несколько недель. Или месяцев? От смеха заболел живот и размазался макияж, но ей было все равно.

Их глаза на мгновение встретились. Дэн быстро отвел взгляд в сторону.

– Будешь заниматься? – спросил он, беря книгу.

– Да, лучше сейчас. Потом душ и, наверное, перекушу немного.

– Хорошо. Увидимся позже.

Чарли старалась не таращиться на накачанный пресс, когда Дэн стянул футболку.

– Не скучай. – Она зашла в ванную комнату, чтобы переодеться для тренировки, и не вышла, пока не услышала его шаги в коридоре.

Когда Марко поднялся на кормовую палубу, где на закате были устроены коктейли, все женщины, которые еще не видели его во плоти – преимущественно жены миллиардеров-филантропов среднего возраста, – издали дружный вздох восхищения. Он был босиком, только что из душа, влажные волосы зачесаны назад, розовая рубашка небрежно заправлена в облегающие темно-синие брюки, а зубы и ногти словно светились на загорелой коже.

Чарли смотрела на женщин – безусловно загорелых и ухоженных – и видела по выражениям их лиц, что ни одна не отказалась бы упасть в постель с Марко, будь на то хоть малейший шанс. Минут десять он общался со всеми, раздавал и принимал комплименты и наконец подошел к Чарли.

– Привет. – Он подставил щеку для поцелуя.

– Привет, поздравляю со Штутгартom, – сказала она, стараясь не замечать, что его приветствие не отличается ни теплотой, ни лаской от тех, с которыми он обращался к любой из женщин. И не смогла с собой совладать, добавила: – Кажется, с тех пор мы так и не говорили.

– Спасибо, красавица. – Он огляделся по сторонам. – Здесь приятно, правда?

Чарли как раз собиралась его спросить, как прошел полет с Боно, когда рядом материализовался Дэн. Он тоже отлично смотрелся в своей голубой льняной рубашке и белых брюках, хотя у него и не было сексуальной притягательности Марко.

– Можно тебя на минутку? – прошептал Дэн, наклоняясь к ней.

– Кто твой друг? – спросил Марко. Казалось, он впервые сегодня немного ею заинтересовался.

– Ты же знаешь Дэна, – ответила Чарли, с удивлением глядя на Марко.

– Дэн Рейберн, спарринг-партнер Чарли. Мы встречались, наверное, десятки раз, – ровным тоном проговорил Дэн.

Марко прищурился, пытаясь его вспомнить, и рассмеялся.

– Извини, не хотел обидеть. Женщины такие переменчивые... Ты показался мне знакомым, но спарринг-партнеры... они все время приходят и уходят...

Увидев вспышку раздражения на лице Дэна, Чарли потянула его в сторону, пообещав Марко, что вернется через минуту.

Солнце только начинало садиться. Неаполь выглядел куда симпатичнее в туманной дымке сумерек, чем в полдень.

– В чем дело? Не обращай на Марко внимания, – сказала Чарли, заметив, что костяшки на руке Дэна, сжимающей леер, побелели.

– Шутишь? Да мне на него плевать, просто раздражает, что ты встречаешься с таким придурком.

– Так ты меня позвал, чтобы покритиковать мою личную жизнь?

Шея и лицо Дэна залились краской.

– Звонил Джейк. Он вечером к нам приедет.

– Ничего себе! Тодд, похожее, здорово боится, что его скандальная принцесса сорвется с катушек и начнет вдыхать тонны кокаина, одновременно исполняя стриптиз. Ко мне приставлены две няньки! Наталья может спать с каждым встречным, и никого это не заботит. А я шлюха. Здорово.

– Джейк сказал, что люди Боно выделили дополнительное место для «Элит атлет менеджмент», и он им воспользуется. – Дэн сделал паузу. – Ты тут ни при чем.

Она промолчала.

– Его собирались разместить с экипажем, но я попросил Джоанну, чтобы мои вещи перенесли, а Джейк пусть поселится с тобой.

– Спасибо, – смягчилась Чарли.

Джейк остался в Европе, чтобы уладить скандал в прессе, поэтому они не виделись уже несколько недель. Он даже не написал ей о своем приезде.

Позвонил только Дэну.

– Не за что.

Подошла стюардесса и подала Чарли стакан «Пеллегрино» с лаймом, а Дэну – пиво в запотевшей кружке.

И хотя ей даже не предложили выбор напитка, было невозможно оставаться в плохом настроении.

Когда небо заиграло пунцовыми красками, подали ужин. Все сели за стол, а скоро присоединился и Джейк; он подмигнул Чарли и рассмешил ее, прошептав одними губами: «Невероятно!»

Напротив нее сидел Дэн и старательно беседовал с супругой одного из миллиардеров; за другим концом стола то же самое делал Марко, только с гораздо большим интересом. Наталья кокетничала с нефтяным магнатом, а Бенджи о чем-то разговаривал с Джейком. И все, кроме Чарли, пили шампанское.

Перед десертом Боно, сидевший во главе стола, поднялся, чтобы обратиться к гостям со словами приветствия. Ему зааплодировали. Даже владельцы всемирно известных концернов, казалось, благоговели перед ним.

– Вы знаете, как близко к сердцу я принимаю дело, которым мы занимаемся в Африке, – вступил Боно. – Каждый из вас, будь то теннисист, жертвующий временем, или бизнесмен, жертвующий средствами, внес огромный вклад в дело лечения и профилактики СПИДа.

Чарли запоминала каждую деталь, готовясь написать обо всем Пайпер, когда вернется в свою каюту. Когда Боно и остальные музыканты ушли, чтобы подготовиться для джем-сейшена в салоне, Джейк восторженно произнес:

– Джем-сейшен от «Ю-Ту»!..

Стоило Чарли с братом переместиться на диван у края палубы, как рядом возникла еще одна стюардесса с «Пеллегрино» и бокалом martinis.

– К такому легко и привыкнуть, – вздохнула Чарли, делая глоток воды. – Как думаешь, мне потрут спинку в душе?

– Наверняка. Только попроси. А вообще, и просить не надо. Просто подумай, и кто-нибудь сразу явится.

Они рассмеялись.

Бенджи, встав из-за стола, направился к лестнице и едва не ударился головой о притолоку.

– Хороший парень, – промолвила Чарли.

– Кто? – спросил Джейк, хотя смотрел туда же.

– Бенджи. Ты говорил с ним за ужином.

– А-а. Да.

– Не представляю, что он в ней нашел.

Джейк сощурился и поджал губы.

– Наталья – мерзкая баба и, конечно, его не заслуживает!

– Я твердила о том, какая она ужасная, последние десять лет. До тебя дошло только сейчас?

Джейк покачал головой.

– Папа говорил, что рассказал тебе про Эйлин.

– Ага.

– Они, похоже, счастливы вместе.

– Давно ты о ней знаешь? – Чарли нервно сплела пальцы. Когда отец вернулся в тот день, она извинилась и сказала, что рада за него и, конечно, поддержит любое его решение. Но когда она уезжала, между ними все еще чувствовалась напряженность.

– Довольно давно. Не сердись, Чи. Он просил меня не говорить тебе, потому что не хотел тебя отвлекать.

– Отвлекать?

– Ну, у тебя ведь то турнир в разгаре, то подготовка к крупному турниру. И потом – травма, операция, новый тренер, смена имиджа...

– Ты молчал целый год? – Чарли сердилась даже не потому, что Джейк ничего ей не рассказал, но потому, что чувствовала себя такой оторванной от них обоих. Отец собирается жениться, а она ничего не знала. А главное, ничего не замечала...

Джейк вздохнул.

– Он не говорил ради твоего же спокойствия, Чарли. Боялся, что ты расстроишься.

– Лучше бы он обращался со мной как со взрослым человеком. – Она встала. – Валюсь с ног. Еще не привыкла к смене часового пояса. Пойду спать.

Встал и Джейк.

– Конечно. Устала, – усмехнулся он.

– Думаешь, я затеваю что-то с Марко? Не беспокойся. Судя по тому, как прошел ужин, его каюта сегодня будет выглядеть как магазин деликатесов: возьми номер и встань в очередь.

– Мило, – рассмеялся Джейк. – Ты в нее встанешь?

– Спокойной ночи, Джейк.

– Ты пропустишь джем-сейшен? «Ю-Ту», Чарли!

– Я ведь на испытательном сроке. Тодд, наверное, следит за мной через какую-нибудь скрытую камеру. И потом, завтра вечером они устраивают

настоящий концерт для гостей на яхте. Я уже засну, когда ты придешь, так что не шуми, хорошо? – Она поцеловала брата в щеку и, направляясь к лестнице, помахала Дэну. Ей показалось, что она почувствовала на себе взгляд Марко, но когда она обернулась, он улыбался женщине, повисшей на его плече.

Почистив зубы и переодевшись в ночную рубашку, Чарли проверила телефон – ничего не было. Ни одного сообщения от горячего испанца. Неудивительно, но обидно.

Она заснула мгновенно и проснулась, когда в каюте еще стояла кромешная тьма. Где-то гудел мотор, яхта мягко покачивалась. Телефон показывал 4.58 утра; судя по расписанию, восход солнца будет около половины шестого, и через полчаса после этого они встанут на якорь в Капри. Было ясно, что снова заснуть не удастся, так что Чарли потянулась и пошла в ванную. И только тогда заметила, что постель Джейка нетронута.

Чарли надела футболку и тренировочные штаны, убрала волосы в небрежный пучок. Спортивную куртку «Найк» повязала вокруг талии – на случай, если будет ветрено, – взяла наушники, прихватила бутылку воды из корзины на столе и рюкзак с DVD-плеером. Хорошо, что она встала так рано: сможет разыскать Джейка и спасти его от конфуза, если он уснул где-нибудь на кушетке. Она отправит его в каюту и насладится тишиной и покоем, наблюдая, как над Средиземным морем поднимается солнце. Потом позанимается с бортовым тренером, посмотрит записи матчей и еще успеет позавтракать до запланированного на сегодня матча.

На самой верхней палубе, с джакузи, было темно и пусто. Чарли спустилась ниже. Капитан и один из его помощников высунули головы из освещенного мостика и спросили, не нужно ли ей что-нибудь, но Чарли только помахала рукой и пошла обратно к корме. Кормовая часть палубы, где находился теннисный корт, тоже была пуста. Неужели гости еще тусовались? Кто знает, как проходят джем-сейшны с «Ю-Ту» на роскошной яхте? Может, здесь, вдали от папарацци, вся компания устраивает какую-нибудь вакханалию с наркотиками?

Кожаные кресла и кушетки в салоне выстроились стройными рядами, футляры с музыкальными инструментами были аккуратно сложены в углу. Чарли стояла в темноте и тишине и уговаривала себя не беспокоиться: Джейк – не ребенок, да и что страшного могло произойти? Скорее всего, за те двадцать минут, пока она обходила яхту, он вернулся в каюту. Решив, что так наверняка и было, Чарли уже хотела пойти обратно вверх и вдруг услышала шум. Она прошла до конца салона и приоткрыла дверь, из-за которой доносился громкий равномерный храп.

Когда глаза адаптировались к темноте, Чарли поняла, что оказалась в комнате с проектором и большим пультом – наверное, не меньше, чем в диспетчерской аэропорта. Перед пультом стоял классический режиссерский стул, а у дальней стены – трехместный кожаный диван. Внимание привлекли киноафиши на стенах, встроенный стеллаж с сотнями DVD-дисков. Чарли зачарованно разглядывала идеальный порядок в этом стеллаже, забыв, зачем пришла, когда ее внимание привлек громкий всхрап. Глаза успели полностью привыкнуть к темноте, но она все равно не поверила им, когда пригляделась к дивану: Джейк лежал на спине и храпел с широко раскрытым ртом. Он был не один. Уткнувшись головой в его шею, рядом лежал Бенджи, друг Натальи. Оба были одеты снизу до пояса, но без рубашек, и их тесное объятие оставляло мало места для сомнений.

Чарли замерла. Следует ли ей развернуться, тихо уйти и спросить об этом Джейка потом? Но их мог найти кто-нибудь другой. Разбудить их и сказать, чтобы возвращались по каютам, пока не проснулись остальные? Джейк, несомненно, смутится, а Бенджи от стыда умрет прямо на месте. Он был одним из самых знаменитых квотербеков НФЛ и с гордостью демонстрировал публике свою альфасамцовую гетеросексуальность. В прессе его изображали как агрессивного ловеласа, меняющего моделей, певиц и актрис как перчатки.

– Чарли! – хрипло окликнул ее Джейк.

Должно быть, почувствовав, что в комнате есть кто-то еще, он проснулся. На его лице было выражение, которого Чарли не поняла. Смущение? Или облегчение?

– Что ты здесь делаешь? – прошептала она очень тихо, стараясь не разбудить Бенджи.

– А на что это похоже? – так же тихо прошептал Джейк. Он не двинул и мускулом, но Бенджи зашевелился.

Оба застыли, пока не убедились, что Бенджи снова неподвижен и его дыхание стало ровным.

– Скоро причалим к берегу, Джейк. Вы должны отсюда уйти!

– Который час?

Чарли посмотрела на свой телефон.

– Почти полшестого. Я в шоке. С ума сойти!

– Чарли, перестань.

Она не могла не улыбнуться.

– Кто из нас теперь самый скандальный развратник? А? Кто?

Джейк был готов убить ее взглядом.

– Я иду в тренажерный зал. Советую вам выходить отсюда по одному.

Экипаж уже наверняка на ногах. И не думай, что тебе удастся отвертеться и скрыть подробности. Ты у меня в долгу – я только что спасла твою задницу. И его!

Чарли вышла, тихо прикрыв за собой дверь. Она подождала мгновение, пока не услышала, как Джейк будит Бенджи. Возвращаясь на верхнюю палубу, Чарли думала о том, что, хотя она была рада за Джейка, эта связь не могла закончиться ничем хорошим.

По пути в тренажерный зал – теперь тренировка нужна была ей еще больше, чем прежде, – Чарли прижала ухо к двери каюты Марко. Как низко ты пала, если подслушиваешь у двери своего дружка!.. Так унижительно. И словно этого было мало, секундой позже завернув за угол, Чарли чуть не врезалась в Дэна, уже одетого в шорты и кроссовки. По-видимому, он тоже направлялся в тренажерный зал.

– Я не скажу Тодду, – пробормотал он, потупившись.

– Что ты ему не скажешь? – прошептала она, и в этой фразе вылилось все: ее удивление, обида и злость на себя.

Услышав ее тон, Дэн резко поднял голову, и его глаза расширились от удивления.

– Он просто... э-э... не хотел, чтобы ты...

Чарли почувствовала себя виноватой, увидев смущение Дэна.

– Ладно, забудь. И имей в виду: зря ты так подумал.

«Я не гожусь даже для срочного секс-вызова среди ночи». По какой-то необъяснимой причине ей вдруг захотелось излить все, что накопилось на душе, но прежде, чем она успела сказать хоть слово, Дэн попятился.

– Это не мое дело, – сказал он, выставя руки перед собой, словно боялся, что она его может ударить, и торопливо ушел.

С Джейком удалось поговорить только ближе к одиннадцати, во время завтрака на солнечной палубе.

– Сядь сию же секунду! – прошептала Чарли, подойдя к столу, где Джейк накладывал себе в тарелку нарезанных фруктов.

– Чарли...

Она держала в одной руке чашку кофе, а другой схватила его за предплечье.

– Джейк, посмотри на меня! Что произошло?

Он кивнул головой в сторону двух шезлонгов; они подошли и сели.

– У вас был секс?

Молчание Джейка сказало все.

– Прямо по-настоящему?

– Чарли!

– То есть вы не просто выпили лишнего, и он проявил немножко гейского любопытства, вы пообнимались, а потом заснули?

Джейк встретил ее взгляд.

– Я люблю его.

Чарли резко вдохнула, и кофе попал не в то горло. Она поперхнулась и закашлялась.

– Чарли, не будь ребенком...

– Нет, я не смеюсь... – Она кашляла до слез. – Я... у меня просто нет слов.

– Вот и не надо ничего говорить. – Джейк стал подниматься.

– Нет, подожди. Пожалуйста, не сердись. Я просто немного удивилась... Ну, то есть... он ведь квотербек!

– И что?

– А то, что в НФЛ не размахивают радужными лентами и не занимаются защитой прав геев. Их единственная цель – наподдать друг другу как можно сильнее.

– Бен не такой.

– Бен?

– Он терпеть не может, когда его называют Бенджи. Просто под этим именем его знает публика.

Чарли удержалась от ехидного комментария.

– Можешь мне рассказать? Как все произошло? Вы уже флиртовали раньше или это стало полной неожиданностью?

Джейк нервно сплел пальцы.

– Выкладывай все прямо сейчас.

– Прошлой ночью у нас было не в первый раз.

Чарли зажала рот рукой.

– Не первый?

– Мы вместе уже несколько месяцев.

– Вместе?

– Ну, спим вместе. Но это больше, чем секс.

– Как давно?

– С Австралии.

– Ничего себе!

Австралия. Пять месяцев назад Чарли была так поглощена собственным триумфальным возвращением после операции, что и не догадывалась, чем в это время занят Джейк.

– Тогда в Мельбурне, в ресторане, когда папа впервые встретился с Тоддом... Кажется, Наталья и Бенджи были на приеме для теннисистов?

Джейк кивнул.

– Именно. Так мы впервые встретились. Но ничего не происходило до ночи после окончания турнира. Ты и Наталья уже уехали в Дубаи, а мы с Бенджи столкнулись в тренажерном зале гостиницы. Ну и...

– Ничего себе!.. Ты был удивлен? Как ты мог не рассказать мне! А еще обиделся на меня за то, что я умолчала о Марко.

Впервые за все утро Джейк улыбнулся, и вокруг его глаз появились милые морщинки.

– Я не был удивлен. Я чувствовал... Когда теннисисты уехали и мы остались одни... Все произошло так, словно это должно было случиться.

Внезапно многое обрело смысл: напряжение, которое она всегда чувствовала, когда рядом были Бенджи и Джейк; Бенджи в самолете спрашивал, кто будет вместе с Чарли на яхте; откровенная ненависть Джейка к Наталье. Она слушала его рассказ о том, как они с Бенджи выкраивали друг для друга время и придумывали места для тайных встреч, и чувствовала прилив сильной любви к брату.

– Ты счастлив, – сказала она тихо.

– Я счастлив, – согласился Джейк. – Это он, Чарли. Тот самый.

– Он? Ты действительно так думаешь? – Чарли не удержалась от слез.

– Не плачь. Все хорошо. Правда хорошо, клянусь.

Чарли вытерла глаза.

– Нет, я очень рада за тебя. За вас обоих. Просто... вам будет трудно. Ты, наверное, понимаешь.

Джейк кивнул.

– Конечно, будет чертовски трудно. Мы договорились держать все в секрете. Хотели посмотреть сначала, что между нами происходит, прежде чем выкинуть какую-нибудь глупость и без необходимости поломать свою жизнь. Но мы любим друг друга. И не намерены больше это скрывать.

У Чарли сжалось сердце от тревоги за брата. Ну почему все так сложно? Казалось бы, главное – встретить своего человека, а не гадать, как это воспримут окружающие. Но Бенджи и Джейк были публичными людьми, и им предстоял тяжелый путь.

– Он не просто футболист НФЛ, а квотербек. И не просто квотербек, а второй после Тома чертова Брэди. Верно говорю? – спросила Чарли.

– Да. Продолжай.

– И этот весьма мужественный спортсмен к тому же считается половиной одной известной гетеросексуальной пары. Наталья что-нибудь знает?

Джейк пожал плечами:

– Вряд ли, она слишком поглощена собой. Ей важно, что Бен приезжает на фотосессии; ее не волнует, чем он занят в остальное время.

– Романтика!

– Чарли, обещай, что ничего не расскажешь. Ни Наталье, как бы сильно она тебя ни разозлила, ни Марко, ни Пайпер.

– Даю слово.

– Нам с Беном нужно время, чтобы понять, как быть дальше. Придумать лучший способ выкрутиться.

Чарли положила руку на плечо брата.

– Джейк, я понимаю, у вас с Бенджи много трудностей... но я очень рада за тебя.

– Спасибо, Чарли. Он замечательный.

Чарли обняла брата и вдохнула знакомый аромат. Она еще никогда не видела его таким счастливым.

Телефон Чарли пикинул. Она достала телефон из сумки, и они оба посмотрели на экран.

Давай встретимся.

– Он тебя любит, – сказал Джейк. – Кто бы мог в такое поверить?.. Мы оба нашли великолепных парней.

Ее сердце забилося немного быстрее, однако Чарли быстро вспомнила то унижение, которое испытала, когда, прижав ухо к двери Марко, думала, где он и что делает.

– Да, – поспешила она согласиться, ставя на стол чашку. – Пошли, мне нельзя опаздывать.

Глава 20. Конец

Уимблдон.

Июнь 2016 года

– Шевелись! – кричал Тодд с края корта. – Что ты мнешься! Не умрешь, если немного подвигаешься.

«Знаю, что не умру, – огрызнулась про себя Чарли. – Просто не хочу еще полгода провести в хирургии и на реабилитации. Трава скользкая, придурок, забыл?»

И все же она знала, что Тодд прав: именно в тот момент, когда боишься падения или травмы, ты падаешь, получаешь травму или проигрываешь матч. Поэтому на корте так важно отметить настойчивые, пугающие мысли о скользкой траве, более быстрой, чем ожидалось, подаче соперника, криках болельщиков, внезапной боли в локте, невнимательном судье на вышке, поте, стекающем на глаза, и том идиоте в неоновой рубашке, который все никак не усядется на трибунах... Мозг обрабатывает все картинки, запахи и звуки, которые соревнуются за внимание теннисиста. Лишь немногие из спортсменов – через тренировки, опыт и настойчивость – вырабатывают в себе достаточную психологическую устойчивость, чтобы от всего этого отрешиться. Именно поэтому сотни теннисистов имеют отличные удары, но только единицы становятся победителями.

Дэн ударил еще один мяч по линии, который Чарли взяла, но следующий был укороченный, и, чтобы успеть его взять, ей пришлось со всех ног бежать к мячу и высоко подпрыгнуть.

– Шевелись! – проревел Тодд.

Чарли чуть-чуть не дотянулась.

– Это было подло, – пробормотала она.

– Ничего подлого! – кричал Тодд, расхаживая взад и вперед. – В тебе метр восемьдесят два роста, и ты четвертая лучшая теннисистка во всей гребаной вселенной. Ты должна успевать!

И так продолжалось еще двадцать зверских минут, пока их время на корте не истекло. Мокрая от пота, уставшая до изнеможения, Чарли напряглась, ожидая оценки Тодда.

Через несколько секунд, уже вытерев лицо полотенцем, она взглянула в сторону тренера, который смотрел на нее с выражением, похожим на откровенную ненависть.

– Что? – не смогла она удержаться от вопроса.

Тодд продолжал так же молча смотреть. Затем с отвращением покачал головой.

– Ты боишься. Боишься, черт побери! Не могу поверить своим глазам. После всего, что мы сделали, – после всего, что я для тебя сделал, – ты до сих пор переминаешься с ноги на ногу, как хренова любительница.

– Тодд, я...

– Ты либо придумай, как тебе избавиться от каких-то своих проблем, или пакуй вещи. Третьего не вижу.

К счастью, его прервал телефон. Тодд взял трубку и рявкнул:

– Что?

– Приятно было поговорить, – буркнула Чарли, падая на скамью.

Дэн протянул ей стакан разбавленного «Гаторейд».

– Не кори себя. Ты хорошо играла. Понятно, что тебя смущает трава, учитывая прошлогоднюю травму.

– Да... Однако он прав: я должна как-то с этим справиться. Нужно преодолеть страх. У меня такое чувство, словно я на льду.

Он промокнул шею полотенцем.

– Завтра играешь с Гретхен?

Чарли кивнула. Гретхен Штрассер в свои тридцать шесть лет была старше других теннисисток женского турне. Год назад она родила ребенка, и – хотя она выиграла три Шлема и в возрасте около тридцати занимала первое место в рейтинге, – все считали, что ее лучшие дни давно позади. Комментаторы говорили, что ей следовало уйти на пенсию, а не в отпуск по беременности, но Чарли понимала, почему Гретхен вернулась. Нелегко бросить дело, которое – часть тебя. У большинства профессиональных спортсменов не остается ни времени, ни желания на посторонние интересы; оставляя спорт, ты вынужден придумывать себе совершенно новую жизнь. Чарли порой задавалась вопросом, не этот ли страх толкает ее вперед, заставляя каждый день выходить на корт и играть, даже если не особенно хочется.

– Ты легко ее победишь. Просто забудь о том, что случилось в прошлом году – трава, кроссовки и так далее, сосредоточься на приеме подачи и заставь ее побегать.

Дэн говорил убежденно, так крепко стиснув рукой ракетку, будто хотел ее сломать.

– Ты правда так думаешь?

– Уверен. Ты в отличной форме, Чарли. Твоя игра сейчас лучше, чем когда-либо прежде.

Чарли не успела поблагодарить, потому что Тодд уже выключил телефон.

– Час в тренажерном зале, затем перерыв на обед. Потом вернешься сюда с Дэном и той девицей... как ее?... молодая... Элеонор. И ее спарринг-партнером. У нас сейчас нет времени на психоанализ, так что будем просто выбивать из тебя эти страхи. Все ясно?

Чарли и Дэн кивнули. Тодд зашагал с корта.

Прежде чем Чарли почувствовала жалость к себе, Дэн осторожно положил ладонь на ее предплечье. Она замерла. Он когда-либо прикасался к ней раньше? Ощущение было странно интимным.

– Чарли? Я хотел сказать тебе...

– Кого я вижу! – раздался чей-то голос.

Дэн сразу же отдернул руку. К ним подходил Марко – красивый, сильный, высокий и загорелый, и он улыбался Чарли, как приятному сюрпризу. Подойдя, он притянул ее к себе и поцеловал в губы. Дэн, тренер Марко, еще один теннисист и его тренер отвели глаза.

– Как мне повезло! – воскликнул Марко.

– Привет, – застенчиво сказала Чарли.

– Фу, кто-то сильно вспотел, да? – улыбнулся Марко, шутливо отступая от нее на шаг.

– Она только что после двухчасовой тренировки. Чего ты хотел? – Тон Дэна был открыто враждебным.

Наступила тишина. Потом Марко рассмеялся. С холодком.

– Амиго, можно тебя попросить об огромной услуге? Отнесешь мои ракетки на станок для натяжки струн? Их надо отдать туда до часу, а я теперь не выйду с корта до двух. Хорошо?

Он кинул свою теннисную сумку Дэну, снова поцеловал Чарли и побежал к задней линии. Остальные последовали за ним.

Покраснев, Дэн закинул на каждое плечо по сумке – свою и Марко.

– Прости, – сказала Чарли, быстро шагая за ним. – Он повел себя грубо.

– Ничего, – ответил Дэн, хотя по его голосу было слышно, что он задет. – Пойдем, я провожу тебя в спортзал. Мне по пути.

Сама не зная почему – может быть, из-за того, что минуту назад она видела, как с Дэном плохо обошлись, – но пройдя пару шагов в тишине, она вдруг сказала:

– Что ты делаешь сегодня вечером? Не хочешь поехать со мной в «Австрия-Хауз»? У них там сегодня готовит ужин какой-то знаменитый шеф-повар. Когда-нибудь слышал об Андре Алексантере?

– Seriously? Он здесь? Сегодня вечером?

– Да, и ужин всего на двадцать с чем-то персон, но я уверена, что они не станут возражать, если я приведу тебя.

Дэн задумался.

– Что, пропустишь автобусный тур по Лондону? Или экскурсию по пабам, где подают лучшую «фиш-энд-чипс»? Или хотел пройтись по местам съемок «Аббатства Даунтон»? Ну, признавайся, я знаю, что у тебя запланировано какое-то культурно-образовательное мероприятие...

Дэн рассмеялся.

– Скажи! – взмолилась она и пальцем ткнула его в бок.

– Я планировал сходить в музей лаун-тенниса. Они сегодня открыты допоздна. Но ужин от Андре Александера манит гораздо сильнее.

– Музей лаун-тенниса? Пожалуйста, скажи, что ты шутишь.

Дэн покраснел.

– Знаю, знаю. Это чересчур даже для меня.

Они дошли до входа в тренажерный зал, когда телефон Чарли зазвонил.

– Алло? – ответила она, в очередной раз проклиная неработающий определитель номера.

– Чарли? – донесся голос Марко.

Дэн опустил глаза, но не сделал ни шага, чтобы уйти.

– Да?

– Я на минутку. Вечером мы идем на ужин в «Австрия-Хауз». Там готовит Андре Александер. Говорят, это что-то невероятное.

– Марко, я... – Она не успела ничего ответить, потому что Дэн наклонился и прошептал:

– Иди с ним, Чарли. Seriously, не переживай. Я вообще-то забыл о кое-каких других своих планах, так что в любом случае не смогу. Увидимся в три часа, ладно?

Чарли смотрела, как он бежал прочь.

– Чарли? – раздраженно окликнул Марко. – Встретимся там в шесть часов. – И отключился.

Когда Чарли открыла глаза на следующее утро, она ощутила душевный подъем, которого не испытывала уже очень давно. Уимблдон. Она гордилась собой, что не пошла вчера на ужин в «Австрия-Хауз», а пораньше отправилась в постель; в результате проспала одиннадцать часов и чувствовала себя великолепно. Сообщению от Марко – он интересовался, почему ее не было, – тоже не удалось ее не потревожить.

Два часа спустя она разгромила Штрассер в двух сетах. Быстро и уверенно. Даже Тодд ее похвалил.

Следующей должна была стать украинка Вероника Кулик. Она перешла в профессионалы совсем недавно и сейчас занимала в мировом рейтинге двадцать четвертое место. Чарли вместе с Вероникой смотрели матч, который предшествовал их собственному, на экране, висящем на стене в раздевалке.

– Не могу поверить, что играю в полуфинале Уимблдона! – сказала Вероника, не скрывая своего волнения.

Ей светлый пучок был так туго закреплен на затылке, что кожа вокруг глаз натянулась, делая ее еще моложе.

– Не волнуйтесь, болельщики здесь прекрасные. Вежливые и сдержанные.

Чарли поддержала разговор из любезности, но она хотела сосредоточиться на собственных предматчевых задачах. Никакого страха. Никаких колебаний. Не думать о скользкой траве.

А потом Вероника вдруг заплакала. Началось с пары слезинок, затем послышались тихие всхлипы, и вскоре Вероника уже рыдала в голос.

Чарли боролась с желанием обнять ее и утешить, а Тодд в голове кричал: «Никакой пощады! Она тебе не подружка! Сосредоточься на собственной гребаной игре!»

И все же Чарли встала и положила руку на плечо девушки.

– Простите, – сказала Вероника. Из-за плача ее акцент сделался заметнее.

– Ничего страшного, – успокаивающим тоном произнесла Чарли, не понимая, почему та плачет. – Перед тем, как я впервые вышла на корт Уимблдона, меня вырвало в раздевалке.

– Вы не понимаете, – прервала Вероника. – Если я не сыграю хорошо, моя семья останется без дома. Моим братьям будет нечего есть.

С экранов послышались аплодисменты. На Центральном корте разворачивался мужской матч, и только что начался тайм-брейк в третьем сете. В зависимости от результатов следующих нескольких очков, до начала их с Вероникой матча оставались либо секунды, либо несколько часов.

Затем Чарли услышала с экранов более громкие аплодисменты, но не позволила себе взглянуть.

– Родители отдали мне все, – продолжала Вероника. – Все небольшие деньги, которые они зарабатывают, все идет мне. Я их единственная надежда.

Чарли не знала, что ответить. Она не удивилась, услышав, что

Вероника кормит всю семью. Так часто случалось в некоторых странах мира. Иногда одна теннисистка была опорой целой семьи – или даже целого сообщества. От них ожидали, что они с лихвой вернут каждый доллар и каждую частицу энергии, вложенные в обучение и тренировки. Мало кто из этих девушек попадал в высшую лигу – туда равно трудно добраться, не важно, из богатой ты семьи или из бедной, но тем, кто имел большие финансовые и эмоциональные обременения, было труднее.

В раздевалку вошла женщина в фиолетовом костюме – и удивилась, увидев залитое слезами лицо Вероники.

– Какие-нибудь проблемы? – спросила она в той отрывистой британской манере, которой, казалось, их всех учили в школе Уимблдона.

– Нет, нет, нет никаких проблем, – ответила Вероника, вскакивая на ноги.

Она сделала пробежку на месте, высоко поднимая колени, и наклонилась, достав ладонями пол.

– Наша очередь?

– Да. – Женщина окинула Веронику подозрительным взглядом, затем посмотрела на Чарли. – Мисс Сильвер? Вы готовы выходить на корт?

– Да. – Чарли почувствовала прилив адреналина.

Девушки схватили свои огромные теннисные сумки и последовали за представителем турнира из раздевалки в коридор, где их сразу же обступила с обеих сторон охрана, чтобы сопровождать до Центрального корта. Любители тенниса, в дорогих костюмах и платьях с цветочным рисунком, с улыбками расступались перед ними. Несколько человек крикнули: «Удачи!», «Вперед!», «Желаю отличного матча!» – и все. Чарли чуть не рассмеялась: по сравнению с чемпионатом США, где болельщики предпочитали визжать, а не говорить, и прыгать, а не аплодировать, где ни один матч не обходился без группы пьяных фанатов, размахивающих самодельными плакатами, – Уимблдон казался прямо-таки сонным. Если чемпионат США походил на двухнедельный отдых на Ибице, то Уимблдон – на медитативную прогулку через живописный парк.

Девушки вышли на корт. Чарли немедленно приступила к своему ритуалу: бутылки «Гаторейд» и «Эвиан» выстроить по заведенному порядку, запасные ракетки распаковать и подготовить, полотенце повесить на спинку стула. Когда она вытащила запасные заколки для волос, чтобы тщательнее закрепить миниатюрную диадему, из сумки выпала фотография матери. Чарли смотрела на этот снимок не менее тысячи раз, она не расставалась с ним с самого первого профессионального матча. Но только сейчас она почувствовала *присутствие* матери – как сразу после ее смерти,

когда Чарли просыпалась в постели, убежденная, что мама лежит рядом с ней. Впервые за столько лет на теннисном корте Чарли знала: мама за ней наблюдает. Чарли застыла как вкопанная рядом со стулом, вспомнив вдруг запах крема, которым пользовалась мать, и как ее волосы щекотали лицо, когда она наклонялась, чтобы поцеловать дочь на ночь.

Чарли посмотрела на безоблачное небо и улыбнулась. Сегодня все будет отлично.

Разминка пролетела молниеносно. Не успела Чарли оглянуться, как вела со счетом 3:0 в первом сете. Во время смены сторон она мельком увидела лицо Вероники: зубы стиснуты, плечи гордо откинuty, взгляд суровый и решительный. И все же в глазах был замечен испуг, и Чарли не могла не почувствовать укол вины. Что будет значить для Чарли, если она сегодня проиграет? Кого это волнует, кроме нее самой? Тогда, которому она платит огромные деньги, но которому на нее, в сущности, наплевать? «Найк»? «Сваровски»? Другие гигантские корпорации, чьих контрактов она добивается? Джейка? Отца? Чарли подумала обо всем, что она пропустила в детстве: кино, школьные лагеря, бойфренды и самая большая ее жертва – колледж. По большому счету, разве не она сделала этот выбор? Родители никогда не заставляли ее играть, иногда они даже отговаривали ее. Сколько раз мать просила Чарли участвовать в соревнованиях только в том случае, если ей это по-настоящему нравится? Как часто отец буквально умолял ее остаться в колледже, учиться и найти другие устремления, которые могли бы продлиться всю жизнь, для которых она не будет слишком старой в тридцать, которые позволят ей иметь семью, ездить в отпуск, определять собственную ценность чем-то иным, чем теннисный рейтинг?

Чарли глубоко сочувствовала Веронике из-за груза ответственности на ее плечах. Ужасно, что Вероника играет в теннис, возможно, испытывая к нему отвращение, ненавидя его за то, что он украл ее детство, за бесконечные переезды, самоограничения и невыносимую усталость. Чарли повезло, она сама могла выбрать свой путь – играть, уйти или что-то посередине, – при этом не сомневаясь, что семья и друзья во всем ее поддержат. Она чувствовала все это очень остро, разбивая Веронику в быстрых, продуктивных двух сетах. Она не сделала ничего плохого – и, по словам комментаторов и ликующих поклонников, сделала все правильно, – однако победа не принесла большой радости. Мысли о Веронике, о матери и о Марси кружились в ее голове, пока она стояла, принимая выражения признательности болельщиков. И, переполненная столь противоречивыми эмоциями, Чарли вдруг с изумлением поняла: впервые за всю свою карьеру

она пробилась в финал турнира Большого шлема. И не особенно этому радовалась.

Едва войдя в выставочную палатку «Элит атлет менеджмент», Чарли увидела Марко. Подойдя вплотную к Наталье, он что-то шептал ей на ухо, и девушка смеялась. Его длинные волосы легли на плечи идеальными волнами – явно не без помощи стилиста. Было досадно признавать: в этом помещении он был вторым по привлекательности человеком. После Натальи. Та выглядела ошеломительно: белое обтягивающее платье от Эрве, розовые кожаные лодочки на высоких шпильках и ноги – такие длинные, стройные и великолепно бронзовые, что невозможно отвести взгляд.

Чарли посмотрела на собственное платье без бретелек и блестящие золотые сандалии – и то, и другое ей нравилось две секунды назад – и ощутила себя подростком, собравшимся на школьный выпускной.

– Прекрати на них пялиться, – шепнул Джейк, потянув ее за руку.

– Ты видел, как он с ней флиртует? – прошипела Чарли.

– Он так со всеми. Это же Марко.

– Она его хочет. Я знаю.

– Возможно. Как ты думаешь, велики шансы, что они еще не переспали?

Чарли повернулась к Джейку. Почему ей это даже не приходило в голову? Конечно, они уже переспали! И спят сейчас. Было бы безумием думать иначе.

– Ты полагаешь?

Джейк вздохнул.

– Не знаю. По словам Бена, ее не слишком заботит, что они редко занимаются сексом.

Чарли знала: Бенджи не приехал на Уимблдон, но Джейк сказал ей, что они часто общаются по «Фейстайму». На следующей неделе Джейк едет к нему в Майами, и они собираются разработать план выхода из тени. Среди игроков НФЛ не часто встречаются открытые геи, и новость о том, что один из самых прославленных и опытных квотербеков всех времен состоит в любовных отношениях с мужчиной, вызовет в прессе настоящую бурю. Чарли радовалась за Джейка – за них обоих, – но с ужасом думала о том, что им предстоит.

– Где папа? – спросила она, оглядываясь по сторонам. – Ты говорил, он придет.

– Да, он разговаривал по телефону с Эйлин, когда я ушел. Скоро будет.

Чарли проследила взгляд Джейка до двери, ведущей из арендованной виллы к огромному шатру на лужайке, и увидела стажера из «Элит», ведущего к ним полтора десятка репортеров и операторов.

– Готова? – спросил Джейк.

– У меня есть выбор?

Он повел Чарли к белой лакированной стойке бара, где флиртовали Марко и Наталья – или притворялись флиртующими.

– Привет, красавица, – сказал Марко, наклоняясь, чтобы поцеловать Чарли в губы. Любой свидетель поклялся бы, что они влюблены.

– Ита-а-ак, – пропела Наталья, – поздравляю, ты наконец-то прошла в финал.

Если кто-то и уловил сарказм, то не подал виду.

– А я впервые попала в финал Уимблдона... шесть лет назад? – продолжала Наталья. – Да. Мне было всего восемнадцать. Ребенок. И с тех пор я выиграла четыре Шлема. Ты, наверное, испытываешь огромное облегчение, что наконец прошла. А то уже становилось неловко, правда?

Потрясенная грубостью Натальи, Чарли чуть не рассмеялась. Однако она чувствовала, что Джейк стоит рядом с ней, и слышала голос Тодда: «Отвлекся – проиграл».

– Жаль, тебе не выиграть. Может, в следующий раз, – прошипела Наталья так, что услышать ее могла только Чарли.

Наталья посмотрела ей прямо в глаза, затем развернулась и пошла прочь. Группа бизнесменов, пропуская ее, почтительно расступилась.

Над баром висела панель из плоских экранов. Сегодня они показывали лучшие матчи прошлого и некоторые основные моменты предыдущих двух недель Уимблдона. Подняв глаза, Чарли увидела себя, отбивающую смэш в матче с Вероникой.

Марко присвистнул.

– Отличный был удар. Я помню его. – Он положил руку на ее спину.

– Уже несколько десятилетий у нас не было пары, в которой оба – в финале Уимблдона, – заметил подошедший к ним фотограф.

– Подождите, мы еще оба станем победителями, – сказал Марко, притягивая Чарли к себе.

Когда их губы встретились, Марко стиснул рукой ее ягодицу. Жестко. И не очень-то вежливо. Она вскрикнула и вырвалась, но потом вспомнила, что их снимают камеры. Позади них стоял ее отец – с непроницаемым выражением на лице.

– Не делай так больше, – прошептала она на ухо Марко, однако тот лишь рассмеялся.

– Сюда, Чарли. Улыбнитесь для камер.

Защелкали фотографии. Чарли и Марко позировали в обнимку, широко улыбаясь, прижавшись друг к другу. Ей пришло в голову, что она не может вспомнить, когда они в последний раз спали вместе. То, что их воспринимали как пару, было выгодно обоим, но когда прекратился их роман? Когда они перестали красться друг к другу в номера по ночам и писать эротичные сообщения? Разве отношения без обязательств не должны быть, по крайней мере, радостными?

Когда фотографии закончили, Чарли подошла к отцу.

– Проводишь меня домой? – спросила она.

– Ты готова уйти?

– Еще как.

Он кивнул, и Чарли увидела, что ему приятна ее просьба.

Она пробралась сквозь толпу, собравшуюся в шатре, туда, где Джейк беседовал с группой других агентов. Извинившись, что прерывает, она отозвала его в сторону.

– Ты в порядке? – прошептал Джейк. – Ты и часу не пробыла.

– Попозировала для снимков, выпила «Пеллегрино», а теперь хочу уйти домой и посмотреть телевизор перед сном. Папа меня проводит.

– Хорошо. – Джейк поцеловал ее в щеку. – Помни: сегодняшняя ночь такая же, как любая другая. Постарайся отвлечься и немного отдохнуть, а затем придерживайся своей обычной программы. Ты готова к финалу, Чарли. Я уверен.

Чарли сделала резкий вдох. Финал. Финал Уимблдона. Завтра ее первый финал Большого шлема.

– Не могу поверить, что мой первый финал – против нее.

Джейк посмотрел на Наталью, которая вернулась и подсела к Марко. Она устроилась на подлокотнике его кресла, и микроскопическое платье задралось так высоко, что все присутствующие могли видеть черные кружевные трусики. Она восторженно смеялась над словами Марко.

– Странно, что мы оба, вероятно, спим с тем, кто...

Чарли остановила его, подняв руку.

– Не произноси.

– Ладно, не буду. Но согласись, удивительно.

– Дико.

– Спокойной ночи. Увидимся утром.

Чарли помахала отцу, который терпеливо ждал ее у входа в шатер.

Она не потрудилась попрощаться с Марко, а он даже не бросил взгляда в ее сторону, когда она взяла мистера Сильвера под руку и вышла.

– Все в порядке? – спросил отец.

– Да, а что?

– Ты, кажется, не попрощалась с Марко.

– Между Марко и мной все кончено, – тихо сказала Чарли. Она не собиралась об этом говорить, но, услышав собственные слова, поняла, что так и есть.

– Мне очень жаль, дорогая, – произнес отец на удивление искренне.

– Он еще даже не знает, – усмехнулась Чарли. – Впрочем, сон из-за этого потеряет только Тодд. Ну, может, еще пиарщики WTA. Вряд ли надо беспокоиться о чувствах Марко.

Отец обнял ее.

– Уверяю тебя, чувства Марко Вальехо беспокоят меня меньше всего.

Чарли рассмеялась.

– Ты, должно быть, рад услышать, что он получает отставку.

Мистер Сильвер остановился и посмотрел на нее.

– Я повторяю. Я счастлив, если счастлива ты. Это касается Марко, тенниса и всего остального.

Чарли чувствовала, что к горлу подкатывается ком.

– Спасибо, – выдавила она. – Жаль, что я не смогла сказать то же самое. Я ужасно себя повела, когда услышала про Эйлин.

– Я бы не...

– Нет, правда. Я повела себя как инфантильный подросток, не способный думать ни о чем, кроме собственных чувств. Прости.

Они смотрели друг на друга. Улыбка мистера Сильвера была окрашена печалью.

– Я понимаю, все это для тебя непросто, Чарли. Все эти годы были только ты, я и Джейк, а теперь появится кто-то еще. Причем не «кто-то», а лучшая подруга твоей мамы. Это, наверное... непривычно.

– Так и есть. Но я рада, что ты нашел себе подходящую женщину. Просто с Эйлин вернулось так много воспоминаний о тех страшных днях... Знаешь, как ни дико, какая-то небольшая часть меня всегда надеялась, что в один прекрасный день мама вернется. И если ты снова женишься, причем на Эйлин... куда вернуться маме?

– Я понимаю, дорогая. Из-за такой же безумной мысли я и не заводил прежде серьезных отношений. Однако я пришел к мысли, что твоя мать не хотела бы, чтобы я остался несчастным и одиноким до конца своих дней. Честно говоря, если бы я умирал первым, я пожелал бы, чтобы она навсегда осталась преданной вдовой. Но она была лучшим человеком, чем я. Перед смертью она много раз повторяла, что я должен иметь

полноценную жизнь. Должен снова полюбить.

Они пересекли улицу и направились к концу тупика, где стоял их арендованный таунхаус. Мистер Сильвер отпер входную дверь и сразу включил чайник.

– Хорошо бы Эйлин приезжала на турниры, – сказала Чарли. – Если она захочет, конечно.

Мистер Сильвер посмотрел на дочь.

– Я думаю, она захочет, – произнес он дрогнувшим голосом. – Уверен, что она будет рада.

Чарли подошла и обняла его, положив голову ему на плечо и вдыхая родной аромат. Она крепко обняла его и подумала о том, как давно они так не стояли.

– Пойду наверх, – решила она, вдруг почувствовав усталость.

– А чай? Я заварил мяту, как ты любишь.

Он протянул ей кружку.

– Возьму с собой. Спасибо, папа. Я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю, дорогая. Надеюсь, ты знаешь, как я горжусь тобой, вне зависимости от того, что случится завтра. Финал Уимблдона... Не укладывается в голове.

Чарли не могла сдержать улыбки.

– Да, и еще, Чарли... Я солгал тебе раньше.

Она обернулась.

– Солгал?

– На самом деле я очень рад, что ты бросила Марко. Я думаю, что он осел, который совершенно не достоин моей дочери.

– Ни за что бы не догадалась! – смеясь, ответила Чарли.

– Как видишь, я держал рот на замке, сколько мог. Для отца это непросто. Поймешь в один прекрасный день. Но он... он просто отвратителен.

– Папа!

– Что?

– Спокойной ночи...

Чарли вошла в спальню, декорированную в приглушенных оттенках серого и слоновой кости – спокойные и сдержанные цвета, как сама Англия. Она выпила чай, переоделась в майку и шорты и только залезла под одеяло, как услышала стук в дверь.

– Папа? Входи! – крикнула она, радуясь, что пока еще не нужно оставаться наедине со своими мыслями. Как она уснет в ночь перед финалом Уимблдона? Или, хуже того, что, если она не сможет заснуть?

– Это я, – раздался голос Джейка. – Еще не спишь?

– Нет. Входи.

Он лег поперек кровати в изножье, как обычно делал, когда они были детьми.

– Все бы отдала за таблетку снотворного! – пожаловалась Чарли.

Джейк удивленно посмотрел на нее.

– Что? Ясно же, что шучу. – Она толкнула его ногой из-под одеяла.

– Папа сказал мне о Марко. Буквально кинулся ко мне у входной двери. Это правда?

– Да. Я пыталась быть суперкрутой, мириться с этими непонятными отношениями и со всем прочим. Конечно, он красив как бог. Великолепен в постели... Хотя порой было весело, я словно притворялась кем-то другим, кем мне на самом деле быть некомфортно.

– Думаешь, для меня новость – что ты не хочешь быть девочкой по вызову?

– Типа того.

– Прости за прямоту, но это глупо.

– Когда ты стал таким осуждающим?

– Я не осуждаю тебя, Чарли.

– Конечно, осуждаешь! Ты мой брат, а братья всегда осуждают.

– Хорошо, хорошо, осуждаю. Но за глупость, а не за распутство. Про твою маленькую интрижку с Зиком Лейтоном я не думал ничего плохого, помнишь? Обычное развлечение. Нет никаких ожиданий, все понятно, разовая ночь. А вот история с Марко не нравилась мне с самого начала. Это просто не в твоём характере.

– Позволь напомнить, что вы с Тоддом практически кинули меня в постель Марко ради пиара. Давай называть вещи своими именами.

– Ни за что! Тодд – да. Я просто согласился, что это хорошая стратегия, раз уж ты, как это выглядело со стороны, была с ним довольна и счастлива. Но теперь я вижу, как ужасны отношения без обязательств, и полностью поддерживаю твоё решение его бросить.

Чарли потянулась и с облегчением поняла, что хочет спать.

– А у тебя как дела? Как Бенджи? То есть Бен.

В темноте она не могла разглядеть лица брата, зато услышала по его тону, что он улыбается.

– Он замечательный, Чи. На самом деле замечательный. Мы... мы говорили о том, чтобы жить вместе.

В любую другую ночь Чарли выскочила бы из постели, включила свет и забросала бы его вопросами. Никогда прежде он и близко не подходил к

такому уровню обязательств. Сейчас это почему-то казалось совершенно естественным – слушать, как Джейк говорит о совместном будущем с любимым человеком.

– Правда? А где? Тебе, наверное, придется переехать в Майами?

– Да. Как только он официально объявит себя геем и шум в прессе поутихнет, я, наверное, перееду к нему на остров Палм. Буду работать в филиале «Элит» в Майами. Я много путешествую с тобой, и мне совсем не обязательно базироваться в Нью-Йорке. Таков предварительный план.

– Здорово, Джейк! Я никогда не видела тебя таким раньше.

– Да, мне хорошо. Но он... Я не знаю, как описать...

– Легко и просто: ты его любишь. Остальное не важно.

Они помолчали.

– Ладно, тебе надо спать, – сказал Джейк, поднимаясь.

Чарли видела только его силуэт в темноте.

– Я даже не завидую, что у тебя будут супруг и дети, а передо мной – белая стена.

– Так уж и не завидуешь, – протянул Джейк, наклоняясь, чтобы поцеловать ее в щеку. – Но я не в обиде.

– Пожалуй, ты прав. Немного завидую. Однако я рада за тебя. Только не заставляй меня надевать на свадьбу платье подружки невесты, хорошо?

– Договорились.

– Спокойной ночи, Джейки.

Он открыл дверь, и из коридора в комнату ворвался луч света.

– Чи? У меня личная просьба. Надери завтра зад этой стерве.

Не ощутив тревоги и беспокойства, которые в ней всегда вызывало одно только имя Натальи, Чарли рассмеялась. Она вытянулась между прохладными простынями и с мыслями о счастье Джейка погрузилась в глубокий сон без сновидений.

Глава 21. Момент истины

Финальный матч, Центральный корт.

Июнь 2016 года

В день финала Чарли съела свое ритуальное блюдо: лосось на гриле и овощи. За столом в их арендованном доме близкие и члены команды давали советы.

Тодд: «Задавай темп. Вытаскивай ее к сетке. Никакого страха. Это твой шанс доказать всему миру, что ты – победитель. Не продуй его!»

Джейк: «Не теряй свою игру. Не позволяй Наталье достать тебя психологически. Ты сможешь, Чарли».

Дэн: «Это последнее препятствие на пути к вершине. Ты его одолеешь!»

Отец: «Такая возможность бывает раз в жизни, и ты ее добила сама. Твоя мать гордилась бы тобой, и я тоже горжусь».

После обеда Тодд пригласил всех в гостиную, чтобы посмотреть матчи уимблдонских финалов прошлых годов. Они наблюдали за колоссальными провалами – Тодд предупреждал: «Ты не должна такого допустить», – и грандиозными победами, которые он сопровождал словами: «Это твоя цель».

Теперь, несколько часов спустя, Чарли смахнула с брови ручеек пота белым напульсником, украшенным аметистом – зодиакальным камнем ее матери. Она старалась не задеть камнем лица, но каждый раз, утерев пот, прижимала камень к губам. Этот новый ритуал помогал ей сохранять спокойствие и сосредоточенность. Пока она шла к Центральному корту и слушала, как объявляют имена участников матча, она чувствовала себя неуверенно, однако как только началась разминка и они с Натальей стали бить по мячу, включилась мышечная память. Чарли сразу вошла в игру и спокойно отбивала ее удары. После разминки, когда соперницам дали три минуты посидеть и подготовиться к началу игры, Чарли ощущала на себе исполненный ненависти взгляд Натальи с противоположной стороны корта. Их финальный матч привлекал беспрецедентное внимание со стороны прессы, WTA и любителей тенниса во всем мире – золотая жила для маркетинга и рекламы. Обе теннисистки получали миллионы долларов по спонсорским контрактам, появлялись на обложках модных и спортивных журналов, обе встречались со знаменитыми спортсменами и, по словам

прессы, «были великолепны каждая по-своему». Один громкий заголовок окрестил этот финал «Битвой красавиц», другой предвещал: «На Центральном корте разгорится холодная война». Чарли, улыбочивая американка с темными волнистыми волосами и мускулистыми ногами, играла против Натальи, русской сексуальной блондинки с уверенной походкой и дерзостью, за которую публика ее любила и ненавидела одновременно. Если Чарли сумеет вырвать победу, она получит первый титул Большого шлема. Наталья выиграла уже четыре Больших шлема – два американских открытых чемпионата и два австралийских, – но это был ее первый Уимблдон. «Кто из них больше желает победы?» – задавались вопросом комментаторы. Все сходились, что в целом силы практически равны – Наталья явно превосходила Чарли в подачах и общей физической подготовке, зато, если не считать провала на «Ролан Гаррос», Чарли безупречно играла у сетки, а ее удар слева не знал себе равных. На карте стояли Уимблдонский кубок и почти три миллиона долларов, поэтому напряжение и волнение вокруг Центрального корта можно было буквально пощупать руками.

Чарли бросила взгляд на королевскую ложу: Элтон Джон и Дэвид Ферниш, Анна Винтур и Брэдли Купер. Потом обернулась взглянуть на свою команду. Только на Уимблдоне гости обоих соперников сидят в одной ложе. Слева – команда Натальи: ее родители, тренер, физиотерапевт, спарринг-партнер, парикмахер, визажист и пара русских подружек. Бенджи не было. Чарли уже знала от Джейка, что он не смог приехать: в «Долфинс» взяли нового запасного квотербека, и Бенджи помогал его тренировать. Справа сидела команда поддержки Чарли, и все они пристально за ней наблюдали. Тодд, Джейк и отец сидели в первом ряду; поймав ее взгляд, они синхронно, будто отрепетировали, подняли руки и помахали. Позади них, на первых двух местах от прохода, сидели Пайпер и Ронин. Пайпер показала ей два кулака с поднятыми вверх большими пальцами и послала воздушный поцелуй. На третьем от прохода месте сидел Дэн, который оживленно переговаривался с Ронином в ожидании начала игры.

Когда они вместе с Дэном шли к стадиону, он подарил ей этот напульсник с аметистом, и она еле сдержалась, чтобы его не расцеловать. Он также показал ей кепки, которые по его просьбе «Найк» сделал для гостей Чарли: полностью белые, с едва заметной белой галочкой сзади и весьма заметной надписью «Команда Сильвер» крупными черными буквами впереди над козырьком. Их надели все члены команды Чарли, кроме одного человека, который угрюмо сидел слева от Дэна – Марко. Каждый раз, когда Чарли украдкой бросала на него взгляд, Марко смотрел в

телефон или оглядывал трибуны, чтобы убедиться, что люди его узнали. «Больше ждать нельзя, – подумала она. – Покончу с этим сегодня вечером».

Втайне Чарли ужасно боялась не просто проиграть, а позорно проиграть первый сет – или, о ужас, весь матч – всухую. Не видать ей спокойствия, пока на табло не высветится по крайней мере один ее гейм. И она это сделала – легко выиграла гейм на своей подаче и повела в первом сете. Дальше каждая соперница брала гейм на своей подаче, пока счет не стал в пользу Чарли 6:5, а Наталья выиграла следующий гейм, чтобы дотянуть до тайм-брейка. В тайм-брейке Наталья вела с внушительным счетом 5:1, однако Чарли сражалась, чтобы выиграть свои подачи на эйсах, и взяла первый сет со счетом 7:6. Когда Чарли торжествующе вскинула кулаки в воздух и чуть не рухнула на корт, она почувствовала, как трибуны радуются вместе с ней, желая ей победы, и в первый раз за весь день ощутила уверенность, что победит.

Второй сет был изнурительным, но проходил совсем не так стабильно, как первый. Усилился ветер, что сделало направление мяча чуть менее предсказуемым, и температура воздуха за несколько минут упала на несколько градусов. Во время смены сторон появилась группа болл-боев, чтобы подготовить корт к возможному дождю: они быстро развернули специальное защищающее траву покрытие. Этого оказалось достаточно, чтобы отвлечь обеих соперниц: Чарли не смогла сделать достойную первую подачу, а Наталья допустила слишком много невынужденных ошибок. Обе быстро сумели прийти в себя и играли стабильно до равного счета. Затем Чарли буквально слила игру двумя поразительными двойными ошибками подряд. Толпа застонала.

Чарли не осмеливалась взглянуть на свою команду. Второй сет пошел к Наталье, 7:5.

После проигрыша второго сета Чарли сидела на стуле и старалась выровнять дыхание, злясь на себя за ошибки. Играли уже почти два часа, и она могла гордиться тем, что по-прежнему полна энергии. За исключением тех двойных ошибок, Чарли сыграла прекрасно. Наталья же, несмотря на то что вытянула второй сет, выглядела нервной и раздосадованной. Чарли видела, как она осматривает ручку ракетки и суетится с новым рулоном намотки, упаковку которого пыталась вскрыть зубами. Злость Натальи становилась все более очевидной по мере того, как она кусала и рвала целлофан. В сумке Натальи наверняка имелось шесть одинаковых ракеток с новой намоткой, но по какой-то причине она продолжала возиться с той, что в ее руке. Когда судья на вышке объявил тайм и обе должны были выйти на третий, финальный сет, Наталья с такой силой отшвырнула

ракетку, что та выбила ямку в дерне. Технически ее могли бы устранить за неспортивное поведение, однако судьи осторожно относятся к штрафам во время финала Шлема. Чарли прыгала на носках и делала боковые выпады, чтобы сохранять подвижность, пока ее соперница доставала из сумки новую ракетку.

Чарли захлестнуло волной надежды. Она прижала к губам аметистовый страз. Было очевидно, что ее соперница начинает нервничать. Пришло время атаковать.

И опять каждая из них выиграла по одной подаче, доведя счет до 4:4. Когда Наталья продвинулась в счете до 5:4, сделав серию ударов по линии, каждый из которых принес очко, Чарли почувствовала укол паники, однако на следующей своей подаче сумела выровнять счет.

Соперницы продолжали брать свои подачи. Счет снова выровнялся – 6:6.

Тодд не раз предупреждал ее об опасности счета 6:6 в третьем сете, потому что в последнем сете Уимблдонского турнира не играют тайм-брейк. Предстояло выиграть два гейма подряд, независимо от того, сколько времени это займет. Пока Чарли сидела, пытаясь отдышаться после изнурительных двенадцати геймов, она отгоняла воспоминание о словах Тодда: «Не позволяй затягивать игру в третьем сете. Ты в хорошей форме, но только год как после травмы, а о длительных матчах Натальи можно слагать легенды». Табло на корте уже показывало три часа и шесть минут: самый длинный матч в истории Уимблдона. И, безусловно, самый длинный матч в карьере Чарли. Ее ноги начинала сводить судорога, хотя и не сильно, и она дышала тяжелее, чем ей бы хотелось, но в целом пока еще чувствовала себя хорошо. Вне зависимости от того, что произойдет дальше, она сможет гордиться тем, как выступила в финале Уимблдона.

Когда судья объявил тайм, Чарли вскочила на ноги с большей энергией, чем ожидала, и сделала пробежку рядом со стулом, чтобы расслабить мышцы задней поверхности бедра. Она взглянула на трибуны и увидела, что Дэн стоит, сложив руки у рта наподобие маленького рупора, и выкрикивает ее имя. Тихие и вежливые английские болельщики оглядывались на него со смесью веселья и неодобрения. Пока Чарли на него смотрела, к ней незаметно подошла Наталья.

– Видишь там своего дружка? – тихо спросила она.

Чарли метнула взгляд на Марко. Тот сидел неподвижно, наблюдая за Чарли и Натальей.

– Марко? – спросила она, скорее удивленная тем, что Наталья с ней заговорила, чем выражая искренний интерес к теме разговора.

– Да. Наш Марко. Хотела поблагодарить тебя за то, что ты одолжила его мне вчера вечером, – сказала Наталья. Улыбка медленно расползалась по ее лицу.

– Мисс Сильвер и мисс Иванова, пожалуйста, займите места на корте. Матч продолжается.

Чарли была потрясена. Наталья нагло пыталась подавить ее психологически в нескольких геймах от окончания их эпического матча. «Наш Марко»!

Прежде чем вернуться на линию, Наталья быстро наклонилась к Чарли и хриплым шепотом добавила:

– Ты, конечно, и сама знаешь, но он хорош в постели. Очень хорош.

– Мисс Иванова? Мисс Сильвер? – повторила судья на вышке.

Пока Чарли шла к линии, в ее голове мелькнул образ: полностью обнаженная Наталья склоняется над Марко. Только когда ногти Чарли впились в ладони, боль привела ее в чувство. «Сосредоточься! – мысленно закричала на себя она. – Это финал. Финал Уимблдона. С Марко ты все равно порвала. Наталья могла солгать, просто чтобы тебя расстроить. Он тебе даже не нравится, так что не продуй из-за него Уимблдонский финал! Соберись! Соберись!»

Она поставила ноги на край линии, трижды отбила мяч о корт и подбросила его в воздух. «Идеальный подброс», – оценила Чарли, выпрыгивая всем телом, чтобы ударить мяч в наивысшей точке. Мяч полетел над сеткой и в дальний угол зоны подачи, где Наталья достала его ракетой, но смогла лишь отбить его в коридор.

15:0 в пользу Чарли.

Следующая подача Чарли вновь была идеальной – сильно и точно в центр зоны подачи. Прием у Натальи был слабее обычного, и Чарли отправила мяч стремительным жестким ударом по диагонали.

30:0.

Наталья наклонилась поправить носки, выставив на обозрение Чарли – и всех болельщиков – свою идеальную попку. Чарли не удержалась: бросила взгляд на Марко. И, конечно же, он смотрел на Наталью.

Когда Наталья подавала мяч для следующего очка, Чарли приняла ободом. «Ненавижу ее, – думала Чарли, ощущая прилив гнева и адреналина. – Ненавижу, ненавижу, ненавижу». Она потеряла следующее очко: добежала до укороченного мяча и отбила атакующим ударом с выходом к сетке, затем провалила легкий смеш и промахнулась мимо линии.

30:30.

Проигрыш последнего очка потряс Чарли как ничто другое за последние три часа. Если она продолжит в том же духе, то проиграет матч – и весь турнир – из-за неэтичной соперницы и мужчины, который ей даже не нравится. И если такое случится, ей будет некого винить, кроме себя. «Ни за что!» – сказала себе Чарли, пока выполняла укороченный слева и смотрела, как Наталья пытается успеть до него добежать.

Следующие четыре очка Чарли показывала лучший теннис в своей жизни: с лазерной точностью держала взгляд на мяче, ее удары и работа ног были безупречны. Она забыла о Наталье и Марко, о судорогах и дыхании и заставила себя бороться за каждое очко. Ни один мяч не приходил слишком быстро или далеко – она добегала до каждого. Каждое очко получало сто процентов ее внимания и усилий. Наталья тоже играла красиво. Обе соперницы полностью выкладывались в шоу несравненной силы духа и решимости, и трибуны аплодировали, выражая свою признательность за великолепную игру.

Правила требовали от соперников менять стороны на нечетных геймах. Чарли была так сосредоточена на мыслях о следующем гейме, что снова не заметила, как Наталья оказалась рядом.

Когда они встретились перед вышкой судьи, Наталья намеренно задела плечом Чарли – так, чтобы это выглядело случайностью. И Чарли не выдержала.

– Наталья, – тихо окликнула она, повернув голову так, чтобы камеры не видели движения губ.

– М-м?

– Тебе нужно кое-что знать о Бенджи.

Наталья встретила с ней взглядом, и Чарли мгновенно поняла, что она не имеет ни малейшего представления о том, что вот-вот услышит.

– И что же?

Чарли открыла рот, однако, не сумев подобрать слов для той новости, которой она так отчаянно хотела поделиться, закрыла его.

– Я жду.

– Пожалуйста, займите ваши стороны, – сказал судья, прикрыв рукой микрофон.

Чарли вспомнилась сцена на яхте: Бенджи и Джейк, оба такие красивые, мирно спят рядышком.

Наталья подошла к ней так близко, что Чарли почувствовала ее дыхание. Они были одного роста, и их носы практически соприкасались.

– Марко сказал мне, что у меня самая красивая попа на свете. Ты удивишься, как часто я это слышу, – шепнула Наталья.

В тот момент, когда она повернулась спиной, Чарли вспомнила чувство, которое испытала в Чарлстоне – когда она подала подачу, не дождавшись готовности соперницы. Она представила, что сказал бы отец, если бы узнал о тактике, к которой она собиралась прибегнуть; она представила, что подумала бы ее мать о женщине, которой она стала; и самое важное – как это повредит отношениям Джейка, если история получит огласку прежде, чем они с Бенджи будут готовы.

– Удачи, – промолвила Чарли, не придумав ничего лучшего.

Выиграет она этот гейм или проиграет – зависело от многих факторов, только не от предательства.

Натаалья закатила глаза, прошла на свою сторону, сделала несколько прыжков вправо-влево. Ее хвостик и юбка прелестно подскакивали.

Чарли смотрела, как Натаалья протянула ракетку к ближайшему болл-бою и улыбнулась ему, когда он положил на струны два мяча. Один мяч она аккуратно протолкнула под юбку, после чего подошла к задней линии и расставила ноги. Чарли подпрыгивала на носках, готовясь принимать подачу, однако мяч Натаальи полетел в дальний угол зоны подачи, Чарли не успела даже к нему приблизиться. Чарли взяла следующее очко, ударив идеальную свечку высоко над сеткой – мяч угодил на заднюю линию. Натаалья выиграла два следующих. 40:15. Чарли почти слышала, как телевизионные комментаторы всего мира на десятках языков сообщают аудитории, что это означает: у Натаальи матчбол. Перед глазами мелькнул заголовок: «Снова серебро для Сильвер».

Чарли вдохнула и медленно выдохнула, чувствуя, как опускаются плечи. Ее взгляд замер на мяче. Она великолепно отбила подачу Натаальи, затем ответила ударом справа, потом слева. Оба прошли безупречно, каждый раз мяч жестко и быстро пролетал над сеткой и попадал точно туда, куда она хотела. Постепенно она подобралась к сетке, где всегда чувствовала себя уверенно, и направила мяч к задней линии. Натаалье будет очень трудно вернуть его в корт... Однако Натаалья ответила с удивительной силой. Чарли сделала выпад, но не дотянулась даже ракеткой. А обернувшись, увидела, как мяч упал в паре сантиметров от задней линии – принесся Натаалье победное очко.

Натаалья упала на траву. Под гром аплодисментов судья на вышке объявил победителя Уимблдона: мисс Иванова. Все трибуны, аплодируя, встали, благодаря соперниц за один из самых захватывающих финальных матчей в истории Уимблдона. На корте началась подготовка к награждению победителей. Чарли посмотрела на гостевую ложу: подруги Натаальи обнимались, Джейк и отец выглядели удрученными, Тодд запустил руки в

волосы, Марко поклонился обеим девушкам, Пайпер и Ронин вежливо аплодировали победителю. Казалось, только Дэн ею гордился и был готов встретить ее взгляд. Одними губами он прошептал: «Ты сыграла отличный матч».

И словно до этого момент Чарли не понимала, вдруг пришло осознание: все кончено, она проиграла. Следом навалилось болезненное разочарование; и, тем не менее, она могла уйти с Центрального корта с высоко поднятой головой. Она играла с полной отдачей, играла честно. Этого не хватило, чтобы выиграть Шлем – по крайней мере, пока, – но этого было достаточно, чтобы показать средний палец украшенным стразами бюстгальтерам, надменным соперницам, изменщикам-бойфрендам, кричащим на нее тренерам и всей прочей шелухе, которой она позволила просочиться в свою жизнь и долго ее отравлять. Достаточно, чтобы со всем этим покончить.

Чарли с достоинством выдержала послематчевые интервью, произнесла слова благодарности в адрес своей семьи и своей команды и поздравила Наталью с заслуженной победой. Она благодарно помахала болельщикам и быстро покинула корт, чтобы Наталья могла насладиться триумфом. Чарли выложились на полную, и хотя она допустила несколько ошибок – а у кого не было ошибок в рекордном по времени финале? – она играла на пределе своих способностей. Просто Наталья играла лучше. И заслужила победу.

Конечно, разочарование Чарли не стало менее острым, зато оно не было смешано с сожалением, гневом или стыдом. Благодаря адреналину или эндорфинам, идя в раздевалку, Чарли не чувствовала ни мышечной боли, ни неприятных ощущений от залеченных травм. Все это, конечно, придет. Невозможно сыграть самый длительный финальный матч в истории Уимблдона – и не расплатиться. Однако в тот момент она чувствовала странное умиротворение: она соревновалась на самом высоком уровне и не прибегла к уловкам, чтобы получить преимущество. Впервые за долгое время Чарли было не за что извиняться.

То ли из-за шума и суеты в Зале чемпионов, то ли из-за наползающей усталости, но Чарли не чувствовала тяжелой руки на своем предплечье до тех пор, пока не стало больно. Встревоженная, она резко обернулась. Тодд уставился на нее с выражением откровенной ненависти.

– Что, черт побери, ты там делала?! – проговорил он таким громким шепотом, что все вокруг мгновенно притихли.

Чарли была настолько потрясена, что не нашлась с ответом.

– Ты меня слышишь? А, проигравшая? Не хочешь объяснить, как

человек в здравом уме мог слить весь сет из-за двойной ошибки? Пожалуйста, изложи мне свой блестящий анализ, потому что я ни хрена не понимаю.

Если кто-то из организаторов, линейных судей, тренеров или журналистов не слышал первую фразу Тодда, то сейчас он точно привлек всеобщее внимание. В зале воцарилась мертвенная тишина; Чарли подумала, что его слышали болельщики на корте. Ошарашенная, она не могла вымолвить ни слова. Не могла даже попросить его убрать руку, которая больно сжимала ее предплечье.

– Не одна, а две двойные ошибки! Что, снова курила травку перед матчем? Или трахалась со своим дружком? В чем дело, Сильвер? Потому что, убей меня, не пойму, что за ерунда там творилась.

Чарли вывел из шока голос Дэна.

– Отпусти ее, – произнес он так, чтобы слышали только она и Тодд, но с угрозой, которая заставила оглянуться обоих.

– Отвали, я не с тобой говорю, – поморщился Тодд.

Дэн бросился на него, схватив за плечи. Где-то позади раздалось негромкое аханье: будет драка. Чарли быстро повернулась к Дэну и жестом показала: «Спасибо, не стоит». Дэн помедлил, затем отступил на несколько шагов.

– Я хотела поговорить с тобой без свидетелей, но, видимо, ты предпочитаешь устраивать шоу, поэтому давай покончим с этим прямо сейчас. Тодд, спасибо за твоё время и опыт, но твои услуги мне больше не понадобятся.

На долю секунды Тодд замер с открытым ртом. Затем облизнул губы – один раз, второй, третий – и зарычал:

– Да, верно. Тебе повезло, что я вообще согласился тебя тренировать! Ты не можешь меня уволить.

– Я только что это сделала, – сказала Чарли.

– Прими душ, и встретимся в гостинной. Надо поговорить. Первое в списке – твоё дерьмовое отношение к делу.

– Я стараюсь быть вежливой, а ты не понимаешь. Ты уволен. Кончено. Нам больше не о чем говорить. Ни сейчас, ни потом. – Чарли повернулась к толпе, собравшейся вокруг: – Не стесняйтесь оповестить мир. Я уволила Тодда Фелтнера.

Глава 22. Унижаться, просить, умолять и подкупать

Нью-Йорк.

Август 2016 года

В гостиничном халате и полотенце на голове Чарли подошла к окну своего номера и заглянула в телескоп. С высоты двадцатого этажа Центральный парк напоминал ровное зеленое поле с лужицами воды и крошечными, как муравьи, людьми, которые прогуливались, катались на велосипедах и скакали на лошадях. Последние две недели Чарли каждый день любовалась этой картиной. Тот, кто утверждает, что в Нью-Йорке нет ничего идиллического, явно не жил в разгар лета в пентхаусе отеля «Ритц-Карлтон» с видом на Центральный парк.

Стук в дверь заставил ее взглянуть на часы. Почти восемь утра. Она подошла к двери, посмотрела в глазок и поспешила открыть.

– Я думала, это завтрак! – воскликнула Чарли, обнимая подругу.

Пайпер выглядела слегка помятой, но, как всегда, гламурной в широких джинсах и шелковой рубашке. Большие солнцезащитные очки сдерживали ее волнистые волосы.

– О, ты что-то заказала? Я такая голодная!

Пайпер поцеловала Чарли в щеку и протиснулась мимо, не заметив, что ее гигантская сумка ударила Чарли по груди.

– Да, и заказала много! Тебе повезло. Заходи.

Но Пайпер уже бросила сумку в мраморном фойе люкса и подбежала к огромному окну.

– Потрясающе! – объявила она, окинув взглядом парк и тут же направляя телескоп на соседний небоскреб. – Уже видела кого-нибудь голышом?

– Не могу поверить, что ты ради меня прилетела ночным рейсом... Подожди, иди сюда! Покажи кольцо!

Пайпер вытянула вперед левую руку и пожала плечами.

– Мы выбрали простые золотые кольца, и только потому, что это злит мою мать. Глупо?

– Ага. Так же, как и жениться втайне, но это вас не остановило.

Пайпер посмотрела на Чарли.

– Ты обиделась? Ты ведь знаешь, что мы сделали это только из-за наших родителей. Мысль о том, как наши матери будут обсуждать меню скучного ужина для всех своих друзей... – Она поежилась. – Невыносимо. Но ты же понимаешь, как мне тебя не хватало, правда?

– Конечно, – улыбнулась Чарли. – Только жаль, не довелось надеть длинное розовое платье подружки невесты. Не пришлось готовить речь и гуглить шутки для свадебного тоста. Ты разбила мне сердце.

– Да, если взглянуть с этой точки зрения, ты моя должница. Я счастлива замужем, на пути к виноградникам в Южной Америке, и нам с тобой не придется устраивать девичник и обсуждать стриптизеров в полицейских костюмах. Так лучше для всех.

– Где Ронин?

– Наверное, уже спит. По крайней мере, пошел в номер. На четырнадцатом этаже. Такого вида там нет, это точно. Такое – исключительно для вторых теннисисток мира.

Пайпер плюхнулась на диван в гостиной и взяла с журнального столика раскрытый журнал «Пейдж сикс».

– Пожалуйста, скажи мне, что ты это не читаешь.

– Конечно, читаю. Но даю слово, меня это не волнует.

Нью-йоркская пресса следила за каждым шагом Марко и Натальи, резвящихся по всему городу. Только за последние несколько дней, после того, как каждый из них выбыл из полуфинала, их успели сфотографировать в ресторанах, магазинах, ночных клубах и даже в высококлассном секс-бутике в Нижнем Ист-Сайде. По снимкам выходило, что они только и делали целыми днями, как швырялись деньгами и целовались, но Чарли слишком хорошо представляла себе, какова могла быть реальность за кадром.

Пайпер открутила крышку с бутылки воды «Фиджи» и отпила.

– Нервничаешь?

– Немного.

– «Артур Эш», прайм-тайм, женский финал. Довольно большая сцена, – сказала Пайпер, утирая губы тыльной стороной пальца. – Самая большая, вообще-то.

Сердце Чарли забилось быстрее.

– Я не могу поверить...

В дверь постучали в тот же момент, как зазвонил телефон Чарли.

– Принесли завтрак. Можешь забрать и подписать счет? – попросила она Пайпер. – Алло?

– Как ты себя чувствуешь? – В голосе Джейка слышались и паника, и

волнение, и восторг.

– Жду. Только что приехала Пайпер. Ты где?

– Подъезжаю к Флашинг-Медоус, где встречаюсь с людьми из «Американ Экспресс». Нам нужно договориться, кто будет сидеть сегодня в твоей ложе.

– Чарли! К нам гости! – крикнула Пайпер.

Чарли поняла по ее тону, что это не доставка еды. Затем она услышала смех Дэна.

– Джейк, я перезвоню.

Она дала отбой, почувствовав краткий укол вины, но, едва увидев Дэна, одетого для тренировки и с теннисной сумкой через плечо, мгновенно забыла о брате.

– Привет. Я... э-э... не знал, что ты не одна.

– Я вам не помешаю, Дэн, – сказала Пайпер.

В дверь снова постучали.

– Теперь, наверное, завтрак, – решила Чарли.

Дэн взглянул на нее и улыбнулся.

– В чем шутка? – спросила Пайпер, переводя взгляд с одного на другого.

Как только она исчезла в коридоре, Дэн подошел к Чарли и притянул ее к себе. Его футболка пахла свежестью, дезодорантом и солнцезащитным кремом. Было так приятно прижаться щекой к его теплой шее... Ни один из них не заметил, как вернулась Пайпер, катя перед собой тележку. А потом Чарли и Дэн отпрянули друг от друга, как подростки, которых застал за поцелуями один из их родителей.

– Что? Думаете, я не прочла записи на стене? – сказала Пайпер, беря из хлебной корзинки шоколадный круассан. Она откусила и налила себе чашку черного кофе. – Еще одна причина для тайного брака.

– Брака? – рассмеялась Чарли, чуть покраснев. – Пайпер, мы даже не... Ты не так...

Дэн стоял, неловко скрестив руки и уставившись в окно на Центральный парк.

– Я о себе. Причина для меня избежать свадьбы. Круассаны. Не придется целый год морить себя голодом, чтобы влезть в платье в стиле «принцесса». Или вы, ребята, хотите мне что-нибудь сообщить? – Пайпер невинно похлопала ресницами.

– Сейчас не время... – пробормотала Чарли.

Она не намеревалась держать все в секрете от Пайпер, но, конечно, не была готова вести этот разговор в присутствии Дэна.

– Ну... я забежал по пути на корт. Чтобы... хм... может, нужно захватить что-нибудь? Твою сумку с ракетками?

Пайпер расхохоталась.

– Сумку с ракетками?.. Вы двое очаровательны, честное слово! Ладно, что тут происходит – не мое дело. По крайней мере, до позднего вечера, когда мы будем поздравлять победителя чемпионата США или заливать горе водкой. Кстати, Чарли, будешь пить и в том, и другом случае. Тогда ты мне все и выложишь. А пока, думаю, достаточно сказать, что вы отлично смотрите вместе.

– Пайпер... – Чарли остановила ее суровым взглядом.

– Э-э... спасибо, – неуверенно пробормотал Дэн и повернулся к Чарли: – Подождать тебя или встретимся там?

Чарли повернулась к Дэну и посмотрела ему прямо в глаза. Почему раньше она не замечала их необычный серый оттенок? Или того, что он за едой всегда читает книги – самые настоящие книги, напечатанные на бумаге? Или как он хрустит пальцами, когда волнуется?

Встав на цыпочки, Чарли прижалась губами к его губам.

– Иди. Я здесь поболтаю с Пайпер, а потом встречусь с Марси. Я напишу тебе, когда подойду.

Он кивнул, снова поцеловал ее, помахал Пайпер, сидевшей на диване и изображавшей полное равнодушие, и ушел. Чарли не смогла сдержать улыбки. Всего несколько месяцев назад она отчаянно добивалась внимания Марко. Да, положив конец их связи, она приняла правильное решение.

– Что? – Пайпер пожала плечами. – Думаешь, я хоть чуточку удивлена? Это был всего лишь вопрос времени.

– Ой, да ладно! – воскликнула Чарли, садясь рядом с Пайпер.

– Не смейся. Любой заметил бы, что к этому все идет.

– Неужели я такая предсказуемая?

– Конечно.

– Спасибо.

– Чарли! Сама подумай. Марко Вальехо? Зик Лейтон? Ни одного из них нельзя назвать подходящей для тебя парой. А кроткий, трудолюбивый Дэн? Высокий, добрый и очень симпатичный? Элементарно!

– У нас все пока медленно развивается, – сказала Чарли, накалывая на вилку кусочек дыни из миски с фруктовым салатом.

– Насколько медленно?

– Чрезвычайно.

– Ты с ним еще не спала?

– Да.

– Да – не спала или да – спала?

– Мы оба не хотим спешить. Да, что мы... ну, не знаю... нравимся друг другу. Нам просто не нужно пока прыгать в постель.

– Неужели?

– Мы не так давно... всего месяц. Мы даже поцеловались впервые только в Торонто. Четыре недели назад. Некоторый прогресс был в Цинциннати, еще немного в Нью-Хейвене, и вот мы здесь.

– Ну и куда вы добрались? До второй базы? До третьей?

Чарли показала Пайпер средний палец.

– Смейся сколько хочешь. Ты теперь замужем и обречена на скучный супружеский секс до конца жизни. Мне, по крайней мере, есть чего с нетерпением ждать.

– Тоже верно.

Чарли сделала глоток настоящего кофе с кофеином – первое изменение, которое она внесла после того, как уволила Тодда.

– Он очень хороший парень, Пайпер. Умный, верный, добрый – все, чего можно желать. Но знаешь, что лучше всего? Когда я с ним, жизнь кажется простой. Он умеет самые сложные ситуации сводить к тому, что действительно имеет значение. Не играет в игры, не устраивает драмы, нет никаких: «Он мне напишет?», «Он мне позвонит?», «Я ему нравлюсь?» и прочего бреда. Мне хорошо.

– Я рада за тебя. Ты заслуживаешь нормального парня.

Чарли проверила телефон и увидела время.

– Надо бежать. У нас сегодня сокращенная тренировка, но прежде я должна встретиться с Марси.

Пайпер встала и закинула на плечо свою огромную сумку.

– Надеюсь, ты намерена унижаться, просить, умолять и подкупать ее, чтобы она снова тебя тренировала?

– Точно.

Они обнялись. Пайпер взяла руки Чарли в свои.

– Задай им жару, Сильвер! Пора тебе уже выиграть одну из этих штуквин.

Чарли положила теннисную сумку у столика возле окна с видом на пустые корты. Сотни теннисистов, которые были в предыдущих кругах, уже уехали из Флашинг-Медоус. Некоторые взяли перерыв и поехали домой; другие отправились на базы своих тренеров для нескольких дней интенсивной тренировки; третьи переместились к следующему турниру в рамках подготовки к изнурительному азиатскому турне – последней части

сезона, до шести-восьми недель отпуска. Все, кто не получил травм и не ушел из спорта, начнут сезон заново с Австралии в январе – и Чарли решила, что, независимо от финала сегодняшнего матча, она даст себе еще один год.

Столовая для теннисистов была пустой. Обычно здесь собирались толпы теннисистов, менеджеров, тренеров, спарринг-партнеров, агентов, родных и друзей. Плоские экраны, свисающие с потолка, показывали в прямом эфире все матчи, которые происходили вокруг этого места, а матери и няньки бегали вокруг столов за детишками, подманивая их шоколадным молоком и печеньем. Нельзя было сделать и шага, чтобы не услышать разговоров по меньшей мере на трех языках. Повсюду люди толкались и окликали друг друга на испанском, хорватском, сербском, немецком, испанском, китайском, русском, французском и английском со всеми мыслимыми акцентами. Люди печатали на ноутбуках или айфонах, вели переговоры, перестраивали графики, заказывали билеты, отменяли билеты и снова заказывали. Чарли любила бурлящую энергию этих столовых, особенно на Шлеме. Проведя в теннисе столько лет, она могла подойти к любому столику и узнать за ним, по крайней мере, десяток человек. И сегодня ей грустно было видеть помещение пустым.

Быстро подсчитав, что она уже съела на завтрак (белковый омлет с овощами, ржаной тост, фруктовый салат, творог и кофе), в какое время будет тренировка (в три часа) и матч (в семь вечера), Чарли выбрала парфе из обезжиренного йогурта, белковый мюсли и банан.

– Удачи вам сегодня, – пожелала девушка-кассир, выбивая чек.

Чарли улыбнулась и поблагодарила ее. Когда она вернулась к столу, Марси уже ждала.

– Что тебе взять? – спросила Чарли, ставя поднос. – Хочешь свой любимый сэндвич с индейкой и диетическую колу?

Марси покачала головой.

– Ничего не нужно. У меня чай.

На улице было тридцать два градуса, но Марси обхватила ладонями пластиковый стакан с чаем, от которого шел пар, словно чашку с горячим шоколадом на горнолыжном курорте.

Чарли села напротив своего бывшего тренера.

– Чарли, не могу описать, как я тобой горжусь. В прошлом году в это время ты была в реабилитационной клинике. Теперь ты в часе от финала Большого шлема. Огромное достижение.

– Это все ты, – сказала Чарли. – Тодд много сделал для моего имиджа и нанял Дэна, благодаря чему мои тренировки стали более продуктивными,

но именно ты всему меня научила. Ты взяла меня с базой, которую дал мне отец, и довела мои удары и игру до следующего уровня. Ты научила меня правильно питаться, не ударяясь в фанатизм, поддерживать хорошую физическую форму, не изнуряя себя, и достойно вести себя как на площадке, так и вне ее. Интересно, что бы ты сделала со мной, случись Чарлстон при тебе? Когда я подала, не дождавшись готовности соперницы?

Марси улыбнулась, поняв, о чем говорит Чарли.

– Ты шутишь? Я заставила бы тебя отдать проклятый титул обратно.

– Именно. А Тодд меня похвалил.

– Не удивлена.

– Я возненавидела себя после того матча. И его тоже.

– Мне очень жаль это слышать, Чарли. У тебя есть все, что нужно для победы в честной борьбе. Тебе не нужны подобные трюки.

– Теперь я это знаю. И, в частности, поэтому уволила Тодда. Ну, скажи. Скажи, что ты меня предупреждала.

– Я тебя предупреждала. Но не кори себя так сильно, Чарли.

– В общем... Все это просто очень длинное и путаное извинение.

– Тебе не за что извиняться. Мы работали вместе десять лет. Я счастлива, что вырастила тебя от юниора до профессионала. Вполне понятно, что ты хотела иметь новую перспективу. Это полезно.

– В теории.

– Иногда и на практике. Возможно, Тодд не был подходящим для тебя тренером, однако на свете есть много потрясающих тренеров.

– Мне нужна ты, – выпалила Чарли, хотя распланировала целую стратегию, даже записала речь, чтобы ничего не забыть. – Я хочу снова работать с тобой.

Марси молчала.

– Ты, наверное, ненавидишь меня, Марси, или, по крайней мере, думаешь, что я идиотка. Впрочем, я и была идиоткой, потому что рассталась с тобой. Но не могла бы ты рассмотреть возможность того, чтобы присоединиться к моей команде? На этот год. Один год. Потом я собираюсь вернуться в колледж. А в новом сезоне я хочу попытаться выиграть турниры, которые еще не выиграла. Кроме того, я планирую посмотреть невероятные страны, которые я посещаю каждые двенадцать месяцев, но по-настоящему никогда не видела. Я знаю, что прошу многого, особенно после того, как... Ты вернешься ко мне?

Когда Марси грустно улыбнулась, Чарли поняла, что ничего не выйдет.

– Я скучаю по тому, как мы с тобой смотрели сериалы по вечерам, – сказала Чарли.

Марси рассмеялась.

– Я по этим вечерам тоже скучаю. Не смотрела «Мастера ремонта»? Чип и Джоанна сначала меня раздражали, а теперь я их даже полюбила.

– Я тоже! Правда, немного устала от ее одержимости светлыми шкафами и темными столешницами...

– Чарли. – Марси кашлянула, затем сделала глоток чаю, словно подкрепляя свою решимость. – Я не смогу тебя тренировать.

Чарли почувствовала, как краснеют щеки. Конечно, глупо было и просить.

– Я хотела бы работать с тобой снова. Собственно, это даже не работа. Но мне нужно... личное время. Я беременна.

Чарли почувствовала волну облегчения.

– Ты беременна? Правда?

– Четвертая попытка была удачной. Двенадцатая неделя. Я рожаю в феврале следующего года.

– О, боже! Поздравляю! Я знаю, вы давно пытались, и мне было неудобно затрагивать эту тему... Я так рада за вас обоих!

Лицо Марси засветилось.

– Спасибо. Мы оба в восторге! Но, как ты можешь себе представить, следующие шесть месяцев Уилл будет держать меня на коротком поводке. Никаких международных перелетов, а после седьмого месяца вообще никаких поездок. Так что сейчас я не гожусь для работы в турне.

– Конечно! Я понимаю!

– Но, Чарли... я бы вернулась, если бы могла.

– Честно? – спросила Чарли.

– Честно. И скоро вернусь. Это был один из лучших периодов моей карьеры.

– Моей тоже. – Чарли вытерла непрошеную слезинку.

– Не плачь в день финала. Все хорошо. Как ты настроена на сегодняшнюю игру?

Чарли улыбнулась сквозь слезы. Она понимала, что только часть ее эмоций связана с Марси, а большая их часть вызвана волнением из-за того, что она прошла в финал Открытого чемпионата США. Домашний фаворит. В тот вечер она играла на родной земле, и двадцать три тысячи болельщиков скандировали ее имя. Невероятное ощущение.

Чарли сделала глоток воды.

– Даже не знаю. Физически я чувствую себя сильной и готовой. Эмоционально – на грани нервного срыва. И, пожалуй, испытываю облегчение, что играю с Карин, а не с Натальей.

– Я была в Эмиратах, когда ты играла в полуфинале против Натальи. Ты просто разбила ее игру. Разобрала очко за очком. Ты задавала темп матча и не давала ей расслабиться ни на секунду. Ты была сосредоточена, технична и контролировала каждый мяч. Мне не нужно объяснять тебе, что выигрыш сета всухую в полуфинале Шлема, тем более против Натальи Ивановой, – чертовски впечатляет, и если ты сумела это сделать тогда, то ты можешь сделать это и сегодня вечером.

– Спасибо. – Чарли выпрямилась и расправила плечи. – Спасибо за все. Твоей дочке повезло иметь такую маму.

– Дочке?

– Я уверена, что будет девочка.

– Так и есть.

– Ты уже знаешь? – удивилась Чарли.

– Теперь делают анализ крови для мам в зрелом возрасте. Да, девочка. Может быть, в один прекрасный день ты сможешь мне научить ее играть?

Чарли обошла вокруг стола, села рядом с Марси и крепко ее обняла.

– Это будет для меня огромная честь.

Глава 23. Подача Шарлотты Сильвер

Открытый чемпионат США.

Август 2016 года

Чарли смотрела, как Карин Гейгер отвечает на вопросы репортера ESPN. Они стояли в длинном коридоре, ведущем из раздевалки на корт стадиона «Артур Эш». Их окружали черно-белые фотографии всех победителей этого корта – Штеффи, Пит, Андре, Роджер, Стефан, Дженнифер, Марко, Крисси, Мартина, Ринальдо, Джон, Серена, Джимми, Наталья, Венера, Рафа, Энди, Мария. Казалось бы, самый обычный коридор без окон, немного темный и унылый – если бы не легенды тенниса, смотревшие на них со всех сторон.

– Чего вы надеетесь достичь в сегодняшнем матче? – спросила женщина-репортер, подсовывая микрофон Карин под подбородок.

Карин, обычно приветливая, презрительно фыркнула.

– Достичь? Ну, я здесь явно не для того, чтобы поработать над своим ударом слева, – бросила она, снова втыкая в уши наушники.

– Удачи, Карин! – сказала журналистка, но Карин уже закинула на плечо теннисную сумку и пошла к двери, за которой она будет прыгать и делать выпады, ожидая, пока Чарли даст интервью, чтобы потом обеих могли официально объявить на корте.

– А вот Шарлотта Сильвер, занимающая второе место в женском рейтинге, и явный фаворит сегодня здесь, во Флашинг-Медоус. Шарлотта, как вы настроены на игру?

Журналисты обожали этот вопрос, и каждый теннисист в истории спорта выдавал в ответ вариацию на тему «Я настроен очень уверенно. Я готов».

Именно эти слова и сказала Чарли. И, как всегда, удивилась, когда журналистка с энтузиазмом закивала, словно Чарли только что произнесла великое откровение.

– Наверное, необыкновенное чувство – стоять в компании таких легенд, – заявила журналистка, держа свои накрашенные губы в сантиметре от микрофона.

– Конечно. – Чарли смотрела ей прямо в глаза. Боковым зрением она видела, что оператор берет ее крупным планом. – К тому же сегодняшний вечер имеет для меня особенное значение. Это будет мой предпоследний

Открытый чемпионат США.

Тишину, наступившую в коридоре, Чарли ощутила раньше, чем услышала.

– Означает ли это... Вы говорите... Можно ли это считать объявлением о вашем уходе из спорта? – разволновалась репортерша.

Чарли подалась вперед, чтобы посмотреть на Дэна. Он подмигнул. Дэн и Джейк уже знали о ее плане, но отец слышал о нем впервые. Она взяла в руку микрофон и повернулась, глядя прямо на своего отца.

– Да. Независимо от того, выиграю я или проиграю сегодня, я собираюсь играть профессионально еще только один год. Следующий Открытый чемпионат США станет моим последним крупным турниром.

Удивление на лице мистера Сильвера не уступало изумлению журналистки, явно не готовой отступить от своего сценария предматчевого интервью. Она замялась на мгновение, начала было говорить, потом умолкла. Наконец она сказала:

– Для теннисистки, которая, судя по всему, пребывает на пике карьеры, довольно необычно уходить из спорта в двадцать пять лет? Можете ли вы объяснить причины такого решения? Что ждет впереди Шарлотту Сильвер?

– Пожалуйста, простите, мне пора выходить на корт.

– Да, да, – пробормотала репортер, очевидно, забыв о поводе интервью в свете внезапной сенсации. – Мы желаем вам удачи. Сегодня и всегда.

Чарли сразу почувствовала на плече руку отца. Она повернулась и обняла его.

– Пришло время, – сказала она.

– Ты уверена? – тихо спросил он.

Она отстранилась от него и кивнула.

– Да. Один год. Я, наконец, чувствую, что этого достаточно.

Отец улыбался.

– Это более чем достаточно, учитывая, чего ты достигла и как много работала. Однако самое главное, что ты сама это чувствуешь. Я ждал.

– Знаю, папа. И ценю это сильнее, чем могу выразить.

– Шарлотта? Карин? – окликнула их Изабель, глядя на гигантский цифровой дисплей, показывающий обратный отсчет секунд до начала матча. – Время для объявления участников.

Отец поцеловал ее в щеку. Дэн улыбнулся и кивнул, а Джейк показал два больших пальца. Представитель администрации турнира пригласил команды Чарли и Карин следовать за ним через другой выход, где он проводит их в гостевые ложи. Дверь на корт предназначалась только для игроков.

Чарли слушала, как комментатор перечисляет спортивные достижения Карин: номер один в мировом теннисном рейтинге, шестикратная финалистка турниров Большого шлема и победитель трех из них, самая молодая теннисистка за последние десять лет, победившая в двух турнирах Шлема подряд. Камеры транслировали на огромный экран буйные толпы американской публики, которые приветствовали обеих соперниц, но с гораздо большим энтузиазмом – Чарли. Рев трибун заглушил голос комментатора, когда тот перешел к ее статистике. Чарли напрягала слух, желая узнать, как выглядят двадцать с лишним лет ее жизни, сжатые до одного абзаца, однако шум и эмоции не давали этого сделать. Когда пришло время выйти на легендарный корт, Чарли на секунду впала в оцепенение, и Изабель пришлось ее подтолкнуть.

Аплодисменты прозвучали как раскат грома. Они начались в секциях, ближайших к тому проходу, откуда появилась Чарли, и ураганом прокатились от ложи к ложе, от секции к секции по всему стадиону. Никто не сидел; каждый из двадцати трех тысяч человек, пришедших сюда в этот великолепный августовский вечер, стоял на ногах, кричал и хлопал. Она помахала им. Толпа взревела, и этот рев вибрацией отозвался в ее груди.

Чарли разложила ракетки возле своего стула, отвинтила крышку первой бутылки «Гаторейд» и взглянула на гостевую ложу. В самом первом ряду, бок о бок, сидели Джейк и Бенджи. Без сомнения, за ними охотились все фотокамеры на стадионе: только на днях вышел новый номер «Спортс иллюстрейтед» – впервые в истории с фотографией открытого гея на обложке. На снимке Бенджи стоял в форме и шлеме «Долфинс», с боевой раскраской под глазами, и смотрел прямо в камеру, скрестив мускулистые руки на широкой груди. Заголовок над фотографией крупным шрифтом призывал читателей: «Примите как данность», а ниже, шрифтом помельче шло: «Всеми любимый футбольный квотербек открыто признает себя геем, и его не волнует, что вы скажете по этому поводу». Как и следовало ожидать, когда Бенджи объявил об этом в начале лета, в прессе поднялась страшная шумиха, но уже через несколько недель бесконечных обсуждений и хорошо продуманных комментариев со стороны НФЛ в поддержку своего игрока эта история начала забываться. Чарли никогда не видела Джейка счастливее. Рядом с ними сидели мистер Сильвер и Эйлин. Семейная свадебная церемония была запланирована на следующий месяц, и Чарли уже приготовила подарок: два билета в кругосветное путешествие – чтобы они посмотрели мир, отдохнули и, может быть, даже навестили ее в далеких странах.

В ряду позади них сидели Пайпер и Ронин, которые поздно ночью

улетали на свой медовый месяц в Южную Америку. Пайпер поймала взгляд Чарли и, выпучив глаза, покосилась вправо, как бы говоря: «Серьезно?» Чарли расхохоталась. Справа от Пайпер сидел не кто иной, как Зик Лейтон собственной персоной. Он жизнерадостно помахал Чарли и соорудил физиономию для камер. Каждый раз, когда его показывали на огромных экранах, установленных по всему стадиону, трибуны сходили с ума.

В третьем и последнем ряду сидел Дэн. Она знала, что и отец, и Джейк, и наверняка Пайпер предлагали ему сесть с ними, но ему нравилось смотреть на корт с самой высокой точки и следить за каждым мячом с вниманием хирурга. Он будет анализировать матч. Он будет желать ей победы. А когда все закончится, не важно, решительной победой или унижительным поражением, крепко обнимет ее и спросит, не хочет ли она сходить в новый корейский ресторанчик, о котором он недавно читал. В эту секунду Дэн не смотрел на нее, но Чарли все равно ему улыбнулась.

Разминка пролетела так быстро, что жеребьевка стала для Чарли неожиданностью. Когда судья на вышке объявил, что Чарли выиграла, она автоматически выбрала подачу. Карин одарила ее жестким взглядом и отошла назад к своему стулу. У них была еще минута до официального начала игры. И тут Чарли окликнула соперницу.

Под взглядами мальчиков и девочек, подающих мячи, линейных судей, судьи на вышке и тысяч поклонников, Карин медленно обернулась, всего в три длинных шага подошла к сетке и вопросительно подняла бровь.

Чарли остро осознавала направленное на них внимание камер. С колотящимся сердцем, едва не касаясь губами уха соперницы, она прошептала:

– Я хочу попросить прощения за свой поступок в Чарлстоне. Это было некрасиво с моей стороны.

Карин отступила на два шага и посмотрела Чарли в глаза. Пару секунд обе молчали, потом Карин кивнула.

– Спасибо.

Вернувшись к своему стулу, Чарли сделала глоток воды и съела кусочек банана. До начала игры – тридцать секунд. Она снова бросила взгляд на свою ложу и ощутила прилив благодарности за то, что эти люди есть в ее жизни, а затем, в последние из оставшихся у нее секунд, достала фотографию, которая всегда лежала в теннисной сумке, и приставила ее к спинке стула. Сегодня мать будет наблюдать за ней с лучшего места на стадионе.

Чарли попрыгала на носках, стараясь успокоиться. На той стороне, за сеткой, ее соперница сделала глубокий медленный вдох, очевидно, пытаясь

унять в крови лишний адреналин. Судья на вышке подался к микрофону и командным голосом объявил:

– Первый сет. Подача Шарлотты Сильвер.

Чарли глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Началось. Она поставила ноги на ширину плеч, трижды отбила мяч о корт и подбросила его в воздух. Взлетев, мяч растворился в огнях стадиона. Чарли ощутила легкий укол паники и неуверенности, но все равно подпрыгнула, призвав на помощь мышечную память, веру и пламенную надежду, уверенная, что готова ко всему.

Выражение признательности

Эта книга не увидела бы свет без помощи и руководства Ари Флейшера и Мики Лоулер, людей, искренне любящих теннис и теннисистов, посвятивших всю свою жизнь спорту. Я благодарю Ари за предоставленный мне краш-курс по профессиональному теннису и за телефоны из его обширной сети контактов, по которым я смогла найти ответы на любые свои вопросы. Благодарю Мики за любезно выделенное мне время, знания, юмор, идеи и за дружескую поддержку в столь многих аспектах, что я вряд ли сумела бы перечислить все. Новые интересные знакомства – одно из преимуществ написания этой книги.

Я благодарю Даниэлу Гантухову, теннисистку, которой я безмерно восхищаюсь, за то, что она поделилась со мной информацией о своей карьере, позволила мне заглянуть за кулисы соревнований самого высокого уровня, консультировала по вопросам тренировок, питания, графиков поездок, радостей и трудностей жизни в теннисном турне. Я восторгаюсь вашей грацией как на корте, так и вне его и всегда буду болеть за вас (зачастую слишком громко: «Вперед, Дани!»). Я очень признательна всем людям из теннисного мира, кто нашел время для общения со мной. Из Женской теннисной ассоциации я благодарю Энн Остин, Лоуренса Эпплбаума, Кэтрин Снеддон, Стэйси Алластер, Меган Роуз, Джеффа Уотсона, Эми Хитчинсон и Кэтлин Стройа за неоценимую помощь в моих исследованиях. Спасибо Келли Вулф за помощь в организации незабываемой поездки в Уимблдон и Питеру-Майклу Рейчел и Сандре Рейчел за щедрость, пока я там была. Элизабет и Майкл Бирн, спасибо вам за гостеприимство в вашем красивом доме в Уимблдон-Виллидж. Вы удивительно тепло меня приняли, и я очень надеюсь, что в ближайшее время смогу приехать еще. Спасибо Энн Вустер и Розы Родригес за гостеприимство на «Коннектикут Оупен», и доктору Дэвиду Коэну, хирургу-ортопеду и моему обожаемому зятю, за помощь с медицинскими терминами. И, наконец, моя огромная благодарность Джареду Пински за ответы на все мои вопросы о спарринг-партнерах, а также Яне Сойфер и Кэрри Лубитц, которые помогли мне понять радости и горести детства, проведенного за обучением теннису.

Слоана Харриса, моего друга и агента, благодарю за умение (тонко отточенное после восьми лет совместной работы) обсуждать высоту женских каблучков и теннисные напульсники так же свободно, как

контракты и прочие скучные коммерческие дела. Хизер Карпас спасибо за то, что была моим первым слушателем и советником чаще, чем я хотела бы признавать. Кристин Кини, шлю вам огромный привет и благодарность за то, что всегда полны энтузиазма и у вас всегда находятся правильные ответы.

Спасибо всей моей семье в «Саймон и Шустер». Прошло двенадцать лет с тех пор, как моя первая книга удостоилась чести быть опубликованной такой потрясающей командой. Каролин Рейди и Джон Карп, спасибо за веру в меня и поддержку. Благодарю Ричарда Рорера, Сару Рейди, Зака Нолла, Эбони Далил, Джеки Сеоу, Эмили Граф, Лизу Сильверман, Кэти Риццо, Элизабет Бриден и Саманту О'Хара за всю работу, которую вы делаете каждый день, помогая выпустить в свет мои книги – и все другие книги, которые мы любим читать. И огромная моя благодарность Мэрисю Руччи – вы для меня гораздо больше, чем редактор. Вы мой главный болельщик, советник и учитель. С первых черновиков и до публикации вы следите за процессом написания книги своим любящим и внимательным взглядом, и я очень благодарна вам, как своему доверенному другу и партнеру в издательстве.

Мне так повезло работать с лучшей командой в Великобритании. Линн Дрю в «Харпер Коллинз», спасибо за ваши проницательные редакторские комментарии и вашу постоянную поддержку всех моих книг – ваша дружба значит для меня очень много. Огромное спасибо Шарлотт Баббин, Элизабет Доусон, Хайме Фрост, Хайке Шусслер и всей команде «Харпер Коллинз» в Великобритании и Австралии. Мои благодарности Вивьен Шустер и Софи Бейкер из «Кертис Браун» за бесценные советы и наставничество.

Спасибо всем моим друзьям, как новым, так и старым. Я всех вас люблю. Ика и Александр Грин, спасибо вам за первое прочтение романа и ваш энтузиазм. Благодарю Кайл Уайт и Людмилу Суворову за бесконечную поддержку, Дженн Фалик за то, что были моими проводниками в новом мире, и Одетт Стейпл за то, что вы всех нас связываете. Спасибо за вашу работу.

Я бесконечно благодарна своим родным, близким и далеким. Моей матери Шерил – за любовь и поддержку, и отцу Стиву – за то, что привел меня в теннис в раннем возрасте и привил любовь к спорту. Джуди и Берни, благодарю вас за вашу доброту и помощь. Джеки и Мел: не всем повезло в жизни получить вторую пару родителей, и я с гордостью говорю, что обожаю своих. Моим братьям и сестрам и в то же время близким друзьям: Дана, Сет, Дэйв и Эллисон, спасибо, что вы такая огромная и прекрасная

часть моей жизни.

И главная признательность моему мужу. Майк, все это стало возможным только благодаря тебе. Ты убедил меня писать о том, что я люблю, и помог довести эту книгу от грубого чернового наброска до окончательно отредактированной рукописи. Я бесконечно благодарна тебе за все, что ты делаешь для меня, для нас и для нашей семьи. Я люблю тебя. И, наконец, спасибо моим дорогим и ослепительным Р. и С. Вы – все для меня.

---

notes

Примечания

Приглашение на матч, выданное организаторами турнира теннисисту, не прошедшему общую квалификацию. – *Здесь и далее примеч. пер.*

В широком смысле – юные поклонницы знаменитости, готовые ради своих кумиров на все.

Университет Калифорнии в Лос-Анджелесе.

4

От *англ.* WASP – белый англосаксонский протестант.

От *англ.* bagel – выигрыш или проигрыш в сете со счетом 6:0.

От *англ.* Grindr – интернет-приложение, социальная сеть для геев.

От *англ.* FIG – дорогой ресторан на острове Дэниэл, название расшифровывается как *food is good*.

Спасибо. Увидимся позже (*исп.*).

Целую! (*усп.*).

Ресурс, на котором молодые люди (обычно иностранцы) предлагают свои услуги по уходу за детьми, больными или стариками, работе по дому и т. п.

Тетрагидроканнабиол – вещество, содержащееся в марихуане.

Реабилитационный центр для алкоголиков и наркоманов.